

■ Валентина Григорян ■

РУССКИЕ ЖЕНЫ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНАРХОВ

*Жизнь и судьбы шестнадцати невест
из романовского Дома*

Валентина
Григорян

■ Валентина Григорян ■

РУССКИЕ ЖЕНЫ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНАРХОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)-8
Г 80

Григорян, В. Г.

Г 80 Русские жены европейских монархов / Валентина Григорян. — М.: Астрель: АСТ, 2011. — 381, [3] с.

ISBN 978-5-17-072096-5 (АСТ)

ISBN 978-5-271-33167-1 (Астрель)

Новая книга современной писательницы-историка В. Григорян включает подробные биографические очерки о шестнадцати русских царевнах, ставших в разные годы супругами монархов Англии, Германии, Греции, Нидерландов, Швеции и других европейских стран.

УДК 94(47)(092)

ББК 63.3(2)-8

Подписано в печать 19.10.2010. Формат 84×108^{1/32}
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,2
Тираж 3000 экз. Заказ № 266

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

© Григорян В. Г., 2010
© ООО «Издательство Астрель», 2010

Предисловие

О русских правителях – князьях, царях, императорах – сейчас пишут много. Две правившие династии – Рюриковичи и Романовы, два царя из первой (Иван IV и его сын Федор) и восемнадцать из второй. Романовы восседали на российском троне в течение трехсот пяти лет. На них самодержавие на русской земле кончилось.

К судьбам всех этих государей в последнее время отмечается особый интерес. Большое внимание привлекает и тесная родственная связь российских правителей с европейскими династиями, которая осуществлялась через браки членов царствующих владетельных домов.

Начало было положено еще в XI веке, когда великий князь Ярослав, заслуживший в летописи имя Мудрого, единолично властвовавший от берегов Балтийского моря до южных границ Руси, решил выдать трех своих дочерей замуж за иностранцев. Старшая, Елизавета, отданная принцу норвежскому, стала королевой Норвегии. Младшая, Анастасия, была выдана за венгерского короля, а средняя, Анна, стала женой короля Франции.

Перед княжной Анной стояла совершенно четкая задача: родить тридцатидевятилетнему королю Ген-

риху I наследника, поскольку от первой жены он детей не имел. Как сообщается во французских исторических хрониках, до него дошли слухи о красоте дочери Ярослава, князя Руси, страны, известной в то время как процветающий край высокой культуры. Генрих послал в 1044 году в стольный град Киев епископа из Парижа с большим посольством, чтобы предложить Анне свою руку.

После бракосочетания от дочери Ярослава Мудрого стали ждать наследника. Но надежды оправдались не сразу.

«Прошло восемь лет, – сообщают французские хроники, – а детей все не было... Король был от этого в большом огорчении, а Анна, огорченная еще больше, чем он, безутешно скорбела. Перепробовав все существующие лекарства, она обратила свои молитвы к небу, уповая на святого Винсента – заступника французов. Анна почувствовала результаты этого и перед концом 1053 года родила мальчика, которого назвали Филиппом». В признательность святому Винсенту королева Анна и воздвигла церковь в городке Санлисе, расположенном к северу от Парижа. На фронтоне собора и сейчас можно видеть скульптуру женщины с надписью: *«Анна русская, королева французская, основательница собора, 1060 год».* А над одной из могил у собора Сен-Венсен есть надпись на постаменте: *«Анна из России, королева Франции»*, – хотя о месте, где действительно похоронена киевская княжна, сказать точно никто не может. Между историками и по сей день существуют разногласия по этому поводу. Очевидным остается лишь тот факт, что шестнадцатилетнюю дочь великого князя увезли из родного терема в далекий столичный французский городок Париж, где ей предстояло жить и окончить свои дни.

Желание выдать дочь за иностранного принца было и у Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых. В женихи своей старшей дочери, царевне Ирине, он выбрал побочного сына датского короля Христиана IV Вольдемара, носившего титул графа Шлезвиг-Голштинского. Для ведения переговоров к датскому двору были отправлены русские послы. И согласие было получено.

Спустя год королевич с большой свитой прибыл в Москву. Однако познакомиться с невестой ему не разрешили, так как по традиции того времени свою нареченную супруг мог увидеть в первый раз лишь за свадебным столом.

Получив богатые подарки, королевич Вольдемар возвратился в Данию. В Москву он приехал вновь через два с половиной года. Но увы, свадьба не состоялась: датский принц, будучи протестантом, отказался принять крещение по обряду православия, на чем упорно настаивал русский царь.

Царевна Ирина (как, впрочем, и ее младшие сестры) замуж так и не вышла и всю жизнь прожила в царском тереме.

Таким образом, традиция строить отношения русского правившего Дома с Европой через судьбы дочерей из царской семьи была заложена уже в те далекие времена. Девушки были богатыми и знатными невестами, но в супружество их вела не любовь, а чувство долга и желание родителей укрепить отношения с иноземными странами. Они росли и воспитывались с сознанием того, что придет время, когда они выйдут замуж и навсегда покинут свою родину. В силу своего рождения царевны обычно становились заложницами политических планов и амбиций своих семей. В этом, собственно, и состояла их историческая миссия. Нередко ум и талант многих из них способствовали ук-

реплению взаимопонимания и дружбы между Россией и европейскими странами.

Но что же «досталось» венценосным невестам от потомков? Почти полное забвение на родине и почти полное умолчание в зарубежной исторической литературе, разве что скудные заметки в архивных документах.

Автор ставит своей целью представить современному читателю, как правило, нелегкие судьбы дев из царских семей с попыткой воссоздания их биографий, правда лишь в общих чертах. Ведь частная жизнь наших героинь обычно оставалась за плотным занавесом, скрывавшим от посторонних глаз подробности их бытия. Читатель получит тем не менее возможность познакомиться с жизнью невест царского дома, вынужденных покинуть родное гнездо.

Первой романовской нитью в кружеве европейских владетельных домов стала племянница императора Петра I царевна Анна, дочь его сводного брата Иоанна. С нее и начинается данное повествование.

Племянницы и дочь императора Петра I

Анна Иоанновна

Царевна, герцогиня Курляндская, с 1730 года российская императрица, дочь царя Иоанна V и царицы Прасковьи Федоровны.

Анна родилась 28 января 1693 года в кремлевских палатах Москвы. Три года спустя после ее рождения отец, царь Иоанн Алексеевич, промочил ноги во время рождественского крестного хода и от сильной простуды через несколько дней умер. Мать, царица Прасковья, дочь стольника и воеводы боярина Салтыкова, с тремя дочками-малютками осталась вдовой. Анна была средней.

Единодержавным государем после смерти своего сводного брата стал Петр Алексеевич. Местом жительства для своей невестки он определил расположенный вблизи Москвы Измайловский дворец – летнюю резиденцию отца, царя Алексея Михайловича, – обустроенный под зимнее жилье. К Измайловскому дворцу прилегали обширные сельские угодья, сады и огороды. Уже со времен боярина Никиты Романова, вотчиной которого было село Измайлово, оно славилось отличным ведением хозяйства. На этих просторах и предстояло жить царице и ее дочерям.

Судьба их при Петре I резко поменялась. Рожденные в семье царя девочки раньше жили в тереме и продолжали там оставаться, становясь взрослыми. Выдавать их замуж было не принято. Считалось, что бояре и князья им неровня.

Жизнь царских дочерей в тереме протекала весьма однообразно. Видеть они могли лишь немногих людей, в основном близких родственников. Время проводили главным образом в молитвах или за рукоделием, развлекались песнями и сказками, строго соблюдали обряды православной церкви. Учились немногому, из своих покоев выходили только на богомолье и то под присмотром.

Анне и ее сестрам в этом смысле повезло. Их детство протекало не за закрытыми дверьми терема, а во дворце матери в Измайлове, где жить было весело в окружении многочисленной дворни. Для образования своих дочерей царица Прасковья пригласила заграничных учителей, что в то время было крайне редким явлением. Иноземцам, по всей видимости, было поручено не преподавать царевнам науки, а готовить их к замужеству за принцев европейских дворов. Поэтому главной заботой было научить царских дочерей иностранным языкам, танцам и, конечно же, хорошим манерам.

Как отмечают очевидцы, племянницы царя Петра были вежливы, благовоспитанны и весьма недурны собой. Среди трех сестер царевна Анна была самой привлекательной и отличалась особой миловидностью. В пятнадцать лет она благодаря своим не по возрасту развитым формам уже не казалась подростком. Вот только в ее характере даже в этом возрасте проявлялась какая-то особая суровость и жесткость. Повлияла, по-видимому, нездоровая атмосфера, царившая при дворе матери, женщины крайне суеверной и глу-

боко религиозной, в окружении которой постоянно находились нищие богомольцы, калеки, уроды и юродивые. Однако набожность и сердоболие царицы Прасковьи уживались с беспредельной жестокостью к дворне – это можно назвать родовой чертой Салтыковых.

Анне не было и шестнадцати лет, когда Петр I потребовал, чтобы все члены царской семьи перебрались в Санкт-Петербург – город, построенный на берегах Невы и объявленный российской столицей. Царица Прасковья, всегда послушная желаниям государя, поспешила поехать на новое местожительство, хотя расставаться с налаженным хозяйством ей было нелегко. В марте 1708 года бесконечная вереница повозок с царицей, царевнами, многочисленной прислугой и вещами потянулась по едва проложенной дороге на запад. Вблизи скромного жилища государя вдовствующей царице с дочерьми в полную собственность был отведен большой дом.

В Петербурге жизнь дочери вдовствующей царицы Прасковьи, Анны, очень преобразилась. Начались бесконечные выезды, увеселительные прогулки, катания, обеды, фейерверки, на которых она присутствовала со всей царской семьей, окруженная почетом и вниманием. Это, конечно же, льстило молодой девушке.

Так прошли два беззаботных года, когда вдруг прозвучало страшное слово «замуж». Дядя решил определить дальнейшую судьбу своей племянницы.

Весной 1710 года царь Петр I устроил помолвку Анны с восемнадцатилетним герцогом Курляндским Фридрихом Вильгельмом. Состоялась она в отсутствие самого герцога. Его персону представлял гофмаршал двора, который от имени своего господина обратился к российскому государю с просьбой руки царе-

вны. Это по тем временам было неувидительно. Ведь согласно обычаям московской старины жених мог увидеть свою невесту лишь на свадьбе. До этого момента судьбу будущих супругов решали либо их родственники, либо сваха. Да и в практике западноевропейских дворов знакомство жениха и невесты чаще всего происходило во время свадебного пира, а до этого они лишь обменивались портретами.

Со времен царя Петра брачные контакты в России постепенно начали приобретать политическое значение. Ведь родство с европейскими владетельными домами давало возможность каким-то образом влиять и на дела в Европе. Правда, в начале XVIII века в представлении Запада Московия оставалась варварским государством и среди кандидатов в мужья царским дочерям пока еще не было представителей таких больших государств, как Англия, Испания или Франция. (Попытка Петра I выдать свою дочь, красавицу Елизавету, за французского принца не увенчалась успехом. Брачный контракт так и не был подписан. Из Франции пришел отказ.)

Для своей племянницы Анны русский царь выбрал маленькое государство – герцогство Курляндское.

* * *

Расположенное на территории, бывшей ранее в подчинении Польско-Литовского государства, герцогство образовалось в результате Ливонской войны, когда территория Ливонии (так именовались нынешние Латвия и Эстония) при распаде Ливонского ордена была разделена между Швецией, Польшей и Россией. Во главе Курляндии стояли последний магистр

Ливонского ордена Готард Кетлер и его потомки. (С 1737 года герцогством будут править Бироны.) Центром герцогства был небольшой город Митава (ныне Елгава).

В начале 1710 года Митаву посетил русский царь, чтобы провести с герцогом переговоры о союзничестве в предстоящей войне со Швецией. В то время в герцогстве была нелегкая ситуация. Хозяйство пришло в упадок, торговля – основной источник доходов – не приносила нужных дивидендов. Значительные убытки причинила «великая чума», разразившаяся в 1709 году. От нее погибла примерно половина населения Курляндии. Да и управление страной не было налажено. Дело в том, что после смерти герцога Фридриха Казимира трон перешел к его малолетнему сыну Фридриху Вильгельму. До его совершеннолетия страной управлял дед, который, однако, во время Северной войны бежал в Польшу. Герцогство некоторое время оставалось без правителя, в нем хозяйничала шведская армия. В 1710 году наследник герцогского престола Фридрих Вильгельм был объявлен совершеннолетним и смог вступить в правление страной.

Фридрих Вильгельм приходился племянником прусскому королю Фридриху I, с которым еще год назад царь Петр I при встрече в Мариенвердере договорился о брачном союзе молодого герцога с царевной Анной Иоанновной. Герцог Курляндский не заставил себя долго ждать и через своих уполномоченных попросил руки царской племянницы. Этот брак был выгоден обеим сторонам. Курляндское дворянство сознавало, что герцогство не может существовать без сильного покровительства, Россия же была заинтересована расширить свои владения, а главное – получить важные порты на Балтике – Вентспилс и Лиенау. Поэтому

российский царь и выбрал в мужа племянницы герцога Курляндии.

Итак, договоренность о брачном союзе была достигнута, помолвка свершилась, и молодого герцога пригласили в Россию. Анна по просьбе матери написала ему по этому поводу любезное письмо на немецком языке.

После того, как вопрос о приданом был тщательно обсужден и решен послами герцога с русским правительством, жених не замедлил прибыть в Петербург. В царской семье Фридриха Вильгельма встретили очень радушно. Сам государь, как свидетельствуют очевидцы, принял герцога «с большой благосклонностью».

Свадьба царевны Анны и герцога Фридриха Вильгельма, потомка Готарда Кетлера, состоялась в ноябре 1710 года в Петербурге. Гостей было приглашено множество. Обряд обручения свершился в часовне при дворце светлейшего князя Меншикова. Князь держал венец над головой невесты, а царь над женихом. Затем все присутствовавшие были приглашены к столу, который ломился от яств. За здоровье молодых много пили. Лишь поздно вечером после танцев новобрачные отправились в свои покои.

Свадебные торжества длились еще две недели. Один пир сменялся другим. Сопровождались празднества целым рядом затей. На одном из пиршеств, например, подали два огромных пирога, из которых выскочили две разряженные карлицы и протанцевали менуэт на свадебном столе. Устроена была в те дни и потешная свадьба карликов, для чего последних собирали со всей России.

В первой половине января 1711 года герцог Фридрих Вильгельм с молодой женой отправился в свою Курляндию. Но случилось непредвиденное: по пути

домой герцог занемог и внезапно скончался – то ли от лихорадки, то ли, как поговаривали, от непомерного потребления спиртных напитков, которыми так щедро его угощали на Руси.

Смерть мужа племянницы не изменила, однако, планов российского государя. Восемнадцатилетняя вдова должна была продолжить путь на родину своего усопшего супруга, поселиться в Митаве и жить среди немцев в Курляндии. Таково было решение царя Петра I.

Герцогский жезл получил после кончины Фридриха Вильгельма последний потомок Кетлеров, семидесятилетний Фердинанд. Не любимый народом и не способный к управлению герцогством, он жил в Польше, в Митаву ехать не пожелал, а правление предоставил дворянскому совету (оберратам). С приездом вдовствующей герцогини управлять Курляндией практически стал резидент русского царя Петр Михайлович Бестужев, приехавший вместе с Анной в качестве ее гофмаршала.

Оставаясь герцогиней Курляндской, молодая вдова не только была далека от правления страной, но и не имела никаких юридических прав на собственность герцогства. Не могла она распоряжаться и казной, которая по-прежнему оставалась в руках престарелого дяди ее покойного супруга. И, конечно же, герцогиня Анна не могла не чувствовать, что в Митаве она второстепенное лицо. Все знаки оказываемого внешнего уважения не могли скрыть истинного к ней отношения митавского общества. Немцы-курляндцы не проявляли любви к русской царевне-иноземке, «присланной» им в герцогини.

Анна вынуждена была приспособливаться к явно недружелюбной обстановке на родине так внезапно умершего супруга. Ей были чужды нравы и обычаи немцев. Их язык она почти не понимала, что, естественно, ме-

шало общению с придворными. Но более всего ее угнетали денежные затруднения. У Анны, обязанной содержать особый ливрейный штат, повара, лошадей, которых она очень любила и которых у нее было много, и, наконец, поддерживать в порядке старый замок, где проживала, средств было недостаточно. Не хватало денег и на то, чтобы, как писала она дяде Петру, горько жалуясь на свою судьбу, *«себя платьем, бельем, кружевами и, по возможности, алмазами не только по своей чести, но и против прежних вдовствующих герцогинь курляндских достаточно содержать»*.

Что оставалось делать? Только лишь рассчитывать на финансовую поддержку государя, ссылаясь на то, что из-за своего безденежья ей приходится испытывать на себе высокомерие дворянства, считавшего себя потомками тевтонских рыцарей. Однако царь Петр не находил нужным потакать племяннице.

А страсть к роскоши, неожиданно вспыхнувшая в Анне, толкала ее на все новые и новые долги, что заставляло курляндскую герцогиню униженно просить помощи из Петербурга. Нередко она обращалась и к светлейшему князю Меншикову. В своих письмах – «слезницах» – царевна-герцогиня постоянно жаловалась на бедность, ронявшую ее престиж как герцогини, и убогую – в ее понимании – жизнь. А жизнь протекала действительно однообразно и невесело.

Высокого роста, смуглая, с красивыми глазами и полной величественной фигурой, герцогиня уныло ходила по залам Митавского дворца. Анна любила красиво одеваться, умела хорошо держаться. Основным ее занятием была верховая езда да еще стрельба в цель: к ней она пристрастилась, охотясь в лесах Курляндии. В ее комнатах всегда стояли наготове заряженные ружья: у Анны была привычка стрелять из окна в пролетающих птиц, и стреляла она метко.

А в покоях герцогини стояли клетки с птицами, перед которыми она частенько останавливалась в раздумье, словно ощущая себя в том же положении, что и они. Иногда Анна навещала в Петербург или Москву, всегда с просьбами о денежной помощи, стараясь при этом вызвать жалость и расположение своих родственников и друзей.

Царевна Анна и после замужества осталась в православной вере. Вот почему в 1726 году для нужд православных верующих в Митаве, население которой преимущественно исповедовало протестантство, был построен небольшой храм, названный в честь небесных покровителей Анны Иоанновны – праведников Святого Симеона и Святой Анны. (Позже на месте деревянной церкви с одним куполом по проекту Растрелли построили большой храм в стиле русского барокко.)

* * *

Со временем положение вдовы опостылело Анне. Правда, место супруга какое-то время занимал граф Петр Бестужев, присланный царем, чтобы управлять имениями герцогини, присматривать за ее поведением да защищать от нападков местного дворянства. Слух об этом «попечительстве» гофмаршала дошел даже до Петербурга. Связь с Бестужевым была прервана.

Однако от отсутствия мужского внимания молодая вдова не страдала. Когда Анне исполнилось двадцать пять лет, в ее судьбе произошло событие, которому суждено было оказать решающее влияние на судьбу будущей императрицы и даже на судьбу России.

На подпись герцогине однажды принес бумаги какой-то новый чиновник из канцелярии. Он привлек внимание Анны Иоанновны, и ему было велено при-

ходить каждый день. Вскоре он стал уже личным секретарем герцогини. Звали молодого человека Эрнст Иоганн Бирон. Его дед служил старшим конюхом при дворе герцога Курляндского, а отец, отставной польский офицер, получил ферму в Курляндии и занимался лесничеством. Эрнст, проучившись несколько семестров в Кенигсбергском университете, после долгих поисков работы приехал в Митаву и устроился в канцелярии дворца. Там и состоялась его встреча с Анной Иоанновной, имевшая весьма знаменательные последствия в российской истории.

Приблизив к себе Бирона, Анна уже не расставалась с ним до самой смерти. А чтобы отвести от себя все подозрения, пять лет спустя женила его на своей придворной даме Бенинге фон Тротта-Треден, некрасивой и болезненной девушке. Все трое жили в герцогском дворце в Митаве. К жене своего фаворита и в особенности к его детям Анна проявляла заботливое внимание. Существует даже версия, что детей родила от Бирона сама герцогиня, а Бенинге только выдавала их за своих. Версия версией, но тот факт, что племянница Петра I любила мужа своей фрейлины, подтверждается всеми современниками.

Однако главным желанием молодой вдовы было желание обзавестись собственной семьей. А претендентов на герцогство Курляндское, выступавших в роли женихов, было немало.

В 1726 году руку и сердце герцогине Анне предложил граф Мориц Саксонский, внебрачный сын польского короля Августа II, известный всей Европе кутила и дуэлянт, промотавший состояние своей первой жены, считавшейся когда-то самой богатой невестой в Саксонии. Анне было уже за тридцать, и, несмотря на скандальную репутацию графа Морица, она решила принять его предложение.

Чем же привлекла красавца графа лишенная женского обаяния герцогиня Анна? В данном случае отнюдь не богатым приданым. Ответ простой – граф рассчитывал получить за женой не только герцогство Курляндское, но и титул герцога.

Анне жених понравился при первой же встрече, и она поспешила обратиться к Меншикову, занимавшему особое положение при императрице Екатерине, вступившей на престол после смерти Петра I, с просьбой посодействовать осуществлению своей мечты. Но брак не состоялся. Почему? Да вновь по той же причине – политические планы, интриги. Ведь основным приданым за Анной значилось герцогство. На него наряду с Польшей (Речью Посполитой) и Пруссией претендовала и Россия. Брак же герцогини Анны с Морицем Саксонским сделал бы Курляндию провинцией Саксонского курфюршества. Да и сам жених, как уже говорилось, не прочь был заполучить герцогскую корону.

От всех этих интриг Анна была далека. Ей оставалось продолжать свою жизнь во вдовстве до лучших времен. А они наступили, и довольно-таки скоро после неудачной попытки выйти замуж. Но царевна Анна тогда была уже другим человеком.

Как отмечается в исторической литературе, вдовья жизнь, скудость материальных возможностей при склонности к расточительству, необходимость безропотно подчиняться чужой воле в ущерб личным интересам – все это не способствовало формированию у Анны доброжелательного отношения к окружающим. Из-за долгой жизни вдали от родных, в чуждых ей условиях у герцогини появился комплекс ущербности и развились унаследованные от матери задатки жестокости и склонности к деспотизму. Это проявится в последние десять лет ее жизни.

А события развивались следующим образом. В январе 1730 года от скоротечной оспы скончался юный российский император Петр II, внук дяди Анны. Верховный тайный совет после долгих обсуждений решил пригласить на престол дочь царя Иоанна Алексеевича Романова, герцогиню Курляндскую.

«Она свободна и одарена всеми способностями, нужными для трона» – так мотивировали свой выбор верховники.

* * *

За царской короной в Москву Анна Иоанновна уже ехала с претензиями немецкой герцогини, познавшей лоск европейской жизни. После коронации она еще почти два года жила в Москве, устраивала великолепные празднества, отличавшиеся необыкновенной для того времени роскошью. Переехав затем в Петербург, императрица поселилась в доме графа Апраксина. (Бывший адмирал подарил этот дом еще Петру II.) Анна Иоанновна же, значительно расширив дом, превратила его во дворец, названный Новым Зимним дворцом, а старый, где скончались Петр I и Екатерина I, – современный Эрмитаж – был предоставлен штату придворных, значительно ею увеличенному

Все отныне обставлялось по европейскому образцу. Ведь вдова курляндского герцога прожила в Европе целых двадцать лет и теперь, став императрицей, стремилась подражать в образе жизни немецким дворянам, сходящим с ума от французского Версаля.

Первым шагом самодержавной царицы был вызов своего личного секретаря в столицу. Анна Иоанновна и семья Бирона вновь оказались вместе, но уже в императорском дворце на берегу Невы. А сам фаворит стал

правой рукой, фактически правителем России. В 1737 году при содействии императрицы Анны Иоанновны Бирон получит и корону герцога Курляндского. (В 1795 году герцогство будет присоединено к Российской империи и станет ее Курляндской губернией. Потомку бывшего личного секретаря и фаворита герцогу Петру Бирону в качестве компенсации от русского правительства будет выдана крупная сумма денег. Кроме того, правительство назначит ему пожизненную пенсию.)

Анна Иоанновна процарствовала десять лет. В годы ее правления жизнь при дворе буквально бурлила: императрица устраивала балы, маскарады, званые вечера. Она открыла театр, куда приглашались артисты из разных стран, в том числе из итальянской оперы, имевшей большой успех в Европе. Необычайная роскошь стала наблюдаться в одежде. При Анне Иоанновне в России появилось и само понятие «мода». Было запрещено приезжать ко двору два раза в одном и том же платье, в черном платье вообще никто не смел появляться.

Особая утонченность появилась и в застолье. Сцены грубого пьянства при дворе стали редкими. Во многих домах высшего общества был введен обычай держать открытый стол на западный манер. Сами дома начали обставляться иностранной мебелью, зеркалами, стены украшались обоями. И еще одно нововведение: неотъемлемой формой времяпрепровождения стала игра в карты, столь популярная при европейских дворах.

Однако из-под западного лоска постоянно проглядывали черты необразованности и грубости.

Далеко за пределами России распространилась история о «Ледяном доме» – пресловутом шуточном представлении, устроенном русской царицей в январе 1740 года.

Князя Голицына, числившегося придворным шутком, государыня решила женить на бедной калмычке Бужениновой, известной своим умением строить смешные гримасы, которые всех развлекали. К шутовской свадьбе готовились очень тщательно. Для жениха и невесты было велено соорудить дом из ледяных плит (зима в том году была суровая, стояли сильные морозы), в котором молодые должны были провести свою первую брачную ночь. Из льда было сделано и внутреннее убранство дома: зеркала, столы, стулья и большая кровать с ледяными матрацем, одеялом и подушками. Дом получился очень красивым.

После свадебного обряда, совершенного, как положено, в церкви, процессия на санях, запряженных козами и свиньями (свадьба-то была шутовской), прошла по главным улицам Петербурга к манежу Бирона, где был приготовлен роскошный обед. С наступлением ночи новобрачные под залпы салюта из шести ледяных пушек, стоявших перед домом, были отведены в спальню, где их заперли. Вот здесь-то комедия стала быстро превращаться в трагедию. Молодожены, на что ни садились, к чему ни прикасались, везде находили лишь лед. В отчаянии они пытались разбить стену, но ледяной склеп был тверд. Обессиленные, они сели на ледяную постель, смерть подступала к замерзавшим телам. Когда на рассвете караульные открыли дверь, новобрачные были уже в предсмертном сне. Их удалось спасти, но жестокость и дикость императрицы Анны Иоанновны получили осуждение далеко за пределами России. (После столь тяжкого надругательства супругам разрешили выехать за границу. Калмычка спустя некоторое время умерла, оставив своему родовитому мужу двух сыновей.)

А императрице – герцогине Курляндской – между тем оставалось лишь несколько месяцев жизни. Лю-

бившая гаданье – особенно после того, как некто Бухнер в Курляндии верно напрозорил ей престол, – она увлеклась гороскопами. Словно предчувствуя скорую смерть, императрица, мрачная, ссутулившаяся, не столь статная, медленно передвигалась по своим роскошным дворцовым покоем. Покидала их уже редко.

Умерла племянница императора Петра I от воспаления почек поздней осенью 1740 года в тяжелых страданиях. Прожила она сорок семь лет, из которых почти двадцать вдали от родных мест.

Совершенно непредсказуемой оказалась судьба ее фаворита, привезенного из Курляндии.

В 1741 году во время дворцового переворота в пользу Анны Леопольдовны (о ней речь ниже) Бирон, объявленный в завещании императрицы регентом при малолетнем Иоанне VI, сыне ее племянницы, был арестован. Вместе с семьей его увезли в Шлиссельбургскую крепость, а имущество – невиданное богатство, собранное немцем за годы своего фактического правления в годы царствования герцогини Курляндской, – конфисковали.

Бирона отдали под суд и после долгого следствия приговорили к смертной казни, которую, однако, заменили ссылкой в Сибирь. По милости пришедшей к власти дочери Петра I, императрицы Елизаветы, ему разрешили поселиться в Ярославле, городе, расположенном в двухстах сорока километрах от Москвы.

Лишь спустя двадцать лет Бирон смог вернуться в столицу. Восстановленный на курляндском престоле, он возвратился в Митаву, где и скончался в возрасте восьмидесяти двух лет. За три года до смерти Эрнст Бирон отказался от герцогского престола в пользу сына Петра.

Екатерина Иоанновна

Царевна, герцогиня Мекленбургская, старшая дочь царя Иоанна V и царицы Прасковьи Федоровны.

Екатерина родилась в октябре 1692 года в Москве, в кремлевских палатах, где проживала царская семья. Не прошло и четырех лет, как Иоанн V, ее отец, внезапно скончался. Мать с тремя маленькими детьми – после Екатерины царица Прасковья родила еще двух дочерей – покинула Кремль и переехала жить в Измайловский дворец, расположенный в живописной местности неподалеку от Москвы. Там и прошли детские и юношеские годы будущей герцогини Мекленбургской.

Приглашенные матерью из-за границы учителя обучали девочек иностранным языкам, музыке и танцам. Старшая дочь царицы-вдовы особенно преуспевала в танцах. Своим темпераментом она, еще будучи ребенком, отличалась от сестер.

Веселую, беззаботную Екатерину выдали замуж шесть лет спустя после свадьбы сестры Анны. Царевне шел уже двадцать пятый год. От своей младшей сестры она очень отличалась и характером, и внешностью. Смуглую, угрюмую и малообщительную Анну

едва ли можно было принять за ее родную сестру, хотя рано располневшую, белолицую и румяную Катерину с большими черными глазами и длинной косой тоже нельзя было назвать красавицей. Но она обращала на себя внимание своей жизнерадостностью, энергичностью и особенно острым языком. Маленькая царевна – она была невысокого роста – способна была болтать без умолку, допуская порой такие резкости, что приводила в смущение бывалых остряков.

Для матери эта дочь была отрадой и утешением. Как самому близкому другу, она поверяла Екатерине все свои тайны, порой обращалась к ней за советом. Может быть, поэтому царица Прасковья и выдала за муж сначала среднюю дочь, не желая расставаться со своей любимицей, старшей.

Но пришло время, и венценосный дядюшка решил пристроить очередную свою племянницу. На этот раз его выбор пал на герцогство Мекленбургское, расположенное на бывших землях полабских славян, или вендов, как еще называли славян, пришедших в VIII и IX веках на северо-запад и поселившихся на территории от реки Лабы (Эльбы) до берегов Балтийского моря.

На протяжении многих десятилетий славяне вели борьбу с агрессивными немецкими феодалами, которые в конечном итоге захватили их земли. Удалось это сделать немецкому герцогу Генриху Льву. На завоеванную территорию он стал зазывать немецких знатных рыцарей. Каждый получал в личное владение землю, а иногда и целую деревню, которую старался заселить крестьянами из Саксонии или Баварии. Со временем эти феодалы начали строить неприступные замки, демонстрируя тем самым свою полную независимость. В обществе же наблюдалось смешение немецкой знати со славянской.

Своим стратегическим центром Генрих Лев сделал замок Шверин, расположенный на труднодоступном острове. Вблизи замка был основан первый на мекленбургской земле западных славян немецкий город. Со временем он превратился в центр политической и религиозной жизни.

С 1358 года в графстве Шверин стал править герцог Мекленбургский, сделавший этот город своей резиденцией. Шверинский замок каждый из правителей на свой лад достраивал или перестраивал. Мекленбургский княжеский Дом по праву считался старой династией славянского происхождения. В 1701 году Мекленбургское герцогство официально разделилось на два самостоятельных княжества: Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Стрелиц. Оба герцогства просуществовали более двухсот лет.

И то, и другое герцогства тесными родственными узами оказались связаны с Россией. И начало этому положила старшая дочь царя Иоанна V, царевна Екатерина.

* * *

В январе 1716 года к русскому царю Петру I явился посол герцога Мекленбургского и передал грамоту, в которой владетельный герцог Карл Леопольд просил руки одной из его племянниц.

Карл Леопольд был сыном герцога Мекленбург-Шверина Фридриха в браке с Кристиной Вильгельминой, принцессой Гессен-Гамбургской. Герцогский престол он занял после смерти своего старшего брата Фридриха Вильгельма, скончавшегося в 1713 году и не оставившего после себя наследников. Карл Леопольд к тому времени был уже дважды женат. Его

первой женой была София Ядвига, дочь графа Нассауского, с которой он в 1710 году развелся по причине ее бесплодия. Второй брак герцог заключил с Кристиной Доротеей фон Лепель, но продлился он всего лишь один год и закончился тоже разводом.

Большие надежды Карл Леопольд, которому уже исполнилось тридцать восемь лет, возлагал на брак с русской царевной. В его планы входило заполучить Визмар, осажденный войсками Дании, Пруссии и России, состоявших в союзе, направленном против Швеции. Визмар, портовый город, принадлежавший раньше Мекленбургу, находился во власти шведов (по Вестфальскому договору 1648 года). Кроме того, опираясь на поддержку российского государя, герцог намеревался урегулировать свои отношения с местным дворянством: Карл Леопольд был первым и единственным мекленбургским герцогом, который пытался ослабить власть феодалов в своем княжестве и поэтому имел с ними постоянные распри. Герцог отличался не только редким упрямством, но и непомерным властолюбием. Женившись на настоящей царевне, он надеялся диктовать всем свои законы. Правда, он не мог решить, какую из двух старших племянниц царя хотел бы взять в жены. (О младшей, Прасковье, вечно больной и умом недалекой, речь не шла.)

Сначала взор Карла Леопольда обратился на вдовую Анну, герцогиню Курляндскую. Ему очень хотелось получить лакомое герцогство, он даже думал сам прибыть в российскую столицу. В связи с этим Карл Леопольд выписал из Гамбурга бриллиантовый наперсный крест, серьги и кольцо за 28 тысяч талеров в подарок будущей невесте. В Петербург герцог Мекленбургский, однако, не приехал, но передал подарки поверенному царя Петра, с которым лично встретился

под Штральзундом. При этой встрече Карл Леопольд изъявил свое согласие жениться на той из царевен, которую русский государь сам назначит.

Спустя месяц от российского посла в Гамбурге на имя герцога пришло поздравительное письмо по случаю помолвки его светлости с царской племянницей. Однако в письме не указывалось, какая именно племянница станет его женой. Из Петербурга ждали дальнейших известий. Сообщение о решении Петра I пришло лишь через несколько недель: в невесты герцога Карла Леопольда предназначалась царевна Екатерина Иоанновна. Ей и было вручено обручальное кольцо. В срочной депеше мекленбургский посол сообщил из российской столицы, что царь Петр в ближайшее время приедет в Данциг и привезет с собой племянницу.

Как писал в своих записках барон Эйхгольц, гофмаршал и главный советник герцога Карла Леопольда, узнав об этом, тот сказал: *«Непреклонная судьба назначила мне эту Катерину, но делать нечего, надо быть довольным; она по крайней мере любимица царицы»*.

Своему банкиру в Гамбурге герцог написал, чтобы тот прислал ему на 70 тысяч талеров драгоценностей для подарков русским придворным.

Первая встреча жениха и невесты состоялась в Данциге 8 марта 1716 года. Петр I сам представил Карлу Леопольду свою племянницу. Какие чувства испытал при этом герцог, сказать трудно, но за церемониальной вежливостью в его отношении к будущей жене явно ощущался холод. Перед царем же он проявил почтенную скромность и полное смирение.

Начались переговоры относительно брачного контракта. От денег в качестве приданого за невестой герцог отказался, но попросил «гарантировать» ему Визмар. Этот город-порт имел большое значение для мор-

ской торговли Мекленбургского герцогства. Петр же, для которого Швеция была врагом России номер один, хотел иметь в Визмаре надежное место для складирования русских товаров. Поэтому интерес был взаимный. Местом жительства супругов должен был стать город Шверин.

После тщательного обсуждения брачный договор был подписан. На основании его царица, как и весь русский штат, оставалась в своей вере, в резиденции мужа она могла иметь православную церковь. На содержание супруги и ее слуг герцог обязывался определить надлежащее жалованье. Было также оговорено, что Карл Леопольд как можно скорее завершит бракоразводный процесс со своей первой женой, урожденной принцессой Нассауской. Этот процесс очень затянулся из-за скупости герцога, любимой поговоркой которого было: «Старые долги не надо платить, а новым нужно дать состариться». Бывшая жена Карла Леопольда требовала довольно приличную пенсию, о которой тот и слышать не хотел.

* * *

Герцог Мекленбургский, отличавшийся сварливым, вздорным и своевольным характером, особой любовью подданных в своем небольшом государстве не пользовался, для них он был деспотом, нередко попирающим законы, да еще скупость...

Знал ли российский царь об этих чертах своего будущего зятя? Несомненно. Но политические цели взяли верх.

А что же мать Екатерины, со слезами провожавшая свою любимицу в дальнюю дорогу? Была ли она довольна этим браком?

Трудно сказать. Но хочешь не хочешь, а царица Прасковья должна была подчиниться воле государя. Сама она из-за болезни не смогла присутствовать на свадебных торжествах.

Подписав брачный договор, герцог вступать в брак не торопился, избегал присутствия царя, уклоняясь под разными предлогами. С невестой он обходился весьма равнодушно, с российскими вельможами вел себя надменно, разговаривая с ними свысока. Это, конечно, не могло нравиться русским, но дело считалось уже решенным.

Бракосочетание состоялось в Данциге ровно через месяц после встречи жениха и невесты. Обряд венчания совершил русский архиерей в наскоро построенной православной часовне. После торжественного свадебного обеда Екатерина ушла в спальню, которая была приготовлена специально для молодоженов. Но герцог в ту ночь к брачному ложу не явился. Как рассказывают в своих воспоминаниях очевидцы тех событий, совсем поздно он пришел к барону Эйхгольцу и попросил уступить ему свою кровать. Однако утром, несмотря на свое столь неожиданное поведение, Карл Леопольд посетил царевну, теперь уже герцогиню, и поднес ей подарки.

Невзирая на странности своего супруга, Екатерина во время пиров и торжеств, устраиваемых в честь новобрачных, довольная и счастливая, искренне веселилась. Повсюду слышался ее звонкий заразительный смех. Екатерину радовали праздники, фейерверки, удивляли новые лица и новая обстановка, незнакомый быт. А будущее? К чему в него заглядывать! Это было несвойственно царевне. Потом вспоминали, что накануне ее первого свидания с женихом на небе было огромное северное сияние. Все сочли это за грозное предзнаменование страшных несчастий. Все, но только не Екатерина.

Чтобы сделать необходимые приготовления к приезде царя Петра I и других высоких гостей в Шверин, Карл Леопольд выехал из Данцига несколько раньше своей супруги. Она же еще некоторое время оставалась при своем дяде-царе. Казалось, что своим новым положением новобрачная была весьма довольна.

В резиденцию герцога российский государь вместе с племянницей и большой свитой въехал торжественно. Ему был оказан пышный прием. Карл Леопольд, не скрывая своей гордости от столь высокого визита, проявлял сердечное гостеприимство и радушие.

Одновременно с царем в Мекленбург прибыли 50 тысяч русских солдат – так было обусловлено брачным договором.

Пробыв несколько дней в гостях у своего зятя, царь Петр I уехал из Шверина, оставив там свою племянницу, ставшую отныне герцогиней Мекленбургской.

Так что же Екатерина? Стала ли она счастлива, покинув Россию?

Пожалуй, что нет. Жизнь в замужестве оказалась несладкой. Однако первые годы Екатерина никому не жаловалась на свою судьбу. Помогал ей веселый природный нрав.

«О себе повествую, – писала герцогиня почти в каждом из своих писем домой, – за помощью Божьей, с любезным моим супругом обретаюсь в добром здравии». Но привыкнуть к новым условиям жизни было нелегко. Хотя в детстве царевна и имела немца-гувернера, свободно разговаривать по-немецки она так и не научилась и с трудом понимала, что ей говорят. Да и супружеской любви не было. Уже вскоре после женитьбы у герцога появилась метресса (замужняя дочь его брата Фридриха Вильгельма, фрау фон Вольфарт), о чем Екатерина не могла не знать, хотя она и делала вид, что ей ничего не известно.

Крайне сложно было терпеть беспокойный и жестокий нрав мужа. Нередко ей приходилось выслушивать упреки, что царь-родственник не защищает его от нападков со стороны местного дворянства, с которым герцог находился в постоянной ссоре.

Пытаясь хоть как-то смягчить недовольство герцога, Екатерина, набравшись храбрости, решила выступить с ходатайством за мужа перед своим дядей. В сентябре 1718 года он написала ему письмо следующего содержания: *«Прошу Ваше Величество сменить свой гнев на милость. Наши враги донесли Вам неправду. При сем просит мой супруг, дабы Ваше Величество не изволит слушать таковых несправедливых донесений на него; истинно мой супруг Вашему Величеству себя объявляет верным слугою... Вашего Величества покорная услужница и племянница Екатерина»*.

Возникли и осложнения с разводом герцога с принцессой Нассауской, которая не переставала требовать, чтобы бывший муж возвратил ей приданое и назначил приличную пенсию. Карл Леопольд и слышать об этом не хотел. Русский царь сердился на его упрямство, которое могло быть последствием того, что брак герцога с Екатериной будет признан незаконным. Петр I велел передать своему мекленбургскому родственнику, *«что племянницу свою он дал ему на совесть; однако же никогда не согласится, чтобы могли ее когда-либо считать за его наложницу»*.

Кончилось все это тем, что в Берлине при посредничестве русского царя с поверенными разведенной герцогини был заключен договор, согласно которому ей назначили пенсию в 5 тысяч талеров и сверх того выдали единовременно 30 тысяч талеров. Лишь после этого принцесса Нассауская безоговорочно согласилась признать развод правильным.

Незадолго до Рождества 1718 года Екатерина родила дочь. Царица Прасковья, узнав о рождении своей первой и пока единственной внучки, очень обрадовалась. В Мекленбург она в знак любви и привязанности послала дочери и зятю подарки, в том числе дорогие собольи меха. Для маленькой Аннушки, как называли девочку, русская бабушка прислала многочисленные игрушки и гостинцы. Были подарки и от самого Петра I, в основном деньги.

Племянница часто писала письма дядюшке, обычно она благодарила за внимание и просила помочь ее неумемному супругу. А дела последнего были крайне плохи. Он ни с кем не уживался. Никого не хотел слушать. На него был сердит австрийский император, им были недовольны союзники и соседи, на его поступки постоянно жаловались, и не без основания, его подданные. Царь Петр советовал племяннице убедить своего благоверного супруга, чтобы он *«не все так делал, чего хочет, но смотря по времени и случаю»*.

К концу супружеского сожительства – а оно длилось шесть лет – Карл Леопольд обходился со своей женой так грубо, что она порой была вынуждена прибегать к защите царя-дяди, умоляя его о вмешательстве в ее семейные дела.

После родов Екатерина долго не могла оправиться, часто болела. Вести о ее болезни очень тревожили мать. *«Пиши мне про свое здоровье, и про мужнее, и про дочкино почаше, – писала она в Мекленбург. – ...Не крушите меня. Письма твои, Катюшка, чту и всегда плачу, на них смотря»*. Вскоре царица Прасковья стала слезно просить государя, чтобы он позволил ее Екатерине приехать в Россию.

Со временем надежда матери на свидание с доче-

рю и внучкой казалась уже реальной. Царь Петр хотел бы видеть у себя герцога. Во-первых, чтобы лично обсудить с ним все проблемы и высказать свои соображения, а во-вторых, чтобы пойти навстречу вдове брата, не перестававшей осаждать его просьбами о приезде ее дочери на родину.

Наконец Прасковья получила весть, что дорогая гостья едет в Москву – без мужа, но с четырехлетней дочкой. Какая это была радость для старухи матери! Она даже забыла о своих недугах, донимавших ее в последнее время. *«Посмотрите, как суется, как тревожится царица, – говорили кругом. – Она заботливо отдает приказания о чистке помещений, о приготовлениях к приему своей любимицы. То посылает кого-либо ей навстречу, то пишет письма, – дни для нее тянутся неделями, она считает каждый час и ждет не дождется долгожданных гостей».*

Поселилась герцогиня в Измайлове рядом с матушкой. В больших флигелях разместились вся ее свита, среди которой были и мекленбуржцы. Было сытно, тепло и уютно, но отсутствовала та чистота, к которой русская царевна успела привыкнуть, проживая среди немцев. Однако, попав в родимое гнездо, она вскоре зажила по-старому: время проводила за едой, сном, исполнением церковных ритуалов; любила слушать пение деревенских девушек, смотреть на проделки шутов и скоморохов, к которым привыкла с детства, охотно посещала пиры и ассамблеи, устраиваемые в боярских домах. Часто она сама принимала гостей, угощала их на славу, поила до полного опьянения, как это было принято на Руси, устраивала театральные представления.

Любовь к театру герцогиня приобрела в Германии. Актрисы подбирались из придворных дам и фрейлин, мужские роли играли крепостные. Все костюмы дела-

ли сами, а парики брали у немцев. Герцогиня за время пребывания в Германии немецкого языка так и не выучила толком, но немцев любила, охотно общалась с ними. Они приглашались на представления, хотя из-за незнания русского языка многого не понимали.

В начале 1723 года Екатерина вместе с матерью и дочкой переехала в Петербург: так распорядился государь. Свое пребывание в столице герцогиня начала с визитов, при этом стараясь не пропускать ни одного увеселения двора. За последнее время она очень располнела, но это ее не огорчало. Лишь следуя советам своего дядюшки, она порой ограничивала себя в еде, старалась меньше спать, в рот не брала спиртного. Но такое воздержание длилось не больше недели, страсть обильно и вкусно поесть и хорошенько выспаться брала верх. Однако, несмотря на полноту, Екатерина могла часами танцевать на балах, удивляя всех своим темпераментом и энергией. За чрезвычайно живой характер и необузданность иностранцы называли ее «дикая герцогиня».

Осенью из-за многих недугов умерла царица Прасковья. Екатерина и ее дочь присутствовали при последних часах ее жизни. Двор и почти весь город были в трауре. Царь Петр распорядился о пышных похоронах своей невестки. Горько было герцогине потерять любящую мать. Утешением были лишь хорошие вести о супруге: дела его будто бы поправились. В Данциге с ним вели переговоры уполномоченные австрийского императора и английского короля, на которые русский царь направил своих представителей. Это позволяло Екатерине надеяться, что скоро она встретится со своим мужем. Но эта надежда на сей раз не оправдалась.

Не прошло и двух лет после смерти матери герцогини, как ушел из жизни ее дядя-покровитель, импе-

ратор Петр Первый – такой титул он носил последние три года. После недолгого правления его вдовы, императрицы Екатерины I, трон унаследовал двенадцатилетний внук Петра от его сына, царевича Алексея. Матерью юного царя была принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская, рано покинувшая мир. Отец же в 1718 году за измену Родине был приговорен к смертной казни. И теперь царевич-сирота под именем Петра II вступил на российский престол. Однако молодой государь был у власти всего три года. Зимой 1730 года пятнадцатилетний император неожиданно скончался, не оставив после себя потомства. Трон вновь оказался свободным.

Многие рассматривали герцогиню Мекленбургскую как возможную претендентку на российский престол: ведь она была старшей дочерью царя Иоанна. Но собравшиеся на Верховный совет сановники и высшее духовенство единогласно решили, что в императрицы Екатерина Иоанновна не годится. Свой выбор они остановили на ее сестре Анне, вдове герцога Курляндского, так и не вышедшей замуж. Младшая же сестра, Прасковья, вообще не принималась во внимание.

Герцогиня Курляндская, узнав о своем «назначении» на царство, срочно покинула дворец в Митаве и прибыла в Россию. Сначала она безоговорочно приняла все условия избравшего ее Верховного совета, но затем при поддержке своих сторонников и с помощью интриг взяла власть в собственные руки.

Десять лет продолжалось правление императрицы Анны Иоанновны. При дворе она собрала немало немцев, которые фактически и управляли все эти годы Российским государством. Главную роль играл ее фаворит, бывший личный секретарь, Эрнст Бирон – с 1737 года герцог Курляндский.

Мекленбургская герцогиня – уже в качестве старшей сестры государыни-императрицы – прожила всего лишь три года. Летом 1733 года она скончалась в возрасте сорока двух лет, так и не встретившись больше со своим вздорным супругом. А такое желание герцогиню никогда не оставляло. Еще незадолго до своей кончины Петр I по просьбе своей племянницы сделал очередную попытку вызвать Карла Леопольда из Шверина. Но, к огорчению Екатерины, тот приехать отказался, хотя именно приезд в Россию мог быть единственным выходом для строптивого герцога из его сложной ситуации. Доходили слухи, что австрийский император намерен поручить управление Мекленбург-Шверинским герцогством Христиану Людвигу, брату Карла Леопольда, если тот не уgomонится и не изъявит покорности. Все это было очень обидно для герцогини Катерины Ивановны (именно так ее называли немцы). Не скрывая горечи от своего «соломенного вдовства», она не раз жаловалась по этому поводу близким и знакомым. Но если кто-то нападал на герцога, обвиняя его в сумасбродстве, преданная супруга горячо вступалась за него.

Карл Леопольд пережил свою русскую жену на четырнадцать лет. Но еще до ее смерти он, практически лишенный правления, перебрался в Данциг, где тайно собрал войско. Спустя некоторое время он так же тайно возвратился в Шверин и стал готовить восстание против своего брата, назначенного правителем герцогства. Однако, не получив ожидаемой поддержки, Карл Леопольд вынужден был покинуть Шверин, на этот раз навсегда. Он переехал в Визмар, но желания окончательно капитулировать у него не было.

С просьбой о помощи герцог отправил своих послов в Испанию, Францию и Россию, но поддержки не нашел.

Карл Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский, скончался в ноябре 1747 года в возрасте шестидесяти шести лет в Доберане (неподалеку от Визмара), где и нашел свой вечный покой. Ни со своей русской супругой, ни со своей дочерью он, после того как те покинули Германию, так никогда больше не встретился...

Императрица Анна Иоанновна процарствовала до 1740 года. Еще в самом начале правления она объявила своим наследником будущего сына единственной племянницы – дочери старшей сестры и герцога Мекленбург-Шверинского. В то время племяннице было всего тринадцать лет и замужем она, естественно, не была. Звали девочку Елизавета Кристина, но через два года после издания манифеста о престолонаследии немецкая принцесса приняла православие и имя Анна, в честь своей тетки-императрицы. В двадцать лет будущая мать престолонаследника стала женой принца Антона Ульриха Брауншвейгского. На пять лет старше, он совершенно не пользовался ее расположением. Но о желании принцессы никто не спрашивал. Это была воля ее царственной тетушки.

В 1740 году, то есть через год после свадьбы, у молодых супругов родился сын, названный Иоанном в честь русского прадеда, царя Иоанна Алексеевича. После смерти императрицы согласно воле усопшей внук мекленбургского герцога, связанный с Романовыми лишь через свою бабушку, царевну Екатерину, был объявлен ее преемником.

Если бы только Анна Иоанновна могла предугадать, какую страшную судьбу она уготовила своему внучатому племяннику!

До совершеннолетия царя-младенца регентом был назначен – опять же согласно завещанию императрицы – Эрнст Бирон. После его ареста правительницей была объявлена мать ребенка, принцесса Анна Леопольдовна.

Всего лишь один год внук герцогини Мекленбургской оставался номинальным императором российским. В результате дворцового переворота, свершившегося в пользу дочери императора Петра I Елизаветы, правительница Анна Леопольдовна была свергнута. С мужем и детьми (к тому времени у нее было уже двое детей) под охраной большого конвоя она была отправлена в ссылку на север России. В строжайшей тайне брауншвейгскую семью поселили в Холмогорах, небольшом древнем городке в семидесяти верстах от Архангельска. С сыном, бывшим царем Иоанном VI, родителей разлучили навсегда. Новая государыня, императрица Елизавета Петровна, поспешила вытравить память о своем предшественнике, приказав уничтожить монеты и медали с его изображением, а также сжечь все бумаги, в которых упоминалось его имя.

Анна Леопольдовна в Холмогорах родила еще троих детей. После рождения последнего, сына Алексея, в марте 1746 года она скончалась от послеродовой горячки. Ей не было и тридцати лет.

Императрица Елизавета Петровна, узнав о смерти своей родственницы, приказала привезти тело усопшей в Петербург. Похоронили несчастную пленницу в Александро-Невской лавре рядом с ее бабушкой, царицей Прасковьей, и матерью, герцогиней Мекленбургской. Дети и муж Анны Леопольдовны еще долгие годы оставались в Холмогорах.

О смерти матери бывшему императору, которому к тому времени уже исполнилось шесть лет, естест-

венно, не сказали. Под именем Григория мальчика содержали в полной изоляции от семьи. Когда он достиг юношеского возраста, его в полной тайне перевезли в Шлиссельбургскую крепость, находившуюся на маленьком острове посреди Невы. (Крепость в то время еще выполняла функции оборонительного военного сооружения; лишь через несколько лет она станет тюрьмой.)

Там, в небольшом темном каземате, расположенном в одной из крепостных стен, и прошла вся недолгая жизнь несчастного внука герцогини Мекленбургской. От него скрывали и имя, и происхождение. Страже был дан строгий наказ никому не рассказывать об арестанте. Здесь же, в камере, в июле 1764 года таинственный узник был убит якобы при попытке к бегству. Было ему двадцать четыре года.

Похоронили бывшего императора у крепостной стены, слегка присыпав могилу мхом и ветками, чтобы была незаметной. В официальном донесении сообщалось о «несчастном случае со смертельным исходом», происшедшем с безымянным заключенным.

Отец Иоанна, принц Брауншвейгский, скончался спустя десять лет в Холмогорах. Четверо внуков мекленбургской герцогини в 1780 году по договоренности между вдовствующей датской королевой Юлианой Марией, родной сестрой их отца, и императрицей Екатериной II были перевезены в Данию. На содержание бывших пленников из русской казны был выделен ежегодный пансион по 8 тысяч рублей на каждого. В датском городке Герсенсе они и дожили свой век.

Так трагично сложилась жизнь дочери и внуков русской царевны Екатерины и Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского. А виной всему был сын Анны Леопольдовны, русский император без короны и трона, лишенный не только свободы и власти, но и собст-

венного имени. К счастью, самой царевне Екатерине, по желанию дяди выданной замуж за нелюбимого и совершенно чуждого ей человека, стать свидетелем трагедии своей дочери и ее потомства не пришлось. Судьба уберегла ее от этого.

В исторических источниках XIX века о племяннице императора Петра I, герцогине Мекленбургской, говорится следующее:

«Царевна Екатерина, или, как ее называла мать, «свет-Катюшка» ...не будучи красавицей, обращала на себя внимание небольшим ростом и чрезмерной полнотой. Отличалась непомерной болтливостью, громким смехом, беззаботностью и особенной способностью повторить все, что только взбредет в ее ветреную голову. Она любила танцевать, резвиться, ребячиться... Словом, могла служить типом пустой, избалованной боярышни начала XVIII века... Она умерла в 1733 году, оставив по себе в мекленбургских владениях память с прозвищем «дикой герцогини» (die wilde Herzogin), у нас же в России – никакой».

Возможно, это справедливая оценка. Но ту роль, которую Екатерине определил в своей внешней политике Петр I, его племянница выполнила: добрые взаимоотношения с Мекленбургом через это родство были не только заложены, но и продолжены в следующем столетии.

Анна Петровна

Царевна, герцогиня Голштинская, старшая дочь императора Петра I и императрицы Екатерины I.

Анна родилась 27 января 1708 года в Петербурге, когда ее мать, урожденная Марта Скавронская, еще не состояла в браке с ее отцом, царем Петром I. Понравившуюся ему девушку, родившуюся в семье *«бедного ливонского крестьянина и ставшую его боевой подругой»*, Петр пять лет назад взял во дворец и зачислил в штат придворных девиц своей сестры Натальи. Тогда же Марта была крещена в православную веру и получила имя Екатерины Алексеевны. Анна, как и другие дети, рожденные ее матерью от царя, считалась внебрачной. Лишь спустя три года она была объявлена царевной, а несколько позже всенародно объявили о браке ее родителей.

Обряд венчания совершался в Петербурге, в небольшой, тогда еще деревянной Исаакиевской церкви. Во время церемонии, проходившей весьма скромно, присутствовавшие могли наблюдать любопытную картину: жених и невеста шли вокруг аналоя, а за ними, держась за юбку матери, семенили две маленькие девочки-сестрички с разницей в возрасте в один год.

Это, собственно, и было первое появление в свете дочерей царя Петра I. Свадьбу отмечали во дворце, а Анну и ее младшую сестру Елизавету няньки унесли спать во внутренние покои.

Дочери Петра I стали жить теперь в царском дворце. Сначала по старинному русскому обычаю их окружали мамки, няньки, шуты и карлики, затем к ним приставили двух гувернанток – француженку и итальянку. Девочек начали обучать грамоте. Приглашен был и учитель немецкого языка. Мать лично следила за тем, чтобы дочери получили всестороннее образование, сама она была его лишена.

Анна рано приобщилась к чтению. Основы правописания она усваивала быстро, уже в восемь лет сама писала матери и отцу письма. «*Принцесса Анна*» – так подписывалась старшая дочь, приводя в восторг царя-батюшку. Прилежно Анна изучала и иностранные языки, удивляя окружающих усердием и упорством.

Екатерина хотела также, чтобы ее дочери имели хорошие манеры и вкус. Для этой цели к ним был приглашен преподаватель-француз, который начал обучать девочек танцам и изящному обхождению. В этой науке обе царевны преуспели, танцевали они превосходно и с огромным удовольствием.

Заботилась Екатерина и о нарядах для своих дочерей. Им выписывались из-за границы дорогие платья, отделанные золотыми и серебряными вышивками, тонкими кружевами и модными лентами.

Когда царевны подросли, иностранцы, бывавшие при дворе, заговорили об их красоте. Сестры были очень разные – и внешне, и по характеру. Анна, высокая, темноглазая брюнетка, была спокойной и рассудительной, скромной и застенчивой. По единодушному признанию современников она была похожа на отца. *«Вылитый портрет царя-отца, слишком*

экономна для принцессы и хочет обо всем знать», – писали о ней иностранцы в своих донесениях. Елизавета же была блондинкой, темпераментной, подвижной, и большой модницей.

Своих дочерей царь-отец очень любил, окружая их блеском и роскошью как будущих невест иностранных принцев. Ни для кого не было секретом, что девушки в царской семье – это разменная монета: их выдают замуж за границу, чтобы страна имела от этого нужные политические выгоды.

Для Анны Петр I выбрал жениха, когда той было всего тринадцать лет. Но о будущей судьбе своей любимицы он некоторое время не говорил, тянул с ее замужеством, вызывая недоумение дипломатов и европейских женихов. Многие из них были не против стать зятем русского царя, победителя шведов под Полтавой. Он уже вошел в высшее общество Европы, породнившись с европейскими династиями: женил своего сына от первого брака, царевича Алексея, на немецкой принцессе, выдал племянниц за герцогов Курляндии и Мекленбург-Шверина. Теперь пришла очередь родных дочерей. Их Петр I тоже предназначал для осуществления своих планов в европейской политике.

Сначала велись переговоры с Францией о возможности бракосочетания младшей, Елизаветы, с королем Людовиком XV. Екатерина приложила немало усилий, чтобы ее дочь могла говорить по-французски и умела хорошо танцевать менуэт, полагая, что большего и нельзя требовать от русской принцессы в Версале. Но согласия на брак с французским королем не последовало. Из Парижа пришел отказ. Помешало, как полагали, внебрачное рождение Елизаветы. А ведь царица-мать даже готова была к тому, чтобы дочь приняла католичество.

В отношении Анны выбор царя-отца пал на герцога Голштинии Карла Фридриха. И это было неслучайно. В Голштинии правили готторпские герцоги, которым еще более ста лет назад удалось установить широкие связи со многими странами, ближними и дальними, вплоть до самой Московии. В 1633 году Москву посетила целая экспедиция из Шлезвиг-Голштинии, которую организовал голштинский герцог Фридрих III. Иноземных гостей сердечно принимал русский царь Михаил Федорович, дед Петра I.

* * *

Шлезвиг-Голштиния как единое государство существовало с XV века. Образовалось оно из объединения двух территорий на севере европейского континента, известных в истории как Шлезвиг и Голштиния.

Земли Шлезвига, которые с древнейших времен населяли германские племена, были расположены к югу от Дании, где много веков назад обосновались скандинавско-датские племена. Управлялась эта территория (Южная Ютландия – так страна называлась до 1340 года) датскими наместниками, большей частью принцами королевской семьи, носящими титул герцога. Долгое время страна являлась яблоком раздора между германскими императорами и датскими королями.

Голштиния находилась к югу от Шлезвига. Ее главным городом был Киль, основанный в начале XIII века на берегу Балтийского моря. Когда же голштинские графы и бароны приобрели в личную собственность в южном Шлезвиге обширные владения, их родовой резиденцией стал замок Готторп, расположенный около города Шлезвига.

Государство получило свое окончательное название, когда датский король Христиан I добился в 1472 году избрания на шлезвиг-голштинский трон и стал герцогом Шлезвига и графом Голштинии. Столицей соединенного герцогства считался город Шлезвиг. Страна управлялась совместно и голштинскими герцогами и датскими королями. История их сложных взаимоотношений растянулась на века.

Карл Фридрих был сыном голштейн-готторпского герцога Фридриха IV, женатого на старшей дочери шведского короля Карла XI, принцессе Ядвиге Софии. Он родился в Стокгольме. Когда мальчику было два года, отец погиб на войне, спустя шесть лет умерла мать. Заботу об осиротевшем наследнике герцогского престола взял на себя брат отца Христиан Август, который и стал правителем голштейн-готторпского герцогства до совершеннолетия своего племянника.

По своему рождению Карл Фридрих имел права и на шведский престол, поскольку у Карла XII, родного брата его матери, детей не было. Однако после смерти короля в 1718 году корону получил не племянник, а его сестра, Ульрика Элеонора, передавшая в скором времени бразды правления своему супругу, наследному принцу Гессен-Кассельскому.

Таким образом, герцог Голштинский лишился шведского престола. Лишился он и герцогских земель в Шлезвиге. Еще в 1713 году Дания, желая расширить свою территорию, оккупировала часть территории Шлезвига, а по договору, заключенному семь лет спустя, готторпская часть герцогства перешла в полное ее владение. Новой резиденцией герцогов голштейн-готторпских стал Киль.

Выдавая свою дочь за Карла Фридриха, царь Петр I вмешивался в спор Голштинии, имевшей выход

к Балтийскому морю, и Дании, оккупировавшей часть суверенного герцогства Шлезвиг-Голштиния. Через своего зятя, законного наследника королевского трона Швеции, он также мог бы оказывать влияние на политику этой страны. Петр I надеялся, что благодаря контакту с Голштинией ему откроется и порт в Киле, имеющий важное значение для морских связей недавно построенного города Петербурга.

Карл Фридрих со своей стороны очень хотел жениться на дочери Петра I: при поддержке могущественного российского царя он надеялся возвратить оккупированный Данией Шлезвиг и снова приобрести право на шведский престол. Таким образом, выгода была взаимной. Этот брак вызывал интерес и в Европе, поскольку желание голштинских правителей вернуть утерянные территории создавало очаг постоянной нестабильности на севере континента.

В начале 1721 года император Петр I вместе с супругой прибыл в Ригу, чтобы встретиться там с герцогом и договориться о браке. При этом голштинцу было предложено пожить некоторое время в Петербурге.

Договоренность была достигнута, и уже летом того же года Карл Фридрих со своей свитой прибыл в российскую столицу. Поселили его в доме генерал-лейтенанта Романа Брюса, и он был официально объявлен женихом цесаревны Анны Петровны. Правда, со свадьбой не спешили...

Три года провел герцог в Петербурге в ожидании брачного контракта – по сути как изгнанник, обретший покровительство российского государя. На правах жениха он часто общался с царской семьей и сумел войти в доверие к Екатерине Алексеевне, проникшейся к своему будущему зятю особой симпатией. Весьма расположен к нему был и сам российский государь.

24 октября 1724 года молодых наконец обручили. Судьба Анны была окончательно решена. Спустя месяц подписали и давно ожидаемый герцогом брачный контракт.

Согласно этому договору Анна оставалась в греческо-ортодоксальной вере, родившиеся же в семье сыновья должны были воспитываться в лютеранской, а дочери в православной вере. Анна и ее супруг отказывались за себя и за своих будущих детей от всех прав и притязаний на российский трон. В договоре имелись еще три секретных пункта: 1. О поддержке России в получении герцогом шведской короны; 2. О помощи Голштинии в возврате готторпской части земель герцогства; 3. Об условиях возможного призвания на русский престол одного из рожденных в браке принцев. Герцог обязывался не препятствовать этому.

Последний пункт контракта имел важное внутриполитическое значение и держался в строгом секрете. Петр I рассчитывал сделать своим наследником внука, то есть решить судьбу трона через свою любимую дочь. Сама же Анна еще в 1721 году подписала отречение от всех прав на российский престол. А вот ее будущий сын мог по закону претендовать сразу на три трона – в России, Шлезвиге и Швеции.

Итак, брачный договор был подписан, но в связи с болезнью, а затем скоропостижной кончиной отца императора бракосочетание отложили. Петру I не суждено было дожить до свадьбы своей старшей дочери.

* * *

Екатерина Алексеевна, вступившая на престол после смерти мужа под именем императрицы Екатерины I, явно благоволила к своему будущему зятю.

Дворцовым вельможам она заявила, что считает герцога Голштинского своим родным сыном: *«Надеюсь, что вы по-прежнему будете любить его, как любил его покойный император»*.

Бракосочетание цесаревны Анны Петровны с Карлом Фридрихом Шлезвиг-Голштейн-Готторпским состоялась в мае 1725 года в Троицкой церкви Петербурга. Мать устроила дочери пышную свадьбу. После смерти императора всероссийского Петра I (этот титул он принял в 1721 году по ходатайству всех сословий государства) прошло меньше шести месяцев. Полагают, что Екатерина I хотела поскорее выдать свою старшую дочь замуж, чтобы царствовать, не имея соперницы в ее лице. Ни для кого не было секретом, что Петр всегда проявлял к Анне особую любовь. Душевный настрой старшей дочери был близок отцу. Серьезная и любознательная, она знала несколько иностранных языков, тянулась ко всему западному, откровенно не терпела многих русских обычаев. Да и характером цесаревна была похожа на него, разве что была мягче своего батюшки.

Карл Фридрих же не блистал особым интеллектом, не отличался и красотой. Брак с ним был не по душе красивой и рассудительной Анне, но волю родителей она не могла не исполнить.

Супруг дочери стал вскоре ближайшим и доверенным советником новой императрицы. Однако фактически правителем в России в годы царствования Екатерины I являлся Александр Меншиков, ближайший друг ее усопшего супруга. Именно он заправлял в учрежденном императрицей Верховном тайном совете, которому она передала все самые важные государственные дела, как внутренние, так и внешние. Место в совете, состоявшем из шести сановных вельмож, было отведено и любимому зятю императрицы, молодому герцогу Голштинскому.

Прошло совсем немного времени, и между мужем цесаревны и всесильным Светлейшим князем Меншиковым возникли неприязненные отношения. «Голубая» кровь и родственная связь с императорским домом не позволяли его королевскому высочеству герцогу смириться со столь высоким положением сына простого конюха, каковым являлся бывший друг Петра I.

Все началось с небольшого инцидента. Когда Меншиков представлял герцогу своего восьмилетнего сына, мальчик, как положено, встал, его примеру последовали все присутствовавшие. Но сам светлейший князь не соизволил оказать зятю императрицы и племяннику шведского короля подобное почтение, как бы считая это ниже своего достоинства. И продолжал сидеть. Этот инцидент вызвал немало толков.

Отношения между двумя государственными мужами резко обострились после смерти Екатерины I. А процарствовала первая российская императрица всего лишь два года и в возрасте сорока трех лет скончалась.

Согласно воле усопшей ее преемником по праву первородства был назначен двенадцатилетний внук Петра I. До совершеннолетия юного императора управление государством *«с полной властью самодержавного государя»* должно было перейти к Верховному тайному совету. Но эту функцию взял на себя властолюбивый Меншиков, хотя в качестве опекунов наследника престола Екатерина I в завещании указала не только князя, но и своих обеих дочерей.

Однако светлейший князь не собирался делить власть с кем бы то ни было, будь то дочери самого Петра I, его бывшего властелина и покровителя. Он предусмотрительно устроил так, что императрица перед смертью велела записать в завещании о своем согла-

сии на брак старшей дочери Меншикова Марии с наследником престола. Как только княжна Мария официально была объявлена невестой императора Петра II, в Верховном тайном совете решили, что, пока юному государю не исполнится шестнадцати лет, править будет его будущий тесть. Относительно же дочерей Екатерины I было постановлено, что при совершеннолети их племянника каждая получит по миллиону 800 тысяч рублей и разделят бриллианты своей матери.

В результате всех этих интриг цесаревна Анна Петровна и ее сестра, будущая императрица Елизавета Петровна, оказались в тени новой правящей верхушки.

Елизавета пока еще не была замужем. Женой Людовика XV, о чем мечтала ее матушка, она не стала. А в тот ответственный для истории России момент младшая дочь Петра I была «в расстроенных чувствах»: два дня спустя после смерти матери скончался от оспы жених Елизаветы – полюбившийся ей принц Голштинский Карл Август, двоюродный брат мужа сестры. Меншиков был уверен, что сейчас младшей дочери Петра I не до политических разборок. И он был прав.

К Анне же у новоявленного правителя было весьма настороженное отношение. Она была женой герцога Голштинского, которого Меншиков невзлюбил. У светлейшего князя были опасения, что через Анну власть обретет и ее супруг, а этого он больше всего боялся. Ведь еще при жизни императрицы Екатерины I он должен был уступать первенство герцогу, как члену царской семьи. А что будет, если к власти придет герцогиня Голштинская?

И Меншиков начал создавать всяческие препятствия молодой чете. Под предлогом опасности распро-

странения оспы он отправил герцога и его жену в карантин, сославшись на то, что в момент заболевания жениха сестры Анны оба находились с ним в тесном контакте. Так что супруги были практически изолированы.

Встал на повестку дня и вопрос о деньгах. Басевич, министр Голштинии и верный друг герцога Карла Фридриха, начал хлопотать о том, чтобы каждой принцессе выдали по одному миллиону рублей еще до совершеннолетия императора Петра II. Он считал, что нельзя допустить, чтобы его высочество герцог Голштинский и обе дочери российского императора дошли до нищеты. Меншиков обещал определить пенсию цесаревне Анне и ее сестре, а герцогу велел передать, чтобы тот покинул Россию и выехал в свои земли.

* * *

Не прошло и двух месяцев после смерти матери, как Анна Петровна вместе со своим супругом вынуждена была оставить родной дом. Перед отъездом от нее потребовали расписку в получении денег, но бумагу долго не принимали, потому что там стоял старый титул дочери Петра – *«наследная принцесса Российская»*. Теперь она не считалась ни принцессой, ни российской, а стала – отрезанным ломтем...

Итак, дочь Петра Великого вместе со своим мужем-герцогом уплывала в неведомую ей страну. Она расставалась с любимым Петербургом, расставалась с любимой сестрой. Прощание Анны и Елизаветы было очень грустным, молодые женщины словно предчувствовали, что больше они никогда не увидятся.

В распоряжение герцогской четы были предоставлены три военных корабля и три фрегата. 27 июля

1727 года вместе со свитой и багажом дочь императора Петра I и герцог Голштинский покинули российскую столицу. Корабли держали курс на Киль. До Кронштадта их сопровождал генерал-адмирал граф Апраксин.

В Кильский порт супруги прибыли в сопровождении небольшой флотилии воскресным вечером 13 августа. Их приветствовали залпы орудий всех находившихся в порту кораблей. Для торжественного приема было уже поздно, поэтому ночь и весь следующий день герцог и герцогиня провели на корабле. Тем временем в городе велась подготовка для их официальной встречи.

Анна Петровна потом написала сестре: *«Вокруг нашего судна плавали многочисленные лодки с мужчинами и женщинами на борту, которые смотрели на нас, как смотрят в Петербурге на слонов. Всем хотелось поскорее увидеть меня».*

К вечеру 15 августа Карл Фридрих и его русская жена вместе с сопровождавшими их лицами были доставлены на берег. В воспоминаниях герцога, написанных им незадолго до смерти, можно прочесть следующее: *«Все корабли, находившиеся в порту и на рейде, были иллюминированы. Когда я со своей дорогой супругой сходил на берег, они дали залп из своих пушек. Улицы, по которым проезжали наши экипажи, были празднично украшены, мосты обтянуты синей материей. На сооруженной у ратуши трибуне разместились музыканты с фанфарами и барабанами. Весь высший свет прибыл в Киль, чтобы приветствовать нас».*

Во дворце герцога и его молодую супругу ожидали придворные. Вечером состоялись торжественный прием и обед. Столы были накрыты на двести персон. В течение двух последующих дней на улицах города

организовывались различные увеселения. *«Мои подданные, – вспоминал герцог, – искренне радовались, что после моего долгого отсутствия они вновь меня увидели, да еще счастливо женатым».*

Для Анны Петровны началась новая жизнь. Спустя некоторое время после отъезда сестры Елизавета Петровна получила из Килия письмо следующего содержания: *«Дорогая моя сестрица! Доношу Вашему Высочеству, что я, слава Богу, в добром здравии сюда приехала с герцогом и здесь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мне, только ни один день не проходит, чтобы я не плакала по Вас, дорогая моя сестрица! Не ведаю, каково Вам там жить? Прошу Вас, дорогая сестрица, чтобы Вы изволили писать мне почаще о здоровье Вашего Высочества. При сем посылаю Вашему Высочеству гостинец: опухало, такое, как все дамы здесь носят, коробочку для мушек, зубочистку, щипцы для орехов, крестьянское платье, как здесь носят... Прошу Ваше Высочество отдать мой поклон всем петербургским, а наши голштинцы приказали отдать свой поклон Вашему Высочеству».*

Голштинцы дочь русского царя считали очень красивой, интеллигентной и доброжелательной женщиной. Однако жизнь Анны Петровны проходила скучно и монотонно. Единственным удовольствием для нее была переписка с младшей сестрой. В письмах Анна Петровна описывала подробности своего пребывания на немецкой земле. О себе она обычно писала, что здорова и хочет больше узнать о незнакомой ей стране. *«Пожалуйста, мое сердце-сестрица, пишите мне чаще о своем драгоценном здоровье и о том, как весело Вы проводите время в Москве.* (В январе 1728 года по случаю коронации Петра II двор переехал в бывшую российскую столицу.) *О здешней жизни мне расска-*

затя нечего, разве что зима здесь уже почти кончилась».

Жизнь русской цесаревны на немецкой земле не ладилась. Вскоре она поняла, что герцог ее не любит. Такой веселый и галантный в Петербурге, муж здесь стал совершенно другим. Он стал проявлять склонность к различным развлечениям с приятелями и девицами, часто отправлялся на пикники, к государственным делам и умственным занятиям интереса не проявлял. Одним словом, вел беззаботный образ жизни. Догадывалась ли молодая женщина, что у мужа появились связи на стороне? Несомненно...

Поначалу Анна Петровна в своих письмах не жаловалась, называя Карла Фридриха всегда «мой дорогой супруг». Но однажды Елизавета получила от нее письмо, где сестра написала следующее: *«Сообщаю, что герцог связался с Лаврушкой, дома не сидит ни одного дня, все время уезжает в карете то к кому-то с визитом, то в комедию».*

Отношения между супругами стали холодными. Жили они в разных частях дворца, вместе не обедали. Уделом молодой женщины, ожидавшей рождения ребенка, стало одиночество. Окруженная у себя на родине заботой и вниманием, Анна Петровна не могла привыкнуть к такой жизни, стала писать жалобные письма своей любимой сестре. Передавала она их с оказией через русских моряков. *«Ни один день не проходит, чтобы я не плакала по Вас, дорогая моя сестрица»*, — написала она в одном из своих последних писем.

21 февраля 1728 года в полдень Анна Петровна родила сына. Назвали его Карл Петер Ульрих. В воспоминаниях герцога Карла Фридриха в связи с этим событием есть такие строчки: *«Я был безумно рад. О рождении наследника сообщили колокольным звоном и пушечными залпами».*

Крестили мальчика в лютеранской церкви. По этому случаю все дома в городе были украшены праздничной иллюминацией. На церемонии крестин присутствовало все высшее общество Голштинии. Вечером во дворце был дан большой бал.

Известие о рождении у герцогини Голштинской сына послужило предлогом для грандиозных празднеств и в Москве, где в то время все еще находился двор. Но спустя некоторое время торжества были приостановлены. С курьером была доставлена весть, что Анна Петровна, старшая дочь императора Петра I, умерла. Трудно было поверить в случившееся... Ведь после родов она стала быстро поправляться, и в Москву сообщили, что герцогиня здорова и чувствует себя хорошо. Но случилось непредвиденное...

В день крещения новорожденного в Киле был устроен фейерверк. Молодой матери еще нельзя было покидать свои покои, и она решила посмотреть на это великолепное зрелище из окна. Вечер был холодным, с моря дул сырой, пронизывающий ветер. Анна Петровна, открыв окно, несмотря на уговоры присутствующих, долго наблюдала за происходившим. Перед придворными дамами, ежившимися от холода, она лишь хвалилась своим крепким русским здоровьем. Но утром следующего дня герцогиня почувствовала себя плохо, начался жар, ей стало трудно дышать. Десять дней врачи боролись за ее жизнь, но медицина оказалась бессильной. В последний день своей жизни Анна Петровна металась в бреду, кого-то звала. Во дворце поднялась страшная суеда. Засветили огни дворцовой церкви, немецкий священник по латыни молился о герцогине, рядом, бормоча молитвы и судорожно крестясь, билась головой об пол перед свечами ее верная Мавра, «комнатная девушка», сопровождавшая свою госпожу в Киль. Но молитвы не помог-

ли. *«В ночи, в 21 году от рождения своего, горячкою преставилась»* – гласило официальное донесение.

Перед смертью Анна Петровна просила об одном – похоронить ее в родной земле «подле батюшки». В Киль из Петербурга за прахом Анны Петровны направились корабль «Рафаил» и фрегат «Крейсер». Под сенью Андреевского флага любимая дочь Петра Великого в сопровождении голштинских сановников пустилась в свое последнее плавание. Герцог в глубоком отчаянии остался в своем загородном замке.

Гроб перевезли через Неву на галере, с бортов которой свисали полотнища черного крепа. 12 ноября под звон колоколов всех церквей российской столицы Анну Петровну похоронили в Петропавловском соборе рядом с ее державными родителями.

Проститься с заморской герцогиней, дочерью императора Петра I, пришли сотни петербуржцев. Из Москвы же на похороны «наследной русской цесаревны» не приехал никто: ни царствующий племянник, ни придворные, ни дипломаты, ни министры. Не оказалось у ее гроба и Елизаветы: вместе со всем двором она находилась в старой столице, которую император Петр II покидать не собирался. Но смерть любимой сестры она переживала тяжело: заперлась в своих комнатах, долгое время отказывалась кого-либо принимать, много молилась и плакала. Где-то далеко остался осиротевший племянник, мысли о котором не покинут будущую императрицу до конца ее дней.

* * *

А в Москве рядом с юным императором Петром II уже не было и всесильного Меншикова, который год назад проявил столько ухищрений, чтобы как можно

скорее выпроводить дочь своего благодетеля из родного гнезда.

Внук Петра I поступил с Меншиковым сурово. По наущению противников Светлейшего князя юный император велел арестовать его, лишил всех чинов и орденов и сослал в Сибирь вместе с семьей, включая и свою невесту Марию. Огромное состояние князя было конфисковано, с дочери сняли обручальное кольцо. К удивлению всех, фактический правитель государства, человек, который умел ладить с самим Петром Великим и обращать грозный гнев царя в милость любящего друга, пал с самой высшей ступеньки власти. Двенадцатилетний мальчик с короной на голове оказался ему не по силам.

Меншикову пришлось преодолеть долгий путь из своего блиставшего роскошью дворца в Петербурге в далекий сибирский Березов за тысячи верст от столицы. Там его сначала поместили в казарму местного острога, построенного для содержания государственных преступников. Придя в себя после мучительной дороги, бывший князь своими руками построил маленький домик, где и поселился вместе с детьми. (Его жена умерла по дороге в Сибирь.)

Спрятав обиды глубоко в сердце, Меншиков на судьбу уже не роптал, старался ободрять своих детей – двух дочерей и сына. Но продержался он недолго: год спустя скончался. (Его детям было разрешено возвратиться из ссылки и проживать в деревне. Бывшая невеста императора Петра II, Мария Меншикова, через несколько лет умерла от оспы.)

Итак, цесаревна Анна Петровна и ее недруг – властолюбец Александр Меншиков ушли из жизни почти одновременно. Сын Анны Петровны остался на попечении отца-герцога. Детство лишившегося матери внука Петра I прошло в замке голштинских герцогов

в основном среди военных. Уже с семи лет его обучали различным правилам военного искусства, разрешали присутствовать на парадах. Мальчику это нравилось, военные премудрости он познавал охотно, проводя почти все дни в дворцовой казарме в окружении офицеров и солдат.

Когда Карлу Петеру Ульриху исполнилось одиннадцать лет, умер его отец. Оставшись вдовцом, он глубоко переживал уход из жизни своей русской жены. Он, по своему, успел к ней привязаться, был безгранично благодарен за рождение наследника-сына, но понимал, что отныне петербургский двор стал для него недосягаем. Собственно, так и случилось: со смертью Анны Петровны о герцоге и его делах вскоре в России забыли.

Незадолго до смерти в «Заметках об истории своей семьи» Карл Фридрих написал: *«Россия навсегда осталась в моих самых лучших воспоминаниях»*. А в 1735 году спустя десять лет после своей свадьбы с дочерью Петра Великого герцог Голштейн-Готторпский, о котором в России все практически забыли, в память о своей безвременно почившей августейшей супруге учредил орден Святой Анны. Позолоченный крест с красным орнаментом, посередине портрет святой Анны и буквы АІРІ, которые можно расшифровать как «Анна, дочь императора Петра I». В 1742 году этот орден четырех степеней с бриллиантовыми знаками «переселился» в Россию. Сначала он оставался иностранным орденом, а в 1797 году императором Павлом I, внуком Анны Петровны, был включен в состав российских орденов для награждения лиц всех сословий как внутри страны, так и за границей. Его присуждали вплоть до революции 1917 года.

Карл Фридрих больше не женился. Он вел уединенную жизнь в своих голштинских имениях. *«Я ис-*

кал покой и не находил его», – писал герцог в «Заметках» незадолго до смерти. Он умер 18 июня 1739 года в поместье Рольфсхаген, не дожив до сорока лет одного года. Похоронили герцога в церкви городка Бордесхольма, расположенного на пути из Киля в Шлезвиг, в новой усыпальнице готторпских правителей.

Опекунство над наследником взял двоюродный дядя, любекский княжеский епископ Адольф Фридрих, будущий король Швеции. Воспитание осиротевшего принца было поручено гофмаршалу Брюммеру, который установил для него настоящий казарменный порядок. Мальчик рос нервным и впечатлительным ребенком – отсутствие материнской ласки явно отражалось на его характере. Особых наук он не изучил, интереса к чтению не приобрел. Лишь игра на скрипке была ему по душе, причем играл он самозабвенно и с большим чувством. Он любил музыку и живопись, при этом обожая и все военное.

По желанию своей родной тетки, русской императрицы Елизаветы Петровны, вступившей на престол в декабре 1741 года, Карл Петер Ульрих вместе с воспитателем был привезен в Россию. Как когда-то и его мать, он прибыл в далекую, незнакомую страну, к которой он, выросший в немецком герцогстве и воспитанный в лютеранской религии, не питал никаких чувств. Императрицей ее четырнадцатилетний племянник был объявлен наследником российского престола. Его крестили по православному обычаю под именем Петра Федоровича, а в 1745 году женили на принцессе Ангальт-Цербстской Софии Августе Фредерике, получившей в православии имя Екатерины Алексеевны. Гармонии в этом браке не возникло.

Находясь в России, сын русской цесаревны Анны Петровны фактически оставался «чужим среди сво-

их». Поближе узнать родину своей матери, выучить ее родной язык, впитать в себя истоки православной веры он не стремился. Переселение в страну, которую он никогда не считал родной, хотя она готова была дать ему царскую корону, внук Петра Великого рассматривал как ссылку. Его любовь принадлежала далекой Голштинии, где он родился и вырос.

Наследник русского престола выписал из Голштинии роту солдат, в Ораниенбауме, неподалеку от Петербурга (императрица Елизавета Петровна передала племяннику бывший дворец Меншикова), создал свою голштинскую армию и стал носить ее мундир. Несколько позже он стал надевать и орден Черного Орла, врученный ему прусским королем, к которому относился с обожанием.

По достижении совершеннолетия великий князь Петр Федорович получил возможность управлять своим маленьким герцогством. Интересы Голштинии стали отныне главными в его жизни. Приглашение из Швеции занять королевский престол, освободившийся после смерти Ульрики Элеоноры, сестры его бабушки, внук императора Петра I отклонил.

После смерти императрицы Елизаветы Петровны ее племянник вступил на престол под именем Петра III. Но правил он всего шесть месяцев и пять дней. Свою главную задачу сын рано умершей цесаревны Анны Петровны видел в освобождении Голштинии из-под власти Дании и возвращении голштинским герцогам Шлезвига, который его отец вынужден был уступить датскому королю еще в 1720 году. Он хотел сделать это герцогство, небольшое по площади, но важное по своему географическому положению, сильным союзником России – об этом когда-то мечтал его могучий дед – Петр Великий.

Но вновь непредсказуемость судьбы...

Восстание гвардейских полков, провозгласивших 26 июня 1762 года урожденную немецкую принцессу, в которой не было ни капли русской крови, самодержавной императрицей, низвергло сына цесаревны Анны Петровны с престола. После подписания акта об отречении он был заключен в загородный дворец в Ропше и вскоре там же злодейски убит. Официальное сообщение гласило, что бывший император скончался от «прежестокой колики».

В форме голштинского офицера, скромно и без всяких почестей внука Петра Великого похоронили в Петербурге, в Александро-Невской лавре. Тридцать четыре года спустя вступивший на престол сын Петра III император Павел I велел перенести останки отца в Петропавловский собор для почетного перезахоронения рядом со своей матерью и ее родителями.

Анна Петровна хоть и прожила всего лишь двадцать лет, но оставила свой след в русской истории. После смерти Петра II ветвь романовского рода пресеклась. Именно с Анны, дочери великого Петра, началась многолетняя тесная династическая связь России и Германии. С рождением герцога Голштинского Карла Петера Ульриха, будущего императора Петра III, династия Романовых в середине своей исторической жизни превратилась в династию Романовых-Голштинских. Последний русский император, Николай II, наряду с другими титулами носил титул герцога Шлезвиг-Голштинского.

После смерти внука Петра Великого, императора Петра II, ушедшего из жизни в пятнадцать лет и не оставившего потомства, на российском престоле несколько десятилетий восседали женщины: Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, обе урожденные Романовы, и Екатерина II, урожденная Ангальт-Цербстская. Последняя пришла к власти, переступив через смерть своего супруга, Петра III.

Полунищая принцесса из маленького немецкого княжества была совершенно чуждой императорскому Дому Романовых по крови, но в супружестве с внуком Петра I оставила после себя сына-наследника, вступившего на престол под именем Павла I. Его жена, принцесса София Доротея Вюртембергская, за двадцать пять лет совместной жизни родила своему царственному супругу четырех сыновей и шесть дочерей. Свои судьбы дети по установившейся традиции связали с иностранцами. Сыновья – Александр, Константин, Николай и Михаил – женились на немецких принцессах. Дочери – Александра, Елена, Мария, Екатерина и Анна (Ольга скончалась в малолетстве) – вынуждены были покинуть родное родительское гнездо в Петербурге и приобрести новую Родину вдали от России. Вена, Шверин, Веймар, Штутгарт, Гаага – такова география их пребывания на чуждой земле.

О том, как сложилась жизнь в замужестве, и пойдет рассказ на следующих страницах.

Дочери императора Павла I

Александра Павловна

Великая княжна, эрцгерцогиня Австрийская, палатина Венгерская, старшая дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны

Александра родилась в конце июля 1783 года в Царском Селе, летней резиденции своей августейшей бабушки, императрицы Екатерины II. Это был большой дворец, постройку которого начали еще при Анне Иоанновне и закончили при Елизавете Петровне. Императрица Екатерина II подолгу жила в Царском Селе. Ее невестка, великая княгиня Мария Федоровна, переехала туда лишь незадолго до родов. Когда родилась дочь, ее назвали в честь старшего сына великокняжеской четы Александрой. (После нее в семье великого князя Павла Петровича родилось еще пять девочек, одна из которых, Ольга, скончалась в двухлетнем возрасте.)

С милостивого разрешения государыни-матери великая княжна Александра осталась при родителях. Двух ее старших братьев, Александра и Константина, императрица оставила при себе и сама занималась их воспитанием.

Росла великая княжна Александра, как и ее сестры, в великолепных дворцах Гатчины и Павловска,

принадлежавших родителям. «Мызу Гатчину с тамошним домом», как государыня назвала в соответствующем указе великолепный Гатчинский дворец, она пожаловала сыну, великому князю Павлу Петровичу, именно по случаю рождения Александры. Построен он был по проекту итальянского архитектора Ринальди и принадлежал ранее Григорию Орлову, фавориту императрицы, который скончался за несколько месяцев до рождения ее первой внучки. Екатерина купила дворец у родственника Орлова, получившего его в наследство. Здоровый климат, роскошный парк, озера с прозрачной водой создавали особый колорит Гатчины. Она стала любимым местом пребывания сына Екатерины II и его семьи. Правда, мать Александры, великая княгиня Мария Федоровна, предпочитала полюбившийся ей Павловск, полученный в подарок в связи с рождением первого сына. Она лично приложила немало усилий, чтобы Павловский дворец с его великолепным парком по красоте, богатству и изысканности не уступал прославленным дворцам Европы.

Зиму семья великого князя Павла Петровича проводила в Петербурге, а все остальное время жила в Павловске или Гатчине.

Жизнь шла тихо, каждый мог заниматься своим любимым делом.

Сашенька, как называли в семье великую княжну Александру, часто гостила в Царском Селе у бабушки, которая с особой любовью относилась к своей старшей внучке. Сохранились письма, написанные ею во время своей поездки в Тавриду (Крым) в 1787 году, когда девочке шел пятый год. *«Александра Павловна, приятно мне всегда, что ты умница, не плачешь, но весела; будешь умна, тобою будут довольны. Спасибо, что ты меня любишь, я сама тебя люблю. Екатерина».*

И еще: «... Я тебя люблю, радуюсь, что ты здорова, живучи близ папеньки, надеюсь, что ты умница... Екатерина».

Воспитанием Александры и четырех ее младших сестер (о них речь будет идти ниже) занималась баронесса Шарлотта Карловна Ливен под строжайшим надзором бабушки-государыни. Сухая, прямая, как палка, Ливен была женщиной с твердым характером и хорошими педагогическими способностями. Великих княжон она строго отчитывала за малейшую провинность: раскрытое окно, уроненный платок, неважно сыгранная гамма, недостаточно глубокий реверанс, – но была к ним добра и сердечна.

Ливены происходили из древнего ливонского рода, получившего в XVII веке баронское достоинство. После смерти мужа, генерала Отто Генриха, Шарлотта Карловна, урожденная баронесса фон Поссе, не имея почти никакого состояния, проживала в своем имении в Прибалтике, воспитывая четверых детей.

После рождения великой княжны Александры Павловны императрица Екатерина II, решив подыскать воспитательницу для детей своего сына из лифляндского дворянства, обратилась к рижскому генерал-губернатору Брауну, пользовавшемуся ее особым доверием. Он и предложил на эту должность кандидатуру баронессы Ливен, дети которой к тому времени уже выросли. Шарлотта Карловна согласилась не сразу. Губернатору пришлось буквально уговаривать Ливен принять должность, всячески расхваливая выгоды придворной службы в плане дальнейшей судьбы ее детей. Наконец Ливен согласилась на предложение императрицы, хотя и понимала трудности возлагавшейся на нее задачи.

Вскоре баронесса приобрела полное доверие императрицы. От ее рекомендаций даже стало зависеть на-

значение к великим княжнам низших должностных лиц. Ей удалось снискать и расположение родителей своих воспитанниц.

Шарлотта Карловна в течение сорока пяти лет жила при дворе, царскую семью она боготворила. За три года до смерти Ливен со всем потомством была возведена в княжеское достоинство. Умерла она в феврале 1828 года. По случаю ее смерти при дворе был объявлен трехдневный траур.

Современники отмечают, что княгиня Ливен «обладала большим умом, сочетающимся с душевной добротой, нравственностью и религиозностью и в то же время твердостью, даже суровостью и чисто мужской энергией». Это сказалося на воспитании великих княжон: все дочери императора Павла принадлежали к числу высокообразованных женщин. В странах, которые после замужества стали их второй родиной, они сыграли видную роль и оставили по себе добрую память.

* * *

Таким образом, великая княжна Александра попала в надежные руки. Много внимания своей старшей внучке уделяла и сама императрица. Девочке не исполнилось еще и восьми лет, а у Екатерины II уже родилась мысль, что о маленькой княжне, которая с детских лет приучалась к достойному, «державному» — по ее словам — поведению должны узнать в Европе как о возможной невесте.

Своему давнему другу, барону Гримму, она отправила портрет-миниатюру, сопроводив его письмом следующего содержания: «...*Портрет представляет девицу Александру. До шести лет она ничем не от-*

личалась особенным, но года полтора тому назад вдруг сделала удивительные успехи: похорошела, приняла такую осанку, что кажется старше своих лет. Говорит на четырех языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавесине и поет, танцует, учится без труда и выказывает большую кротость характера. Меня она любит более всех на свете, и я думаю, что она готова на все, чтобы только понравиться мне или хоть на минуту привлечь мое внимание».

Миловидную, с большими карими глазами и слегка вьющимися белокурыми волосами царскую внучку не считали красавицей, но всех подкупали ее манеры, плавность движений, походка и нежный голос. Начиная с тринадцатилетнего возраста Александра увлеклась переводом иностранных текстов на русский язык. Два ее перевода с французского были даже напечатаны в сборнике «Музы», что вызвало особую гордость Екатерины. Августейшая бабушка была уверена, что такое «сокровище» русской короны может украсить собой любой европейский трон. И решила не медлить с царственным браком.

Императрица нашла, что самой подходящей кандидатурой для великой княжны является наследник шведского престола Густав Адольф. Переговоры об этом браке велись еще с его отцом, королем Густавом III, и увязывались с чисто политическими планами и интересами обеих стран.

В августе 1790 года после бесславной для Швеции войны с Россией был подписан договор о мире. «И почему же не использовать эту ситуацию и не заполучить шведскую корону для моей любимицы?» – думала российская императрица, стремившаяся укрепить свое влияние на Швецию для начала через замужество внучки.

Юную великую княжну бабушка-императрица постепенно стала готовить к мысли о браке, часто затевая с ней разговоры о необыкновенных достоинствах и привлекательности молодого короля. По свидетельству очевидцев, она как-то даже открыла портфель, где находились миниатюрные портреты европейских принцев, достигших брачного возраста и положения, и велела внучке сказать, кого бы она выбрала себе в мужа. Та, покраснев, указала на избранника бабушки, о достоинствах которого ей уже не раз говорили. Императрица старалась тем самым создать впечатление, что княжна сама выбрала для себя супруга. Возможно, Александра действительно прониклась заочной симпатией к будущему жениху, кто знает. Ведь то, что для Екатерины II было политической игрой, девочке-подростку казалось судьбой. Она доверчиво покорялась своей бабушке-императрице.

Что касается северной соседки, Швеции, то в обмен на брачный контракт русской великой княжны с сыном шведского короля опытная в делах дипломатии Екатерина пообещала ограничить влияние на ее политику и внутреннюю жизнь и даже выделить финансовые субсидии. Ослабленная бесконечными войнами, неурожаем и огромными затратами королевского двора, Швеция явно заинтересовалась столь выгодной для себя перспективой.

Казалось, все было решено. Но Густав Адольф, став королем после смерти отца, погибшего от руки заговорщиков в 1792 году, был еще несовершеннолетним. Бразды правления взял на себя его дядя, герцог Зюдермандландский, который был в решительной оппозиции к России.

В Петербург для знакомства с невестой король Густав Адольф не поехал, так как до своего совершенно-

летия по шведским законам он не имел права посещать столицы иностранных государств. Екатерине пришлось согласиться с этим доводом.

Однако остро встал еще один вопрос – религия будущей шведской королевы. С самого начала предполагалось, что великая княжна не изменит своего вероисповедания, этого требовала российская императрица, и шведский двор, казалось, был с этим согласен. О браке шведского короля говорили уже как о решенном деле. В Стокгольм были отправлены церковная утварь, ризы и роскошный иконостас для домово́й церкви, которая должна была быть у русской великой княжны во дворце.

Но в Швеции были сильны позиции католичества. Да и дворянская оппозиция при дворе скорее пошла бы на сближение не с Россией, а с Францией или даже с мелкими германскими княжествами, чтобы там подыскать невесту для короля, пусть и не столь богатую, но без амбиций. К тому времени уже встал вопрос о женитьбе шведского короля на мекленбургской принцессе.

Начались долгие дипломатические переговоры. Шли они трудно, несколько раз прерывались, затем вновь возобновлялись. Камнем преткновения оставался вопрос о свободе вероисповедания будущей шведской королевы. Екатерина не переставала настаивать на том, чтобы русская великая княжна сохранила ту веру, в которой она была рождена и воспитана. При этом она упорно ссылалась на закон, принятый еще Густавом III, отцом жениха, согласно которому король Швеции мог жениться на избраннице, исповедующей другую религию. Чтобы заполучить Густава Адольфа, императрице пришлось пустить в ход все способы, не исключая интриг, подкупов и конечно же сладких обещаний.

Наконец все решили. Удалось договориться, чтобы король, не дожидаясь своего совершеннолетия, приехал в Петербург, куда он был благосклонно приглашен, для знакомства со своей будущей супругой. Был составлен и соответствующий проект брачного договора. Однако вопрос о свадьбе напрямую пока еще не стоял.

В итоге юной Александре следовало предстать пред очами жениха, выбранного для нею бабушкой-государыней. *«Если, – как говорили при дворе, – при личном свидании эти двое понравятся друг другу, мы подумаем о том, как устроить счастье обоих»*. Екатерина, конечно же, надеялась, что, увидев Александру, семнадцатилетний король откажется от всех сомнений, чтобы только ею обладать.

* * *

В конце августа 1796 года Густав Адольф вместе со своим дядей-опекуном и довольно многочисленной свитой выехал в Петербург. Он прибыл инкогнито под именем графа Гага и остановился в доме шведского посла, барона Стединга. Инкогнито, конечно же, было декоративным, так как о визите короля и регента было известно и в Швеции, и в Петербурге, да и во всей Европе. Город пришел в движение. Праздники для высоких гостей из Швеции покатались чередой. Русскому гостеприимству не было границ. Застенчивая и скромная невеста при каждой встрече с нареченным чувствовала на себе пристальные взгляды присутствовавших. Оба были чрезвычайно смущены. Однако все заметили, что высокомерному, привыкшему к лести шведскому королю русская княжна понравилась.

По свидетельству современников, Александра в свои тринадцать лет была уже вполне сформировав-

шейся девушкой. Стройная фигура, правильные черты лица и белокурые с пепельным оттенком волосы не могли не привлекать внимание. Внешности принцессы вполне соответствовали ее ум и таланты. Молодой король, высокий, стройный, с красивым и гордым лицом, был с ней вежлив и любезен.

Вот что написала мать Александры, великая княгиня Мария Федоровна, своей свекрови на следующий день после одного из блистательных балов:

«Любезная матушка! Долгом своим ставлю отдать Вашему Императорскому Величеству отчет о вчерашнем вечере, в котором вижу добрые предзнаменования, ибо внимание короля к Александрине было очень заметно. Он танцевал почти только с ней одною и даже после менуэтов, видя, что дети просили у меня дозволения протанцевать еще один контрданс, подошел к регенту и сказал ему что-то очень тихо. И, действительно, он опять ангажировал Александрину. Они часто и подолгу сидели вместе, во все время он рассказывал о своей жизни, о каждодневных занятиях в Стокгольме» (сентябрь 1796 года).

Сама же императрица Екатерина в письме к Гримму повествовала о «шведском романе» внучки так: *«Нужно сказать правду, он не может скрыть своей влюбленности. Молодой человек приехал сюда грустный, задумчивый, смущенный, а теперь его не узнать: весь он словно пропитан счастьем и радостью»*.

В приватном разговоре высоких шведских гостей с членами императорской семьи король попросил у родителей невесты позволения видеть Александру каждый день. В ходе праздников, которые следовали один за другим, они часто виделись, говорили друг с другом, танцевали. Близкая свадьба не была больше тайной. Императрица уже говорила с юным королем

и своей внучкой как с нареченными. Она даже как-то попросила их в своем присутствии поцеловаться. Этот поцелуй оставил у Александры такое дорогое воспоминание, что сделал ее надолго несчастной.

Шестого сентября посол Швеции, барон Стединг, на торжественной аудиенции у российской императрицы официально попросил от имени короля Густава IV руки великой княжны Александры Павловны. Екатерина II благословила внучку. В тот же вечер на балу в Таврическом дворце король сам предложил великой княгине Марии Федоровне обменяться с ее дочерью кольцами.

Началась обычная предсвадебная суета. Петербургские придворные ювелиры стали готовить приданое: сервизы, драгоценные гарнитуры и даже золотые оклады для иконостаса церкви в Швеции. Для сопровождения будущей королевы в Швецию была назначена статс-дама – знаменитая княгиня Екатерина Дашкова. Мать невесты, великая княгиня Мария Федоровна, писала своему мужу в Гатчину: *«Добрый и дорогой друг мой, благословим Бога! Обмен обещаниями решился в понедельник вечером в Бриллиантовой комнате. Он будет происходить в нашем присутствии, при детях, при посланнике... Свидетелем обещаний будет митрополит... После обручения назначен бал в тронном зале...»* Торопились. Помолвка была назначена на 24 сентября. Она должна была состояться в тронном зале Зимнего дворца. Александра стала усиленно изучать шведский язык.

Но дальнейшие события оказались непредсказуемыми. Наступивший день обручения молодых не принес России ожидаемой радости. Для Екатерины II и ее любимой внучки он стал тяжелым ударом. Императрица, при всей своей дальновидности, недооценила влияние на молодого короля Швеции католиков, на-

ходившихся в его окружении. Хоть и скрытно, но они всячески противились возможному браку Густава Адольфа. Опасались усиления влияния России, полагая, что это может вызвать недовольство в народе.

В назначенное для обручения время жених в тронный зал Зимнего дворца не явился.

Шведские дипломаты не могли объяснить причину отсутствия короля. В гостевую резиденцию Густава Адольфа срочно послали курьера. Король велел передать, что отказывается ставить свою подпись под брачным договором, пока не будет вычеркнут пункт: *«Александра Павловна остается в православной вере и может иметь в Стокгольме свою капеллу»*. Прибывшим русским министрам он заявил, что *«свободу совести великой княжны он не намерен стеснять, но он не имеет права позволить ей иметь часовню в королевском дворце. Публично и на всех официальных церемониях она должна придерживаться веры его страны»*.

Более четырех часов длились переговоры, но они ни к чему не привели. Король заупрямился, ехать в Зимний дворец не пожелал. Присутствовавшие недоумевали.

Узнав о причине отсутствия жениха, Екатерина, стараясь скрыть свое негодование, сказала подчеркнuto вежливо герцогу Зюдермандландскому: *«Вот мое последнее слово: не подобает русской княжне менять религию. Дочь императора Петра I вышла замуж за герцога Карла Фридриха Голштинского, сына старшей сестры Карла XII. Для этого она не меняла религию»*.

Регент был в отчаянии. Тем не менее прием в честь шведских гостей во дворце не отменили, объявили лишь, что помолвка отложена из-за болезни короля.

На следующий день, как и планировалось, в белой

галерее был устроен бал. Появился и Густав Адольф – печальный и смущенный. С великой княжной он уже не танцевал. Императрица была очень сдержанна и говорила с ним с присущим ей достоинством. Отец Александры, великий князь Павел Петрович, не скрывал своего негодования. Представить состояние бедной невесты нетрудно. Не дождавшись окончания бала, она отправилась в свои покои, чтобы дать волю слезам обиды и унижения. Вскоре, вежливо попрощавшись, уехал и король. Это было его последнее появление при дворе.

На остальных празднествах в честь высоких гостей из Швеции великая княжна Александра уже не присутствовала. Дни торжеств внезапно сменились днями напряжения и печали. Александру искренне жалели, считая ее жертвой тщеславия и политической вседозволенности бабушки-императрицы. Переговоры о возможном брачном союзе Швеции с русским императорским Домом продолжались еще девять дней, до самого отъезда короля из Петербурга. Густав IV, наконец, объявил, что поскольку по шведским законам не может согласиться на то, чего желает русская императрица, он посоветуется об этом со штатами. Они будут собраны в его совершеннолетие, которое наступит через два месяца. И если штаты согласятся на то, чтобы православная королева осталась в своей вере, он пришлет представителей сватать великую княжну.

Король Густав IV покинул российскую столицу, оставив глубокую скорбь в сердце его несостоявшейся невесты и сильное раздражение и досаду бабушки-императрицы. Горе, причиненное неудачей проекта брака внучки с шведским королем, было для нее сильным потрясением. Поведение Густава IV она восприняла как личное оскорбление. Спустя два месяца

Екатерина II скончалась от апоплексического удара. Слезы Александры, нежно любившей свою бабушку, были искренни. Она была с ней очень близка, даже более, чем с собственными родителями.

Как бы там ни было, но из-за недоработок дипломатов императрицы расплачиваться пришлось ее внучке, почти еще девочке, видевшей в красивом юноше воплощение своих первых девичьих мечтаний. Можно представить себе и чувства родителей Александры, практически отстраненных государыней от непосредственного участия в судьбе дочери. Екатерина II лишь ставила в известность сына и невестку о ходе переговоров относительно замужества великой княжны да требовала их присутствия на придворных празднествах.

Отец Александры, великий князь Павел Петрович, на следующий день после несостоявшегося обручения уехал в Гатчину и не появлялся в Петербурге, пока там оставались шведские гости. Мать, Мария Федоровна, находилась при дочери и лишь переписывалась с мужем, сообщая ему последние новости.

Сразу же после смерти матери Павел Петрович отправил посла, графа Головкина, в Стокгольм с сообщением о своем восшествии на престол. Мария Федоровна, теперь уже императрица, не проявлявшая ранее инициативы в отношении судьбы своей дочери, поручила графу известить шведского короля о ее к нему расположении и одновременно уполномочила передать поклон от великой княжны Александры. Очевидно, она предполагала, что со смертью императрицы Екатерины II намерения короля Густава IV изменятся. Однако из Швеции вновь поступило известие, что жениться на княжне православного вероисповедания король отказывается. Всекие переговоры после этого были уже излишними.

Итак, старшая внучка Екатерины Великой шведской королевой не стала. Король Густав IV женится спустя несколько лет на принцессе Баденской Фредерике, младшей сестре Елизаветы Алексеевны, супруги Александра Павловича, наследника престола. В результате, как бы с этой стороны, шведский король все же породнился с царской семьей. Но отношения Швеции с Россией резко обострились.

В 1808 году началась последняя в истории русско-шведская война, в результате которой Швеция потеряла Финляндию. Страна пережила жесточайший экономический и финансовый кризис. В марте 1809 года армия свергла Густава IV Адольфа с престола. Он был изгнан из страны и закончил свои дни в Швейцарии.

Таким образом, великой княжне Александре Павловне, можно сказать, повезло, что она не стала шведской королевой. Через три года ей снова было суждено оказаться пешкой в политической игре. Но это будет уже другая история...

* * *

В 1798 году императору Павлу I и императрице Марии Федоровне поступило предложение от австрийского двора о возможном заключении брака их старшей дочери с братом императора, эрцгерцогом Иосифом, палатином Венгерским. Брак этот, как считалось, должен был способствовать укреплению союза России и Австрии, заключенного для борьбы с революционной Францией. Соответствовало ли это мечтам самой Александры, никого не интересовало. Ее желание или нежелание в расчет не принимались.

Вести переговоры было поручено светлейшему князю Репнину. Он немедленно отправился в Вену,

где ему был оказан блестящий прием. Сам австрийский император, находившийся в то время за пределами страны, срочно прибыл в Вену, чтобы дать российскому послу аудиенцию. Ввиду опасности, угрожавшей Австрии со стороны Французской республики, венский двор решил искать прочный политический союз с Россией и сделать это через родственную связь между двумя правящими домами.

На этот раз договорились быстро. Уже в ноябре того же года эрцгерцог Иосиф Антон Габсбург приехал в российскую столицу, чтобы просить руки великой княжны Александры Павловны.

По воспоминаниям современников, брат австрийского императора эрцгерцог Иосиф произвел при дворе очень хорошее впечатление как своим умом, так и знаниями. Получив достойное образование, он с юных лет находился на военной службе, достиг генеральского чина и участвовал в войнах с Францией. Палатином, то есть наместником, Венгрии, принадлежавшим к императорскому дому, австрийский эрцгерцог был назначен незадолго до своего визита в Россию.

С первых же дней своего пребывания в российской столице Иосиф стал относиться к своей невесте с нескрываемым обожанием. *«Он застенчив и неловок, но фигуру имеет приятную, выговор его более итальянский, нежели немецкий. Он влюблен в великую княжну»*, – говорили при дворе.

Обручение молодых состоялось спустя четыре месяца после визита – в марте 1799 года. Пребывание эрцгерцога в Петербурге дало повод к пышным балам и празднествам. Но длились они недолго. Иосиф должен был вернуться в Австрию, поскольку ему предстояло командовать армией в Италии. А в Петербурге началась активная подготовка к свадьбе. Формально-

сти брачного договора на сей раз были улажены легко и быстро.

Между тем император Павел I на помощь австрийцам послал экспедиционный корпус под командованием генерал-фельдмаршала Александра Суворова. Он уже готов был к вторжению во Францию. И не произошло это лишь потому, что не соответствовало корыстным планам австрийского правительства, которое прежде всего было заинтересовано в увеличении своих владений за счет северных итальянских территорий, завоеванных французами. Сделать это Австрия хотела при помощи русских. На правах союзника Вена всячески оттягивала наступательные действия русской армии в направлении Франции. Суворов вынужден был подчиниться. Несмотря на тяжелейшие условия, он повел свой корпус через Швейцарские Альпы. Но там, в Швейцарии, Австрия оставила русскую армию наедине с превосходящими силами противника. Потери русских были огромными, и только полководческое искусство Суворова спасло армию от полного уничтожения.

Павлу I пришлось воочию убедиться, что цель австрийцев – отвоевать у французов захваченные ими земли в Италии, но не вернуть их законным правителям, а присоединить к Австрии. Причем сделать это с помощью русских солдат.

В итоге Россия разорвала союз с Австрией, а русские войска были отозваны из Европы.

Нетрудно было понять, что в такой ситуации жизнь русской великой княжны в неблагоприятной атмосфере венского двора не станет счастливой. Но сама она об этом не знала и ждала приезда в Петербург своего жениха, который ей понравился и мягким характером, и внимательным отношением.

19 октября 1799 года великая княжна Александра

Павловна была обвенчана с эрцгерцогом Иосифом, палатином Венгерским. Венчание состоялось в Гатчине, ознаменовано было пышными торжествами и фейерверками. Чувствовалось ощущение большого праздника, но не было праздника в сердце Александры. Ведь ей предстояло расстаться с родным домом, а Австрия была так далеко...

Молодожены уехали спустя две недели после венчания. Покидая родину, Александра была очень грустна и часто повторяла, что больше не увидит родных и России, – словно чувствуя, что проживет она на неприветливой австрийской земле совсем недолго.

При расставании сильно волновался и царь-отец. *«Он беспрестанно повторял, что не увидит ее более, что ее приносят в жертву. Мысль эту приписывали тому, что, будучи справедливо недоволен политикой Австрии по отношению к России, государь полагал, что вручает дочь своим врагам. Впоследствии часто вспоминали это прощание и приписывали его предчувствию»* – так написала потом графиня Головина, свидетельница этих событий, в своих мемуарах.

В момент прощания с родителями Александра потеряла сознание, и в экипаж ее внесли на руках. Во время пути великая княгиня (после замужества она носила этот титул), чувствуя заботу и ласковое внимание к себе супруга, несколько оправилась от волнений из-за разлуки с родными. Обеспокоенный душевной подавленностью молодой жены, эрцгерцог Иосиф всячески утешал и ободрял ее.

После долгого утомительного путешествия русская великая княгиня прибыла в австрийскую столицу. Отныне она стала членом большой семьи рода Габсбургов, известного в Европе своим долголетием.

Первое упоминание об этом старейшем роде относится к X веку. Королевской династией он стал спустя три столетия, а с XV века в роду Габсбургов находилась корона Священной Римской империи. Первым коронованным императором был Фридрих III.

В течение всей истории своего рода Габсбурги умели удачно заключать браки. Начало положил еще сын Фридриха III Максимилиан. Женившись на единственной наследнице Бургундского герцогства, он стал правителем Нидерландов. Его внук благодаря браку с испанской инфантой унаследовал испанский престол под именем Карла I. Тем самым ему удалось объединить свой императорский титул с огромной колониальной державой.

В 1556 году император Карл I отрекся от престола и разделил свои владения. Испания вместе с Нидерландами перешла к его сыну, ставшему королем под именем Филиппа II, а родовые герцогства австрийские вместе с короной императора – к брату Фердинанду, который к тому времени (опять же через брак) стал королем Венгрии и Чехии.

В итоге сложились контуры будущей Австро-Венгерской монархии. Габсбурги, таким образом, разделились на две ветви: испанскую и австрийскую. (В самом начале XVIII века испанская ветвь Габсбургов пресеклась, уступив место Бурбонам.) Испания и Австрия, как ярые защитники католицизма в Европе, находились между собой в политическом и династическом союзе.

В конце XVIII века в Вене правил император Иосиф II.

У него сложились дружественные отношения с Екатериной Великой. В 1792 году он умер, не оста-

вив после себя детей. На престол взошел его брат Леопольд, у которого в браке с дочерью испанского короля было шестнадцать детей. Но правил он всего два года и скончался скоропостижно в возрасте сорока пяти лет. Трон наследовал его сын под именем Франца II.

Эрцгерцог Иосиф был одним из младших братьев австрийского императора. Франц II (тогда он носил титул императора Священной Римской империи, а только австрийским императором Францем I станет в 1806 году) был женат дважды. Его первой женой была Елизавета Вильгельмина Вюртембергская, родная сестра матери великой княжны Александры Павловны. После неожиданной смерти любимой супруги (она скончалась в двадцать три года) император женился на принцессе Марии Терезии Бурбон-Неаполитанской.

Прибывшая в Вену невестка понравилась императору и внешностью, и добрым нравом. Она была очень похожа на свою родную тетю, и с первых же дней Франц II проникся к ней нескрываемой симпатией. Это не понравилось императрице Марии Терезии, властной и ревливой женщине. Она сразу же возненавидела русскую великую княгиню.

Начались придирки, интриги и даже не подобающие монаршей особе выходки. Императрица открыто проявляла зависть и нелюбовь к юной супруге палатина Венгерского. Доходило до курьезов. При дворе шли толки о таком случае. Однажды Александра появилась в театральной ложе в бриллиантовых украшениях, которые по своей красоте были значительно лучше, чем бриллианты самой императрицы. На следующий же день Мария Терезия строго запретила эрцгерцогине появляться в обществе в подобных драгоценностях. Александре оставалось лишь смиренно повиноваться. Что же явилось причиной столь неожиданной реакции супруги императора? При вен-

ском дворе пошли разговоры, что императрица сделала это просто из ревности, опасаясь потерять внимание мужа, который осыпал Александру знаками уважения, и боясь ослабления своего влияния в высшем обществе.

Может быть, все так и было. Но следует учесть и другой немаловажный фактор, который способствовал столь негативному поведению Марии Терезии, — Россию, родину своей новой родственницы, католическа-императрица открыто ненавидела.

Родители Александры были очень опечалены, получив от дочери известие, что супруга ее деверя-императора плохо с ней обращается.

Мария Терезия же, опасаясь усиления симпатий к русской великой княгине при австрийском дворе, настояла на том, чтобы эрцгерцог и его молодая жена как можно скорее отбыли в свою резиденцию в Офен, столицу Венгрии.

Прошло почти четыре месяца с начала пребывания дочери российского императора в Австро-Венгрии. Молодые супруги обосновались в замке, расположенном в небольшом городке Офен (немецкое название Буды). В Венгрии кроткую и добрую Александру жители полюбили сразу. Ее уважали и в столице, и в окрестных селениях, среди которых было немало людей, крещенных в православной вере. А это вызывало недовольство уже венского двора, опасавшегося усиления влияния православия в Австро-Венгрии. И хотя согласно брачному контракту Александра осталась в своей прежней вере, начались религиозные притеснения: не разрешалось в установленное время проводить церковные службы, долгое время под разными предлогами не приводилось в надлежащий вид здание православного храма в Офене, иконостас для которого и утварь подарили Александре родители.

Русскую княгиню вскоре стали упрекать во всех грехах. А уж любовь и признание со стороны населения Австрии и Венгрии ей просто не могли простить, обвиняя молодую женщину в поощрении сепаратистских стремлений. За Александрой даже был учрежден тайный надзор. Более того, венгерский кардинал стал вести с русской супругой палатина разговоры о переходе ее в католичество.

Поддержку великая княгиня Александра находила у своего духовного отца, священника Андрея Самборского. Он был раньше наставником детей императора Павла I в вопросах веры и прибыл в Австрию вместе с его старшей дочерью. Этот просвещенный церковный деятель помогал Александре преодолевать горести, сыпавшиеся на нее как из рога изобилия.

Когда же в Вене узнали о беременности палатины, неприязнь к ней еще больше усилилась. Жизнь великой княгини отныне протекала в атмосфере ненависти и вражды со стороны венского двора.

Об этих последних месяцах жизни Александры Павловны повествует в своих «Записках» ее духовный отец Андрей Самборский: *«Министры двора были объаты страхом оттого, что если палатина Венгерская разрешится от бремени принцем, то Венгрия непременно отложится от Австрии, создав собственную династию и государство»*. Если учесть, что это государство могло быть с сильными православными традициями и на защите его стояла бы Россия, то станет понятным, почему католическая правящая верхушка так вела себя в отношении венгерской палатины русского происхождения.

Здоровье ее высочества никого при дворе не интересовало. Доктор, которого определила австрийская императрица, относился к ожидавшей ребенка эрцгерцогине крайне небрежно, назначал непереносимые

лекарства, в обхождении был груб. По распоряжению императора Павла I, которому сообщили о состоянии его дочери, в замок Офен из Буды прибыл доктор Эбелинг, но помочь Александре он мало чем мог. Беременность молодой женщины протекала трудно. Да и питание было для нее малоподходящим.

Эрцгерцог отдал строгое приказание готовить для его супруги лишь то, что она сама пожелает. Но приказ исполнять не спешили. Чужеземку-палатину почти морили голодом.

Помогал отец Андрей, который покупал для Александры продукты на собственные деньги, а еду готовила преданная ей дочь священника. Ну а что же сам Иосиф? Он искренне любил свою жену, относился к ней с нежностью и заботой, старался всячески помочь. Но он вынужден был часто подолгу отсутствовать, на интриги и козни императрицы, супруги любимого старшего брата, порой просто закрывал глаза. Да и сама Александра, скромная и тактичная, щадила мужа и не рассказывала ему о том, как ей тяжело. Стараясь не заострять внимание на своих недомоганиях, она в последние месяцы перед родами много читала, вышивала покрывала для церковного алтаря, совершала прогулки по окрестностям замка, щедро раздавая милостыню бедным.

Между тем французская армия стояла у границ Австрии. Палатин Венгерский должен был в очередной раз срочно ехать в Вену для командования войсками. Александра хотела сопровождать мужа. Избрав более спокойный для себя путь, она решила плыть до Вены по Дунаю. Но императрица Мария Терезия поспешила прислать за ней экипаж, втайне рассчитывая, что тряска в дороге не пойдет беременной женщине на пользу. Больная и усталая Александра прибыла в Вену. Там, томимая плохими предчувствиями, она

в Шенбруннском дворце написала свое завещание. А венский двор тем временем затаился – все ждали, кто родится, принц или принцесса?

Однако вскоре Александре пришлось покинуть город. К Вене подходили войска Наполеона, и палатина с сопровождавшими ее придворными вынуждена была вернуться в Офен.

Иосиф со своим войском остался оборонять столицу. Он смог прибыть в Офен только перед самыми родами жены.

Роды были очень тяжелыми. Многочасовые мучения палатины вынудили опытного акушера для облегчения ее страданий прибегнуть к хирургическому вмешательству. Отец Самборский писал потом в своих «Записках»: *«Когда акушер заметил, что естественные силы великой княжны изнемогли, тогда представил он палатину о таковом изнеможении и получил от его высочества согласие употребить инструменты, которыми он и вытащил младенца, жившего только несколько часов. Доктора препоручили мне уведомить великую княгиню о смерти принцессы...»*

Узнав о смерти дочери, Александра печально сказала своему духовному отцу: *«Благодарение Богу, что моя дочь переселилась в число ангелов, не испытав тех горестей, которым мы здесь подвержены»*. Венский двор вздохнул свободно: повода для волнений в Венгрии не предвиделось.

Хрупкая и слабая Александра едва не умерла в тот же день, когда родила дочку. Это случилось на девятый день после родов, когда доктора уже разрешили ей вставать с постели. На приеме во дворце 3 марта 1801 года эрцгерцог Иосиф радостно объявил, что палатина поправляется. Как свидетельствуют очевидцы, еще с утра весь двор Офена, узнав, что его любимица поправляется, был весел, но к вечеру радость

сменилась тревогой. У великой княгини Александры Павловны внезапно поднялась температура. Начался бред, во время которого бедная женщина просила своего духовника отвезти ее домой и построить ей маленький домик в парке Павловска, чтобы она могла там жить. Отец Андрей и Иосиф не отходили от ее постели. Сменяя друг друга, они прикладывали к пылающему лбу умирающей холодные компрессы, говорили слова поддержки и утешения. Но в сознание она так и не пришла. В шесть часов утра следующего дня великой княгини Александры Павловны, эрцгерцогини Австрии, палатины Венгерской не стало.

Услышав отчаянный крик священника, Иосиф, задремавший было в кресле у окна, бросился к постели жены и тут же упал без чувств. И это был человек, командовавший войсками и видевший смерти сотен солдат на поле боя.

16 марта эрцгерцог Иосиф Антон Габсбург написал императору Павлу I: *«Я имел непоправимое несчастье потерять жену мою... Ее уже нет, и с нею исчезло все мое счастье...»* Иосиф еще не знал, что русский император не сможет прочесть это письмо: 11 марта 1801 года он был злодейски убит заговорщиками в Михайловском замке. На престол взошел его сын Александр. Сбылось предчувствие несчастного отца, что с дочерью он больше не свидится.

* * *

В замужестве великая княжна Александра Павловна прожила пятнадцать месяцев. Но и после смерти на чужбине ее прах не сразу нашел успокоение. Императрица Мария Терезия не позволила отцу Андрею похоронить палатину Венгерскую в саду дворца,

подаренного ей супругом. По свидетельству современников, гроб с телом умершей несколько дней стоял в сыром подвале здания, находившегося у торговой площади. Подвал обычно служил для хранения лука.

Наконец из Вены пришло повеление похоронить великую княгиню на земле, купленной русским правительством. Неподалеку от Офена, в деревушке Ирем, где жили преимущественно сербы, был отведен участок для постройки православной церкви и устройства при ней кладбища.

Благодаря стараниям отца Андрея гроб с телом великой княгини в сопровождении множества людей перенесли в Ирем. Все жители были потрясены преждевременной смертью палатины.

В 1802 году правитель Венгрии эрцгерцог Иосиф в память о горячо любимой супруге построил в Иреме православный храм. Иконостас и церковную утварь Александра еще при отъезде получила от своих родителей. Храм в Иреме был освящен и стал первым приходом православной церкви на территории Венгрии. В присутствии эрцгерцога в эту церковь был перенесен гроб с телом великой княгини Александры Павловны. Отец Самборский вплоть до своего отъезда в Россию летом 1804 года охранял достоинство своей духовной дочери, ее гроб в церкви-усыпальнице и уважение к вере, в которой она родилась. Он регулярно совершал там богослужения.

По воле овдовевшего эрцгерцога Офенский дворец, где скончалась его супруга, был превращен в музей. Покинув его навсегда, Иосиф оставил все так, как было при жизни его любимой Александры.

Неожиданная смерть Александры, прожившей так мало в замужестве и так много страдавшей от враждебности венского двора, произвела в России

очень тяжелое впечатление. Возмущение русского общества политикой Австрии еще больше усилилось.

В 1814 году во время работы Венского конгресса могли сестры посетить император Александр I и великие княгини Мария Павловна и Екатерина Павловна. В воспоминаниях одного из вельмож, сопровождавших русского царя, так описывается это событие: *«Возвратясь во дворец, я встретил иеромонаха, живущего четыре года при могиле прекраснейшей из внучек Екатерины II, великой княгини Александры Павловны, погребенной в местечке Ирем, в нескольких верстах от Офена, в стороне от большой дороги. Богомольцы собираются туда во множестве в известные праздники и благословляют память усопшей, снискавшей общую любовь в течение кратковременного своего пребывания в Венгрии. Монах сказывал мне, что с тех пор, как живет в Иреме, только одна особа австрийского Дома императрица Мария Луиза, супруга Наполеона, посетила уединенную могилу русской царицы».*

В том же году в Павловске, в садике, где Александра гуляла в детстве, установили беседку с памятником, выполненным скульптором Мартосом. По словам поэта Василия Жуковского, памятник изображал *«гения, удерживающего руками летящую ввысь прелестную женщину, более небесную, чем земную».* В скульптуре отразилась трагическая судьба дочери русского императора.

До наших дней этот памятник не сохранился, во время Второй мировой войны он был разрушен.

А в столице Венгрии был воздвигнут памятник ее супругу, Иосифу Антону Габсбургу, который сделал много полезного для этой страны. Площадь, где стоит памятник, носит его имя.

Эрцгерцог после смерти любимой супруги четырнадцать лет оставался вдовцом. И только по настоя-

нию Дома Габсбургов он вновь женился, на этот раз на немецкой принцессе. Но спустя два года Иосиф опять овдовел. В 1819 году он женился в третий раз на двоюродной сестре своей первой супруги, принцессе Марии Доротее Вюртембергской. Прожили они вместе двадцать два года. В браке родилось четверо детей. Дочь Мария стала женой короля Бельгии Леопольда II.

Православный храм в Венгрии, построенный эрцгерцогом в память о первой жене, в XX веке начал приходить в упадок, пережил несколько ограблений. Пропали и иконы, привезенные Александрой Павловной. Останки великой княгини были перенесены в усыпальницу Габсбургов. (Несколько лет назад было объявлено, что их поместят в крипте храма в Иреме, возрождаемого совместными усилиями русских и венгров, православных и католиков.)

6 сентября 2002 года в городе Иреме состоялись торжества по случаю 200-летия освящения храма во имя святой мученицы царицы Александры – первого храма Русской православной церкви на земле Венгрии. В храме возобновились богослужения.

После кончины великой княгини Александры Павловны российский императорский Дом более в прямые родственные связи с Габсбургами не вступал.

Елена Павловна

Великая княжна, наследная принцесса Мекленбург-Шверинская, дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны.

Елена, вторая дочь великокняжеской четы, родилась 13 декабря 1784 года. *«Малютка эта – чрезвычайной красоты, – писала о ней бабушка-императрица барону Мельхиору Гримму, – вот почему я назвала ее Еленой, то есть в честь троянской красавицы Елены Прекрасной».*

Детство Елены, как и ее сестер, прошло во дворцах Гатчины и Павловска. Часто девочки бывали и у своей бабушки-императрицы в Царском Селе. С ней они были, пожалуй, даже ближе, чем со своими родителями. Общение с бабушкой являлось для них источником радости и удовольствий.

Между императрицей Екатериной II и великой княгиней Марией Федоровной велась постоянная переписка. В основном она касалась развития девочек, к этому стареющая государыня проявляла особый интерес. *«Елена выучила три буквы, и это она сделала по собственному желанию, никто ее не приглашал учиться», –* написала как-то невестка в одном из сво-

их писем. Это, естественно, вызвало гордость бабушки. Со своей стороны императрица постоянно давала великой княгине-матери рекомендации относительно воспитания внушек.

Когда Елене было всего шесть лет, Екатерина II, сравнивая девочку с сестрами, отдавала предпочтение именно ей. Красота Елены была уже заметна: правильные черты лица, стройная, легкая фигурка, одним словом, как говорили, воплощенная грация. Да и характером она отличалась от своих сестер – живая, бойкая, с веселым нравом и добрым сердцем, хотя, по словам бабушки-императрицы, чрезвычайно ветреная. Уже с ранних лет у нее наблюдались особые способности к рисованию и танцам.

Умерла императрица Екатерина II незадолго до того дня, когда Елене исполнилось двенадцать лет. Отныне главную роль в судьбе своих детей стал играть отец, император Павел. Он хотел побыстрее выдать своих старших дочерей замуж. Сыновья, Александр и Константин, были уже женаты. Екатерина II сама выбрала для них невест. (Кстати, ни тот ни другой не обрели счастья в семейной жизни.) Занималась императрица и замужеством своей старшей внучки Александры, о чем было рассказано выше. Теперь же, когда властная государыня ушла из жизни, родители сами решили найти супруга для великой княжны Елены.

Вновь, как и восемь десятилетий назад, взоры русских правителей обратились в сторону герцогства Мекленбургского. Родственные связи с правящим Домом Мекленбург-Шверин, как известно, начались с замужества племянницы Петра I, царевны Екатерины Иоанновны. Теперь же руки русской великой княжны попросил наследный принц герцогства Фридрих Людвиг, сын герцога Фридриха Франца I и гер-

цогини Луизы, урожденной принцессы Саксен-Рода-Готской.

Император Павел I с согласием медлить не стал. При этом опять же не обошлось без политического интереса. Выдавая дочь за мекленбургского кронпринца, российский государь рассчитывал на более тесные связи с Пруссией, дружбу с которой он ценил превыше всего. А у правителей Мекленбург-Шверина были хорошие отношения с прусской королевской семьей, да и в Европе с герцогством считались – в европейской политике оно всегда имело определенное влияние. Учитывая все это, российский император отказался от своего первоначального плана – выдать дочь за старшего принца Курляндского.

* * *

В ноябре 1798 года в Петербург одновременно прибыли сразу два жениха: эрцгерцог Иосиф Габсбург для старшей дочери, Александры, и наследный принц Фридрих Людвиг, соискатель руки Елены. Александра была обручена с эрцгерцогом уже в начале марта следующего года, помолвка ее младшей сестры была отложена на два месяца.

В первых числах мая царская семья переехала в Павловск, где торжественно отпраздновали обручение великой княжны Елены Павловны. Отныне она имела собственный двор, гофмейстером которого был назначен Адам Чарторыжский, бывший адъютант цесаревича Александра и его лучший друг. Князь Чарторыжский был человек интересный, высокообразованный, неспособный по своему характеру к любым придворным интригам. В отличие от остальных, он не допускал какого-либо заискивания, свойственного

царедворцам, всегда держался с достоинством. Для будущей кронпринцессы германского княжества иметь такого человека рядом было хорошей школой жизни.

Свадьбы царских дочерей намечались на осень. По решению императора-отца состояться они должны были в Гатчине. Затем и той, и другой великой княжне предстояло покинуть Россию.

Бракосочетание Елены с мекленбургским принцем состоялось 12 октября 1799 года, а девять дней спустя встала под венец ее сестра Александра. Графиня Головина написала потом в своих мемуарах следующие строки: *«Государю было угодно, чтобы последующие праздники состоялись со всем приличествующим им блеском и великолепием. Но Гатчинский дворец был для этого неудобен, слишком мал и не мог достойным образом вместить в своих стенах все петербургское общество. Так что те особы, которые по положению и по рангу должны были непременно присутствовать на церемониях, едва смогли разместиться в Гатчине. Отдельная постройка, куда приходилось идти смотреть домашние спектакли, крайне тесные квартиры первых чинов двора и лиц, принадлежащих к высшему петербургскому обществу, грязь и осеннее небо, покрытое тучами, – все это делало торжества крайне печальными для участников, обреченных ютиться в Гатчинском дворце...»*

Месяц спустя после свадьбы Александру, теперь уже эрцгерцогиню Австрийскую, провожали на родину ее супруга. Расставание было очень грустным, без слез не обошлось. Потускнела и жизнерадостность Елены, младшей сестры Александры. Она словно чувствовала, что свою Сашеньку больше никогда не увидит...

Зиму Павел I решил провести в своей любимой Гатчине. там с ним должна была находиться и семья. Но в начале декабря наступили сильные холода, в Гатчине и в Петербурге началась эпидемия гриппа. Весь двор им переболел, не пощадила болезнь и самого императора. Поэтому решение оставаться и дальше в Гатчине было отменено, двор переехал в столицу, а наследный принц Мекленбургский, покинув гостеприимный русский дом, вместе со своей юной супругой выехал в Германию.

Наследник герцогского престола прожил в России почти целый год. Он явился невольным свидетелем светской жизни и придворных интриг, испорченности нравов и коррупции высших должностных лиц, нездоровой атмосферы вокруг императора и внезапной перемены его настроений. Все это было чуждо молодому принцу, он вырос в другой обстановке. Наградой ему была красота и сердечность его юной избранницы, которую невозможно было не боготворить. Фридрих Людвиг был счастлив, когда смог наконец увезти ее в свой родной Мекленбург.

Из Петербурга выезжали в морозный зимний день. С приближением даты отъезда молодая супруга мекленбургского наследного принца все меньше скрывала свою грусть. Расставаться с родными местами, с родителями, сестрами и братьями было нелегко. К этому времени после рождения последнего сына, Михаила, здоровье матери-императрицы резко пошатнулось. Тоскливо было на душе у Елены. Но рядом был человек, которому она доверилась со всем пылом своего юного сердца и который отныне должен был стать ее опорой и поддержкой. Это несколько успокаивало. Однако что ожидает ее в новой стране, как она будет принята семьей своего мужа? Эти и многие другие вопросы занимали мысли юной великой кня-

гини, которая еще неокрепшим птенцом должна была покинуть родное гнездо. Но судьбе, определенной ей родительской волей, она обязана была подчиниться...

* * *

Из блестящего Петербурга пятнадцатилетняя дочь российского императора, хрупкая и нежная, как только что распутившийся цветок, переехала в Шверинский дворец, в то время довольно-таки скромное строение, которое и дворцом-то трудно было назвать. Чарующая юная красота и величественная осанка великой княгини вызвали восхищение мекленбургского двора. Сердечно встретили свою невестку и родители мужа. Отец, герцог Фридрих Франц, вступивший на престол в двадцать девять лет после смерти своего бездетного дяди, крепкий широкоплечий мужчина с выразительными глазами и доброй улыбкой, окружил русскую княгиню истинно отеческой заботой. Ее рассудительность и утонченная чувствительность явно пришлись ему по вкусу. Полюбила невестку и его жена, принцесса Луиза фон Саксен-Гота, мать четырех сыновей. Она отнеслась к ней как к родной дочери и была очень ласкова. В глубине души герцогиня всегда мечтала, чтобы у нее родилась дочь, но этому не суждено было сбыться.

Несмотря на нежность и теплоту, которыми юную княжну окружили в Мекленбурге, привыкнуть к новой обстановке ей было непросто. В частых молитвах, обращенных к Всевышнему, Елена старалась найти поддержку. Она привезла с собой Библию и много молитвенников, которые, как она полагала, помогут ей не чувствовать себя оторванной от русской церкви. Чтобы хотя бы в религии невестка не ощущала одино-

чества и имела кусочек родины на немецкой земле, герцог-свекор решил построить в Людвигслюсте, считавшемся в то время резиденцией правителей Мекленбург-Шверина, православную часовню. В этом расположенном к югу от Шверина маленьком немецком городке с населением всего лишь в четыре тысячи человек и поселилась молодая супружеская чета.

Людвигслюст с его белым дворцом и великолепным парком, украшенным многочисленными фонтанами и цветниками, понравился Елене значительно больше, чем Шверин. Дворец был построен двадцать пять лет назад еще при герцоге Фридрихе, мечтавшем о своем собственном Версале. Но поскольку денег на такую роскошь не хватало, герцог осуществил свою мечту весьма необычным путем. Почти все внутреннее убранство и декоративные элементы были сделаны из папье-маше и искусно расписаны художником, причем настолько мастерски, что все выглядело вполне правдоподобно. Именно в Людвигслюсте Елена Павловна чувствовала себя более уютно, может быть, он чем-то напоминал места счастливого детства, мысли о котором к ней часто возвращались.

Большую радость русской невестке мекленбургского герцога доставляли письма от родных и близких. О новостях в Петербурге великую княгиню Елену Павловну иногда информировала и бывшая камер-фрейлина ее покойной бабушки-императрицы графиня Анна Степановна Протасова. Внешне очень некрасивая, графиня не сумела выйти замуж и воспитывала дочерей своего рано овдовевшего брата, генерал-лейтенанта Петра Протасова. Находясь при дворе Екатерины II, она была близка с детьми ее сына, с особой благосклонностью относясь к Елене, и сейчас после замужества своей любимицы состояла с ней в переписке. Письма графини очень радовали великую княгиню,

и она охотно на них отвечала. Незадолго до того, как она должна была стать матерью, особенно нуждаясь в поддержке, Елена писала:

«Дорогая Анна Степановна!

Благодарю Вас тысячу и тысячу раз за письмо, которое Вы мне написали. Оно доставило мне очень большое удовольствие и еще раз доказывает, что Вы не забыли человека, любящего Вас всем сердцем. Мои сестры часто сообщают мне новости о Вас, а также и о Ваших племянницах. Прошу передать им мой поклон.

Я была очень огорчена, узнав о смерти Вашего племянника. Поверьте, что я проявляю интерес, очень живой и очень искренний, ко всему, что с Вами происходит, так же, как и мой супруг, который поручил мне напоминать о Вас.

Прощайте, моя дорогая Анна Степановна. Продолжайте, прошу Вас, писать мне и не забывайте обо мне.

Любящая Вас Елена».

(Письмо было написано на французском языке.)

Сразу по приезде в Мекленбург Елена Павловна начала заниматься благотворительностью: оказывала помощь нуждающимся, жертвовала из своих собственных средств большие суммы в кассы помощи бедным. Когда до нее доходили сведения о каком-либо семействе, оказавшемся в тяжелом положении (например, пострадавшем от пожара или потерявшем кормильца), она старалась сделать и свой взнос, чтобы по возможности хоть как-то облегчить судьбу этих людей.

В середине сентября 1800 года в Людвигслюсте за два месяца до своего шестнадцатилетия супруга наследного принца Мекленбург-Шверина родила сына, названного Пауль Фридрих – в честь импера-

тора и владетельного свекра. Ему будет суждено продолжить род своих предков, пятнадцать лет спустя получивших великогерцогский титул. Фридрих Франц был безгранично рад появлению в семье сына наследника, своей невесткой из России он искренне гордился.

После родов Елена достаточно быстро оправилась и стала еще красивее. А в конце января следующего года наследный принц Фридрих Людвиг и великая княгиня Елена Павловна выехали в Берлин. Прусская столица так понравилась Елене, что пребывание там несколько затянулось. Королева Луиза сразу подружилась со своей русской гостьей, не скрывал особой благосклонности к красавице принцессе и сам король, Фридрих Вильгельм III. Для молодой четы устраивались праздники, балы, всевозможные увеселения. Мекленбургский принц и его русская жена стали почти неотъемлемой частью берлинского двора. К ним все относились с искренней любовью. В прусской столице супруги оставались вплоть до дня рождения королевы Луизы, которое отмечалось 10 марта. На следующий день они выехали к себе в Людвигслюст.

Но тут, как гром среди ясного неба, из Петербурга пришла страшная весть: скончался отец великой княгини, император Павел I. В ночь на 11 марта он был злодейски убит заговорщиками, проникшими в его спальню. Как потом стало известно, противники императора потребовали, чтобы тот подписал бумагу о своем отречении. В ответ на отказ пьяные офицеры в ярости набросились на беззащитного государя и стали его избивать, затем кто-то задушил беднягу его же шарфом, висевшим над скромной походной кроватью. Короткое, тревожное царствование сына Екатерины II закончилось трагически. Всенародно же было объяв-

лено, что император скончался от апоплексического удара. Эта официальная версия была получена и в Мекленбурге.

Спустя две недели печаль усугубилась известием о смерти старшей сестры Елены – эрцгерцогини и палатины Венгерской Александры Павловны, ее дорогой Сашеньки. Для Елены это было большим горем. Особенно трудно его было пережить, находясь вдали от близких и от родного дома. Несколько облегчало состояние молодой женщины искреннее соболезнование ее новой семьи, от которой она видела только тепло и сердечность. Но горе есть горе...

* * *

В России, согласно фамильному акту о престолонаследии, императором был объявлен старший брат кронпринцессы Мекленбургской – Александр I, которому к тому времени уже исполнилось двадцать три года. Ему предстояло отныне править сорока миллионами российских граждан. Коронация была назначена на начало сентября 1801 года. По случаю этого торжественного события в Москву прибыла и великая княгиня Елена Павловна вместе со своим супругом. Некоторое время наследные принц и принцесса Мекленбургские оставались в Москве, чтобы присутствовать на торжественных церемониях и богослужениях, на приемах и балах. Такова была традиция на Руси – венчание на царство превращать в большой общий праздник.

Возвращаясь из Москвы, мекленбургская чета сделала остановку в полюбившемся Берлине. Король и королева встретили их сердечно, как старых друзей. Елена передала Фридриху Вильгельму III письмо сво-

его старшего брата, в котором император Александр I писал о желании встретиться с ним. Прусский король охотно согласился на это свидание, которое и состоялось в середине июня следующего года в Мемеле.

Трудно судить, произошло ли это только из политических соображений. Очевидным является лишь тот факт, что именно эта встреча явилась началом личной дружбы Александра I с прусской королевской четой и их взаимной симпатии друг к другу.

Спустя год организовавшая эту встречу сестра молодого русского императора после продолжительной болезни внезапно ушла из жизни. Все произошло так.

31 марта 1803 года Елена Павловна родила второго ребенка, дочь Марию, и после этих родов уже не оправилась. Судя по всему, две очень ранние беременности подорвали хрупкий организм юной женщины. Великая княгиня заболела чахоткой, которую в то время не умели лечить. В июле врачи объявили, что спасти молодую мать не удастся. А ведь именно летом планировалась поездка мекленбургских родственников Александра I в Петербург. Русский военный корабль уже стоял в порту Травемюнд, готовый принять на борт высоких гостей. Но свершиться этому не пришлось. Не было и возможности перевезти больную в Потсдам, о чем просила прусская королева, полагая, что смена воздуха и обстановки благотворно подействует на ее подругу. Трижды королева Луиза, озабоченная болезнью мекленбургской наследной принцессы, посылала в Людвигслюст для обследования больной своего английского врача, доктора Броуна, но получала от него лишь неутешительные сведения. В конце августа она решила лично приехать в Людвигслюст. Прибыла она в сопровождении супруга, короля Фридриха Вильгельма III. Встреча Елены со своей немецкой подругой была очень трогательной.

Как потом напишут, вряд ли женщины могли тогда предвидеть, что их дети двадцать лет спустя встанут перед алтарем, чтобы стать мужем и женой. Ни той ни другой матери не было суждено увидеть этот счастливый момент.

Великая княгиня Елена Павловна скончалась 24 сентября 1803 года. В последний день своей жизни она, ожидая писем из Петербурга, с утра несколько раз спрашивала, не пришла ли почта. Дождаться вестей с родины больная еще успела, попросив начать с письма матери. Другие письма ей положили рядом на подушку. Пульс молодой женщины становился все слабее и слабее, а к вечеру дыхание ее прервалось. Наследная герцогиня Мекленбургская ушла в иной мир.

Не прошло и семи лет, как за ней последовала и ее подруга, прусская королева Луиза, дочь великого герцога Мекленбург-Стрелица. В июне 1810 года она выехала из Берлина на свою мекленбургскую родину, чтобы навестить отца и близких. Там и случилось несчастье – 19 июля подруга русской великой княгини, мать будущей российской императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I, умерла от скоротечной чахотки. Ей было всего лишь тридцать четыре года.

Такова печальная судьба двух удивительных женщин...

* * *

Наследный принц Фридрих Людвиг очень тяжело переживал смерть жены, врачи даже стали опасаться за его здоровье. Мягкая душа герцога, болезненно воспринимающая разочарования и потери, была потрясена. Он остался вдовцом с двумя маленькими детьми.

Вся страна переживала горе в семье герцога. Уход Елены Павловны оплакивали все. Герцог Фридрих Франц I в память о полюбившейся ему невестке велел воздвигнуть в дворцовом парке Людвигслюста мавзолей на том месте, где он собрался построить для нее православную часовню. Мавзолей «Helenen Paulownen» стоит там до сих пор, туристы, посещающие этот северогерманский город, могут прочитать в путеводителях о безвременно ушедшей из жизни наследной принцессе, урожденной русской великой княгине, и увидеть место ее упокоения.

Много невзгод пришло в то время на мекленбургскую землю. Страна практически была завоевана наполеоновской армией. Герцогу Фридриху Францу I даже пришлось на несколько месяцев искать убежища за пределами своих владений. Шверинский замок был разграблен французами, многие ценности вывезли в Париж. Сын герцога, наследный принц Фридрих Людвиг, проведя несколько недель вместе с отцом и детьми в Гамбурге, выехал в Петербург, чтобы просить у своего шурина, российского императора, помощи в избавлении страны от иностранного господства. Александр I поддержал своих немецких родственников. В июне 1807 года после подписания Тильзитского мира герцогство было освобождено от французского засилья и герцог Фридрих Франц I, дед малолетних детей почившей русской великой княгини Елены Павловны, смог вернуться в свою страну. Однако окончательно с оккупацией мекленбургской земли было покончено лишь в 1813 году. После поражения Наполеона в России французские войска вынуждены были покинуть германские земли. В Шверин вошли русские казаки, преследовавшие остатки наполеоновской армии. Они были с восторгом встречены жителями города. К воинским соединениям, выступавшим

против Наполеона, примкнули многие добровольческие отряды из Мекленбурга.

В мае 1815 года Фридриху Францу I на Венском конгрессе был присвоен титул великого герцога. Мекленбургский Дом получил отныне королевское достоинство. Некоторые перемены произошли и в семье герцога. Остававшийся после смерти великой княгини Елены Павловны в течение семи лет вдовцом, наследник престола в 1810 году вступил в новый брак, на этот раз с дочерью герцога Саксен-Веймарского Карла Августа, принцессой Каролиной Луизой. В некотором роде Фридрих Людвиг вновь породнился с семьей Романовых, поскольку старший брат саксонской принцессы, наследный принц Карл Фридрих, был женат на дочери императора Павла I, великой княгине Марии Павловне, младшей сестре его первой жены.

Однако второй брак кронпринца Мекленбург-Шверина, в котором родилось двое сыновей, продлился всего лишь пять лет. В 1816 году принцесса Каролина Луиза скончалась, и Фридрих Людвиг вновь остался вдовцом.

Прошло два года, и у детей рано почившей великой княгини Елены Павловны появилась уже вторая мачеха, принцесса Августа из Дома Гессен-Гомбургского. Однако особого контакта с детьми своего супруга от первого брака она не имела и на их воспитание какого-либо влияния не оказывала. Зато сам наследный принц проявлял о них большую заботу, особенно о своем первенце.

Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, отец отправил его на учебу в Женеву. Спустя три года внук русского императора по желанию своей бабушки, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, приехал в Веймар, где та гостила у дочери Марии, вы-

данной замуж за наследного принца Саксен-Веймара. После смерти дочери Елены вдова императора Павла I не имела близкого контакта с зятем, а после его вторичной женитьбы прекратилась и переписка. О старшем внуке она узнавала лишь от третьих лиц, так что первая встреча сына великой княгини Елены Павловны со своими российскими родственниками состоялась в Веймаре.

Пауль Фридрих начал курс учебы в Иене, оставаясь вблизи семьи своей родной тети в течение нескольких месяцев. Затем было принято решение продолжить его образование в Боннском университете.

В 1819 году, не достигнув и сорока двух лет, наследный принц Фридрих Людвиг скончался. Отныне все свои надежды на преемственность власти великий герцог Фридрих Франц I возлагал на сына своей русской невестки, которого очень любил, баловал со всей отдачей стареющего сердца, часто делал подарки и пристально следил за его образованием. Паулю было девятнадцать лет, когда он был объявлен наследником престола.

Уже как наследный принц Мекленбург-Шверина, Пауль Фридрих весной 1821 года посетил родину своей матери. В течение трех месяцев он находился при дворе родного дяди, императора Александра I. Пребывание в Петербурге позволило сыну великой княгини Елены Павловны, покоившейся в мекленбургской земле, лично познакомиться с российскими родственниками и русскими обычаями. Многие гости из Германии были в новинку, многое просто непонятно — ведь он вырос в совершенно другой обстановке. Поражали роскошь и величие царского двора, широта и искренняя сердечность русского гостеприимства. Окружен вниманием он был и со стороны своей бабушки, императрицы Марии Федоровны. Она с гордостью по-

казывала внуку Павловск, много рассказывала о его деде, императоре Павле, о своих детях.

Расставание с русскими родственниками было сердечным и трогательным. Наследник мекленбургского престола не без сожаления покидал места, где родилась и выросла его мать, где он приобрел немало друзей.

В следующем году в Берлине состоялось бракосочетание Пауля с прусской принцессой Александриной, дочерью короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы, подруги его матери. В жены ему эту принцессу выбрал незабвенный отец незадолго до своей смерти. Брак оказался счастливым: все годы совместной жизни были проникнуты взаимной любовью и нежностью.

Установление родственной связи с прусским королевским Домом соответствовало политическим интересам Мекленбурга и личным убеждениям Фридриха Людвига, который был свидетелем расцвета Пруссии и считал, что именно ей будет определена ведущая роль в будущем союзе германских государств. Не скрывал своего удовлетворения и король Фридрих Вильгельм III – ведь его любимая дочь входила в старейший, всеми почитаемый владетельный Дом...

Первым совместным жильем молодоженов стал флигель дворца в Людвигслюсте, неподалеку от могилы матери Пауля Фридриха. Лишь несколько позже наследный принц с супругой переехал в Шверин. А 28 февраля 1823 года пушечные залпы возвестили о рождении сына.

Великий герцог был безгранично рад, что наследственность Дома Мекленбург-Шверин обеспечена уже двумя поколениями, хотя сам он, несмотря на свои шестьдесят шесть лет, был еще достаточно крепок и достойно управлял герцогством. Фридрих Франц I считал своим долгом лично следить за обучением и вос-

питанием правнука, оставив его при себе в Людвигслюсте. Помимо десятка различных воспитателей и нянек к мальчику был приставлен донской казак Андрей Щербинищев, «подарок» родственников из России. Возможно, у великого герцога было желание, чтобы ребенок с детства слышал слова, произносимые на родном языке его бабушки, дочери русского царя.

В 1835 году отмечалось пятидесятилетие со дня начала правления Фридриха Франца I. Во всей стране и особенно в Людвигслюсте торжественно праздновалось это событие. На празднества прибыли монархи со всей Европы. Присутствовал и император Николай I, занявший российский трон десять лет назад после неожиданного ухода из жизни своего старшего брата, Александра I. Он с большим уважением относился к мекленбургскому герцогу, свекру своей родной сестры Елены, которую едва помнил, так как в год ее смерти ему минуло лишь семь лет.

Два года спустя после юбилея своего правления великий герцог Фридрих Франц I скончался в любимом Людвигслюсте в возрасте восьмидесяти лет. На герцогский престол взошел его внук – сын великой княгини Елены Павловны. Александрина, родная сестра супруги российского императора, стала великой герцогиней Мекленбург-Шверина. Связь между двумя владетельными домами установилась самая тесная: встречи, взаимные визиты, переписка, согласование интересов...

* * *

Однако правление Пауля Фридриха продолжалось всего лишь пять лет. Своей резиденцией он сделал Шверин, который в те годы стал буквально процве-

тать. Строительство нового дворца, достойного владельца Дома Мекленбурга и лично внука русского царя и потомка последнего славянского князя в Западной Европе, было самым большим желанием великого герцога. В Шверин Пауль Фридрих перевел и весь свой двор, в течение последних семидесяти лет находившийся в Людвигслюсте. В исторических исследованиях немецких авторов о сыне великой княгини Елены Павловны можно прочитать следующие строки: *«Всего лишь короткий срок правил Пауль Фридрих, но именно эти годы являются для города Шверина особым периодом в его истории. То, что этот герцог сделал для города, а еще больше, что задумал и начал претворять в жизнь, но не смог завершить, имеет для развития Шверина вплоть до сегодняшнего дня огромное значение... Не преувеличивая, можно сказать, что без Пауля Фридриха город не мог бы успешно развиваться...»*

Великий герцог Пауль Фридрих умер 7 марта 1842 года в расцвете сил и творческих планов. Как и его отец, он прожил всего лишь сорок один год. Смерть наступила от скоротечного воспаления легких, полученного в результате сильной простуды в холодную январскую ночь во время пожара, охватившего один из новых домов неподалеку от арсенала. Как рассказывали потом очевидцы, герцога разбудили в два часа ночи, так как опасались, что пожар перекинется на здание арсенала и другие соседние дома. Он немедленно бросился к месту пожара – в обычной шинели, без головного убора при морозе в 19 градусов, при сильном пронзительном ветре. Впоследствии медицина оказалась бессильной: антибиотиков в то время еще не было.

Весь Мекленбург переживал безвременную кончину Пауля Фридриха. Согласно его желанию он был по-

гребен в часовне шверинского собора, которая с того времени стала местом захоронения членов владетельной герцогской семьи. Горько оплакивала смерть своего нежно любимого супруга великая герцогиня Александрина, оставшаяся вдовой. Трауром отметили уход из жизни племянника русского императора и в Петербурге.

Мекленбургский престол перешел к внуку великой княгини Елены Павловны Фридриху Францу. Ему тогда только что минуло девятнадцать лет. После окончания дрезденской гимназии он поступил в Боннский университет. Но лишь три семестра проучился наследник мекленбургского престола в этом знаменитом высшем учебном заведении, как срочной депешей мать вызвала его в Шверин. Отец находился при смерти, и надежды у врачей уже никакой не было. На перекладных Фридрих Франц с трудом добрался до дома и еще успел застать отца в живых. Но это были последние часы жизни великого герцога.

Красивый молодой человек с открытым дружелюбным лицом, высоким лбом и большими умными глазами – так описывают очевидцы Фридриха Франца – не помышлял о власти. Ведь его отец только недавно перешагнул сорокалетие, а беззаботная студенческая жизнь явно понравилась наследнику герцогского престола.

Но судьба решила иначе: не достигнув еще и двадцати лет, внук Елены Павловны стал главой государства.

В течение четырех десятилетий Фридрих Франц II занимал мекленбург-шверинский трон и, продолжая традицию своей семьи, поддерживал тесные родственные связи с Домом Романовых. Летом 1843 года он посетил Россию. Император Николай I прислал за ним в Визмар военный корабль, на нем молодой великий

герцог 14 июня отплыл и через четыре дня был уже в Кронштадте.

Почти месяц провел внучатый племянник русского царя у своих родственников, большую часть времени находясь в Царском Селе или в Петергофе. Ему был оказан самый сердечный прием. В честь высокого гостя из Мекленбурга устраивались парады и смотры, пикники и поездки по окрестностям столицы. Большое впечатление на великого герцога Фридриха Франца II произвели маневры в районе Царского Села. Император присвоил ему звание генерала и назначил командиром того же полка, шефом которого был его отец Пауль Фридрих. Память о нем и о великой княгине Елене Павловне бережно сохранялась в царской семье. Портреты и картины с видом Людвигслюста можно было увидеть во многих дворцах императорской четы.

Продолжились и родственные связи с Домом Романовых. Дочь внука Елены Павловны, герцогиня Мария, впоследствии вышла замуж за великого князя Владимира Александровича, правнука императора Павла I. Сын Фридрих Франц, наследник престола, женился на великой княгине Анастасии Михайловне, племяннице императора Александра II. Но об этом пойдет речь ниже.

Иначе сложилась судьба дочери великой княгини Елены Павловны, мекленбургской принцессы Марии. Она осталась без матери в пять месяцев, росла в окружении нянек и гувернанток. И хотя отец и дед постоянно заботились о девочке, внимательно следили за ее воспитанием и образованием, ей с малых лет не хватало материнской ласки. Соответственно формировался и характер принцессы.

В двадцать два года внучка русского царя была выдана замуж за герцога Саксен-Альтенбургского Георг-

га (с 1848 года великий герцог). Родила двух сыновей.

После смерти мужа в 1853 году Мария, вдовствующая великая герцогиня Саксен-Альтербургская, переехала в Мекленбург-Шверин и большую часть времени проживала в своем дворце. Она вела уединенный образ жизни, с сыновьями, оставшимися в Саксонии, общалась редко, с русскими родственниками контактов не имела.

Скончалась дочь русской великой княгини Елены Павловны, не дожив одного года до своего шестидесятилетия. В Шверине о ней почти не помнят. Принцесса-герцогиня осталась как бы за рамками жизни страны, где она родилась и выросла, – не в пример своему брату Паулю Фридриху и его потомству. Их память до сего времени свято хранят в Мекленбурге, который сейчас является частью Федеративной Республики Германии.

В России же о жизни и судьбе Елены Павловны, дочери императора Павла I, знают немногие. А ведь совсем юная княжна, покинув родной дом, чтобы выполнить свой долг, назначенный ей по рождению, оставила заметный «след» в истории взаимоотношений между Россией и Германией. К сожалению, судьба отвела ей всего лишь девятнадцать лет жизни.

Мария Павловна

Великая княжна, герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны.

Мария родилась 16 февраля 1786 года. Девочка воспитывалась в родительском доме вместе со своими сестрами и уже в раннем детстве отличалась от них резвостью и мальчишескими привычками. *«Она ничего не боится, мало плачет... Ей надо было родиться мальчиком, – писала о своей третьей внучке бабушка, императрица Екатерина II, барону Гримму. – Она настоящий драгун, все ее склонности и игры напоминают мальчика...»* «Гвардеец в юбке» – называли Марию домочадцы.

Удивляла всех и сила характера девочки: без крика и плача она перенесла прививку ветряной оспы, которая всех пугала. Но, к сожалению, привитая оспа несколько изуродовала ее лицо, сделало его черты более грубыми. Однако с годами девочка настолько похорошела, что ее стали считать «жемчужиной семьи». Милое лицо с выразительными темно-кариими глазами, прямая линия носа и высокая посадка головы на тонкой лебединой шее – во всем был виден истинный аристократизм.

Как и ее сестры, великая княжна Мария получила разностороннее образование. Большая заслуга в этом конечно же Шарлотты Карловны Ливен, которая сумела распознать у девочки особую склонность к знаниям, когда та была еще ребенком. Она рано научилась читать, нередко затевала не по возрасту умные беседы со старшими, которые постепенно привыкли к ее постоянному «почему».

По свидетельству современников, также у Марии была природная способность к музыке. В Зимнем дворце и в летних резиденциях царской семьи часто устраивались музыкальные и танцевальные вечера, в которых принимала участие маленькая пианистка. *«Вечером я отправляюсь на домашний концерт, – писала императрица-бабушка Гримму, – где князь Александр Павлович и граф Платон Зубов будут играть на скрипке, Елизавета (юная супруга старшего внука Екатерины), Александра и Елена будут петь, а аккомпанировать им на фортепьяно будет Мария, которая удивительно любит музыку: ей только девять лет, а она уже прошла с Сарти (известный итальянский композитор и дирижер, приглашенный императрицей в Россию) генерал-баса. Сарти говорит, что у нее замечательный музыкальный талант, а кроме того, она очень умна, имеются способности ко всему, и будет со временем преразумная девица. Она любит чтение и, как говорит генеральша Ливен, проводит за книгой целые часы... Притом она очень веселого, живого нрава и танцует, как ангел...»*

Ни для кого не было секретом, что Мария была любимицей императора Павла, занявшего престол после смерти Екатерины II. Когда дочери исполнилось четырнадцать лет, он всерьез задумался о ее замужестве.

Супругом для Марии Павел I избрал старшего сына владетельного герцога небольшого немецкого кня-

жества Саксен-Веймарского. Для ведения переговоров в Петербург из Веймара приехал посланник герцога Карла Августа, тайный советник барон Вильгельм фон Вальцоген. В России он пробыл несколько месяцев. Мария произвела на него хорошее впечатление. В своих воспоминаниях он пишет: *«Она имела сочувственное и нежное сердце, кротость и доброту совершенную, и когда говорила, то походила более на отца, но, к удивлению, вопреки этому сходству, была все-таки очаровательна».*

Взаимная симпатия членов романовского Дома и веймарского посланника способствовала успешному завершению брачных переговоров. О свадьбе уже говорили как о деле решенном. Великая княжна Мария обратилась к изучению истории Саксен-Веймарского владетельного княжества.

* * *

Герцогский род, с которым предстояло породниться Романовым, был одним из древних, но не самых значительных в Европе. Как самостоятельное государство сначала существовал Саксен-Эйзенах. Это герцогство образовалось в 1596 году, когда в результате длительных войн и крестьянских выступлений в период реформации церкви Германия практически распалась на отдельные графства и княжества. Тем самым историческая область Тюрингия перестала существовать как единая территория. Спустя пятьдесят лет герцогство было разделено на два – Саксен-Гота и Саксен-Веймар. Саксен-Эйзенах еще в течение двадцати лет оставался частью второго, пока не умер правивший в нем герцог Вильгельм. После его смерти один из сыновей получил в правление Эйзенах.

И только через семьдесят лет – в 1741 году – герцог Саксен-Веймарский Эрнст Август I унаследовал Саксен-Эйзенах и окончательно перенес свою резиденцию в Веймар. Его преемники владели уже обоими герцогствами, состоявшими в личной унии вплоть до 1809 года. Именно с этого года герцогство Саксен-Веймар-Эйзенах существовало как отдельное германское княжество со столицей Веймар. С 1815 года его уже называли великим герцогством.

Веймар, малопримечательный городок восточной Тюрингии, расположенный на живописном берегу реки Ильм, превратился с годами в духовный центр Германии. Этому в существенной мере способствовала рано овдовевшая супруга герцога Эрнста Августа, герцогиня Анна Амалия. Именно благодаря ей, женщине энергичной и блестяще образованной, Веймар с течением времени стал местом жительства многих поэтов, музыкантов, философов, художников и занял значительное положение в европейской культуре.

Своих двух сыновей, Карла Августа, будущего сверка великой княгини Марии Павловны, и Константина, герцогиня Амалия воспитывала в духе просвещенного века – идей Дидро, Вольтера, Руссо.

Для расширения кругозора своих повзрослевших сыновей и знакомства с жизнью и культурой других народов герцогиня отправила их в Швейцарию и Францию. (Такие поездки по другим странам входили в обязательную программу «царственного воспитания» тех лет.) По пути в Париж они, проезжая через немецкий город Франкфурт-на-Майне, познакомились с Иоганном Вольфгангом Гете, двадцатипятилетним писателем, автором только что опубликованного романа «Страдания молодого Вертера», пользовавшегося большой популярностью. Между молодыми людьми возникла большая дружба, которая имела по-

ложительные последствия для Веймарского герцогства (Гете по приглашению герцога Карла Августа поселился в Веймаре) и для будущей герцогини, урожденной русской великой княгини Марии Павловны.

Первая встреча будущих супругов состоялась летом 1803 года, когда место на троне злодейски убитого отца Марии занял ее старший брат Александр. Наследный принц Карл Фридрих, приехав в российскую столицу, сразу попал под обаяние личности юной великой княжны. Сила натуры, энергия и интеллект произвели на него большое впечатление. Сам же жених не обладал ни тем, ни другим, ни третьим. Обращали на себя внимание лишь его доброта и душевная щедрость, но ни широты мировоззрения, ни стойкого характера в нем не замечалось. Сказывалось, вероятно, то, что старший сын герцога Саксен-Веймарского вырос в семье сильных деятельных родителей и не стремился вырабатывать у себя целеустремленность и самостоятельность мышления.

Современники оставили о нем следующие строки: *«Карл Фридрих, всю жизнь носивший несерьезное прозвище «Кикерики», создал свою собственную «ауру незначительного поведения незначительного человека», сосредоточенного лишь на увеселениях, приятных анекдотах, шутках и галантности обхождения с прекрасным полом... Он эгоистично научился принимать паразитическую безмятежность собственной натуры, считать ее даже и неким благом, не утруждая себя и малым духовным трудом».*

Вот с таким человеком великой княжне Марии предстояло начать свою супружескую жизнь. Нетрудно догадаться о ее настроении, но воля свыше заставляла подчиниться.

Карл Фридрих пробыл в России почти год, став еще до свадьбы практически членом императорской

семьи. За это время будущие супруги могли хорошо узнать друг друга, лучше изучить характеры, вкусы и привычки.

Бракосочетание состоялось спустя год после первой встречи – 3 августа 1804 года в церкви Зимнего дворца. Через четыре недели Мария должна была покинуть родной дом. Медовый месяц молодые провели в тиши прекрасных парков Павловска в тесном семейном кругу.

Проводы были торжественными. На этот раз слезы не проливались. К тому, что ей придется покинуть Россию и переселиться из блистательной столицы в скромный городок, Мария была готова. Ведь старшие сестры тоже были выданы замуж за иностранных принцев и уехали из родительского дома.

* * *

7 октября молодожены отправились в путь. До Веймара им предстояло проделать тысячу семьсот километров. Но дорога их не страшила. Роскошная свадебная карета была отлично приспособлена для столь долгой поездки: внутри отделанная кожей, она имела удобные мягкие сиденья, специальное отделение под спальню и даже туалет. Внизу, под каретой, находился ящик-сундук для ценных вещей, документов и украшений. Ехали молодожены в сопровождении восьмидесяти повозок с вещами и прислугой – везли мебель, гобелены, посуду, вазы, картины, одним словом, все, что могло украсить быт царской дочери в скромном германском герцогстве. Приданое, полученное великой княжной, намного превышало годовой бюджет всего Веймара. Через много лет Гете, увидев драгоценности и сокровища, которые Мария

Павловна привезла с собой, записал в своем дневнике: *«Это зрелище из «Тысячи и одной ночи».*

9 ноября 1804 года дочь российского императора Павла I вместе со своим супругом, сыном герцога Саксен-Веймарского Карла Августа, въехала в Веймар. Приезд русской великой княжны в столицу герцогства отмечался с особой торжественностью. Маленький город в Тюрингии, население которого составляло всего лишь 8 тысяч человек, был празднично украшен. Жители ликовали. Как рассказывали очевидцы, *«въезд действительно стоило видеть. Все были на ногах: горная дорога, равно как и вся возвышенность, к которой примыкает Веймар, были заполнены толпами оживленных людей...».*

Всем было понятно, что брак с русской великой княжной имеет для небольшого герцогства огромное политическое значение. В то время угрозой для всей Европы был Наполеон со своей мощной армией. Сохранить независимость возможно было, пожалуй, лишь с помощью хороших связей с Россией. Не было секретом, что на тот момент Наполеон был заинтересован в поддержании мира с российским императором, с сестрой которого породнился веймарский владетельный Дом.

Спустя три дня после приезда великой княгини Марии Павловны в придворном театре сам Фридрих Шиллер – «романтическое сердце Германии», как его называли – выступил с приветствием, прочитав сочиненную им по этому случаю оду. Знаменитый немецкий поэт и драматург приехал в Веймар пять лет назад и создал здесь свои лучшие произведения.

Уютный городок на берегу Ильма стал для него второй родиной. Шиллер обрел там внимание со стороны не только великогерцогской семьи, но и жителей Веймара. К нему относились с большой любовью

и уважением. А он не только создавал свои произведения, но и преподавал в расположенном неподалеку Иенском университете, где в то время работало много известных ученых.

Молодожены размесились в Веймарском дворце, который по своему весьма скромному убранству не шел ни в какое сравнение с роскошными апартаментами дворцов Петербурга семьи Романовых. Учитывая вероисповедание Марии Павловны, согласно заключенному брачному контракту во дворце было отведено помещение для небольшой часовни. А спустя месяц после прибытия новобрачных в герцогском дворце имелась уже и домашняя церковь. 5 января Мария Павловна писала в Петербург своему духовному отцу, митрополиту Амбросию: *«Моя церковь полностью обустроена, и для меня большая радость обращаться в ней молитвы ко Всевышнему»*.

В собственность молодым свекор Марии, герцог Карл Август, передал небольшой дворец Бельведер, расположенный в пяти километрах от центра Веймара. Спустя шесть лет по инициативе Карла Фридриха неподалеку от этого дворца был разбит, так называемый, Русский сад, как напоминание о Павловске, в котором великая княгиня провела свои детские и юношеские годы. Своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, она написала: *«Я предпочитаю здесь, в маленьком саду, созданном наподобие Павловска, часто бывать»*.

Мария Павловна, еще в детстве отличаясь приверженностью к знаниям, прибыв в Германию, стала упорно заниматься своим дальнейшим образованием. Она начала даже брать уроки у профессоров Иенского университета. Находившийся неподалеку саксонский город Иена, как и Веймар, считался в то время центром умственной жизни Германии.

Русская невестка саксен-веймарского герцога постепенно сумела объединить вокруг себя весь цвет немецкого просветительства. Добрые отношения у Марии Павловны установились и с Гете, многие годы прожившим в Веймаре. Там он писал свои труды, проводил исследовательские работы и даже принимал участие в политической жизни страны в качестве государственного деятеля. Замечательный писатель консультировал герцогиню по вопросам искусства, знакомил с основами современной философии, поддерживал многие ее начинания.

Состоялось и близкое знакомство русской великой княгини с Шиллером (он скончался спустя год после ее приезда в Веймар). Поэт посвятил ей такие строки:

Деревце страны иной,
Пересаженное нами,
Вырастай, примись корнями
В этой почве, нам родной.

И Мария Павловна «принялась» в полном смысле этого слова в чуждой ей почве. Все годы своего пребывания в Германии, она творила добро для нового отечества, словно претворяя в жизнь слова Шиллера из пьесы-кантаты «Приветствие искусств», посвященной ей, молодой великой княгини из России:

Наше Отечество будет да там,
Где мы делаем счастье людское.

Чего она не знала, так это бездействия. По замыслу русской великой княгини было сделано много полезного для Веймара и его жителей. Всего не перечислишь. И все это делалось в основном на ее личные жертвования.

Однако к жизни в тихом Веймаре Мария Павловна привыкла не сразу. Она не раз и надолго уезжала в Россию. Но, войдя в герцогскую семью, великая княгиня постепенно прониклась ее интересами. Герцог Карл Август, вынужденный в 1806 году присоединиться к Рейнскому союзу – так стали называть объединение ряда государств Западной и Южной Германии под протекторатом наполеоновской Франции, – должен был решить очень трудную для себя и своей страны задачу: казна герцогства была пуста. Он полагал, что деньги его молодой невестки будут как нельзя кстати.

И действительно, русская великая княгиня щедро тратила свои средства, полученные ею в качестве приданого. Но спустя несколько лет после приезда в Германию у нее по этому поводу возникли размолвки с семьей.

Причиной было письмо из Веймара, адресованное вдовствующей императрице Марии Федоровне за подписью герцогини-дочери, в котором она просила выплатить ей вторую половину приданого, оставшуюся в России. И это вопреки тому, что оставление половины капитала в России было непременным условием брачного контракта, установленного отцом-императором для всех дочерей. Эти деньги в случае их смерти должны были полностью пойти на обеспечение оставшихся детей. Мария конечно же знала об этом, но пошла на этот шаг в связи с трудностями, испытываемыми ее новым отечеством под гнетом непосильной контрибуции, которую Веймар должен был выплачивать Наполеону.

Императрица Мария Федоровна была возмущена бесцеремонностью этой просьбы, посчитав, что дочь, написав такое письмо, пошла на поводу у властного и честолюбивого свекра – великого герцога Карла Ав-

густа. Сыну-императору, находившемуся в то время в Пруссии, она сообщила об этом, написав следующее: *«Приданным великой княгини хотят пополнить казну Веймара, который в настоящее время – враг России, и деньги эти, употребленные в уплату наложенной Наполеоном контрибуции, пойдут на издержки войны, которую он ведет против нас!»* Мать уговорила Александра I написать в ответ вежливое письмо в Веймар, в котором очень дипломатично прозвучал бы отказ на просьбу герцогского двора. Александр I так и поступил. Денег из России Веймар не получил...

Для гордой и своенравной Марии это, конечно, было большим разочарованием. У нее по этому поводу даже возникли размолвки с семьей, результатом которых в родственных связях в течение некоторого времени ощущалась прохлада. А эти связи для вылетевшей из родного гнезда царской дочери всегда были дороже всех сокровищ, но она продолжала делать все возможное, чтобы веймарцам жилось легче. Денег, привезенных ею в Веймар, хватило на то, чтобы – как потом говорили – *«каждый житель города имел на столе белый хлеб и кофе, яблочный пирог и тушеное рагу с овощами и с легкостью рассуждал о литературе и искусстве за обедом или ужином».*

Тем не менее с Петербургом Мария Павловна продолжала поддерживать тесную связь, писала письма близким и немногим знакомым, таланты которых ценила особенно высоко, отправляла книги немецких авторов, посылала лекарства из дворцовой аптеки. Примечательно, что до наших дней сохранилась «Книга кредита» этой аптеки. В ней имеются записи отправки лекарств в Петербург. Одна из них, от 29 марта 1810 года, вписана от руки со ссылкой на заказ ее императорского высочества наследной принцессы.

В связи с продвижением французской армии, отступавшей из России, Мария Павловна переехала в Шлезвиг и вынуждена была оставаться там почти целый год. В апреле 1813 года, чтобы не оказаться в плену наполеоновских отрядов, ей вновь пришлось спешно покинуть город. На этот раз она отправилась в Австрию под защиту находившейся там русской армии. В 1814–1815 годах вместе со своим свекром Карлом Августом и братом, императором Александром I, великая княгиня участвовала в Венском конгрессе, на который для устройства всех дел собрались главы европейских княжеств и видные государственные деятели.

По решению Венского конгресса Веймарское герцогство после наполеоновских войн не только осталось целым, но и получило «на бедность» приращение к территории и было «повышено в чине» – стало именоваться великим. По оценке современников, *«тут явно чувствуется рука «большого» петербургского родственника, который простил «маленькому» веймарскому родственнику его службу, пусть и вынужденную, у Наполеона и то, что крошечное воинство герцога сражалось против России»*. Учитывая желание российского императора упрочить позиции нового отечества сестры Марии, решением Венского конгресса Веймар после поражения Франции получил еще и контрибуцию (800 тысяч талеров). Эти деньги великий герцог Карл Август должен был употребить на нужды своей разоренной страны.

Находилась в Вене и младшая сестра Марии Екатерина Павловна, герцогиня Ольденбургская. По приглашению эрцгерцога Иосифа, палатина Венгерского, император Александр I и обе великие княгини из ав-

стрийской столицы съездили в Офен, где когда-то проживала их старшая сестра, великая княгиня Александра Павловна, трагически окончившая там свои дни. Посетив ее могилу в Иреме, они присутствовали на богослужении в православной церкви.

В 1816 году русская великая княгиня вернулась в Веймар и вновь активно включилась в дела и проблемы своей новой родины. Ее кипучая энергия не имела границ. Не зная усталости, она с шести часов утра уже была на ногах, из своего дворцового кабинета отдавая распоряжения порой от имени самого герцога. По ее личной инициативе в герцогстве создавались школы для детей из бедных семей, открывались различные ремесленные училища: для девочек, где они могли освоить «женские» профессии вышивальщиц и прядильщиц, и для мальчиков, где те получали технические знания. Мария Павловна не только вкладывала во все это свои средства, но и поощряла к благотворительной деятельности других.

В городе при ее поддержке реставрировались или заново устанавливались фонтаны и каменные колонки для воды. (На одной из них до сих пор сохранилась монограмма «МП», то есть Мария Павловна, и над ней царская корона.) С именем великой княгини связано создание как социальной помощи городу, так и городской сберкассы. Это финансовое учреждение помогло обедневшим веймарцам после смуты наполеоновских войн поднять уровень жизни. Сберкасса была открыта 16 февраля 1821 года, в день рождения Марии Павловны. Не без ее поддержки был открыт и знаменитый на всю Европу институт Фалька с приютом для беспризорных детей на 200 мест.

Вольфганг Гете считал русскую великую княгиню одной из самых выдающихся женщин своего времени. В его дневнике имеется такая запись: «*В 12 часов*

была Ее Императорское Высочество. Очень доволен преуспеванием всех основанных ею учреждений, на которые, без сомнения, идут большие суммы. Приходится все больше и больше удивляться этой замечательной женщине, постоянно стремящейся вводить полезное...»

После смерти своего почитателя и друга, последовавшей в 1832 году, Мария Павловна приложила немало усилий для создания в Веймаре музея Гёте и Шиллера, прославивших город своей деятельностью. Он и сейчас является одной из самых значимых достопримечательностей Германии.

В 1828 году после смерти великого герцога Карла Августа престол перешел к его сыну Карлу Фридриху. Отныне дочь российского императора, великая герцогиня Саксен-Веймарская и Эйзенахская, полностью взяла на себя все заботы по покровительству учреждениям науки и культуры. Немалые российские деньги, которые выделялись из императорской казны на содержание Марии Павловны как русской великой княгини, стали в еще большем количестве тратиться на поддержание различных научных и художественных проектов. Поскольку правительственные средства были явно недостаточными для этого, то культурное процветание герцогства основывалось, можно сказать, на российских рублях. А *«золотой русский дождь, лившийся на Веймар, – по свидетельству современников, – стал практически бесперывным»*.

Бельведер – загородная резиденция великой герцогини Марии Павловны – становится культурным центром юга Германии. Там она создала уникальную библиотеку, известную и в наши дни. В 1831 году при библиотеке был открыт читальный зал, в который могли приходить простые граждане, чтобы получить там информацию о местных и международных собы-

тиях. По настоянию Марии Павловны театральные представления и музыкальные спектакли в летнем театре дворца, а также гулянья в герцогском саду, где можно было увидеть и новую садовую затею – Русский сад, стали доступны широкой публике.

При дворе великая герцогиня устраивала популярные лекции, лично выбирая тему чтения, организовывала концерты, выставки и даже музыкальные конкурсы. Людям науки и культуры она постоянно оказывала покровительство, а чтобы поддержать начинающих поэтов и художников, учредила поощрительные пенсии. Во дворце Мария Павловна нередко проводила вечера-встречи с талантливыми людьми. На этих вечерах шли интересные разговоры, разгорались споры, и она лично принимала в них участие, покая живостью ума и любезностью обхождения. Даже самые чопорные придворные вельможи вынуждены были признать, что во дворце стало *«легче дышать»*.

Карл Фридрих нередко передоверял своей энергичной супруге решение тех или иных государственных проблем. Способная в делах финансового управления, она не только частенько вела переговоры от имени великого герцога, но и старалась сохранить традицию Веймара как *«немецкого литературного Олимпа»*.

* * *

Но, несмотря на весь жар от своей бурной деятельности, Мария Павловна часто «замерзала» от холода одиночества. Женское счастье проходило мимо нее. Супруг, назначенный великой княгине родителями, не давал той нежности, которую заслужила ее тонкая

натура. Марии Павловне, как и другим птенцам из царского гнезда, не было позволено выбрать себе мужа по собственному усмотрению. А ведь женщина счастлива, когда любит и любима...

С первых же месяцев брака дочь российского императора ощутила огромную духовную пропасть между собой и супругом-герцогом. Перешагнуть, преодолеть ее хоть как-то Карл Фридрих, не отличавшийся широтой ума, не решался, да и, по всей видимости, не желал. Зачем утруждать себя лишними эмоциями и напрягать душу? Паразитическую безмятежность собственной природы он считал даже неким благом. Русская жена, энергичная, отдающая всю себя своему новому отечеству, его вполне устраивала. Для всех это было очевидно, никаких толков по данному поводу не возникало.

А Мария Павловна свое душевное одиночество пыталась восполнить заботами о других людях. Ее, герцогиню Саксен-Веймарскую и Эйзенахскую, уважали беспредельно. Но уважение — это для женщины еще не все.

Русская великая княгиня, как человек, в силу своего воспитания была сдержанна и закрыта для собственных чувств и эмоций, стараясь не выходить за рамки понятий чести и долга. При дворе это порой приписывали ее аристократической холодности. И лишь немногие догадывались, как угнетают Марию Павловну неспешность жизни в маленьком Веймаре, напускная строгость придворных протоколов и дворцового этикета. Но главное, что омрачало сердце вылетевшей из родного романовского гнезда царской дочери, — это сознание того, что в новом своем семействе она так и не обрела полного понимания. Свекор и муж часто не проявляли ни малейшего желания понять ее искривленные порывы. А со временем в общении

стала мешать и все усиливающаяся с годами глухота Марии Павловны – следствие детской простуды. И хотя она мужественно преодолевала свой недуг, неприятностей он доставлял ей немало. Не обходилось, по всей вероятности, и без слез, проливаемых в тиши ночей.

В чем же секрет долголетнего тридцатипятилетнего брачного союза немецкого герцога и русской княгини? Этот вопрос задавали многие. Ответ чаще всего был один – в великодушии сердца великой герцогини. В одном из «Воспоминаний о жизни Марии Павловны» есть такие слова: *«Она долго прожила с мужем, который был добрым человеком, хотя необыкновенно прост умом. Она же была столь же умна, сколько добра...»*

В браке Мария Павловна родила троих детей: дочерей Марию Елизавету в 1808 году, Августу в 1811 году и семью годами позже долгожданного сына, Карла Александра. В детях она пыталась искать отдохновение, уделяя большое внимание их воспитанию и образованию. Будучи сама воспитанной под строгим оком графини Ливен, была к ним крайне требовательна и ставила перед их домашними наставниками, среди которых был сам Гете, весьма высокие задачи. В Германии Мария Павловна не переставала любить русский язык и русскую поэзию. Она воспитала своего сына так, что про него в Веймаре говорили: *«Не знаем, где в нем кончается немец, а где начинается русский».*

В 1853 году Мария Павловна овдовела. Великий герцог Карл Фридрих скончался после непродолжительной болезни в ночь на 8 июля в возрасте семидесяти лет. Похоронили его в великогерцогской гробнице веймарского мавзолея. Началось новое правление – на престол вступили молодой великий герцог Карл

Александр и великая герцогиня София, урожденная принцесса Нидерландская. Мария Павловна стала отныне вдовствующей великой герцогиней.

Год спустя торжественно отмечалось пятидесятилетие ее пребывания в Веймаре. Все сословия объединились в этот день для выражения своей признательности русской великой княгине. Она выполнила напутствия великого Шиллера, когда-то сказавшего ей в своем приветствии: *«Наше отечество там, где мы делаем людей счастливыми»*. По случаю этого события в Веймаре была выпущена юбилейная медаль – MARIA PAWLOWNA GROSSHERZ V. SACHSEN GROSSF. V. RUSSLAND.

После смерти супруга русская великая княгиня прожила в Германии еще шесть лет. В последние годы жизни она посетила и свою родину, побывала в Москве и Петербурге. Но ближе всего сердцу Марии Павловны был любимый ею Павловск. Постаревшая, седая, но все еще величественная, ходила она по его аллеям, вспоминая свое счастливое детство и молодость. Близких уже оставалось немного, вокруг было другое поколение, окружавшее «дорогую тетушку – бабушку» всяческим почетом и уважением. На ум немецкой герцогини снова и снова приходили слова из письма, написанного ею еще в 1848 году Василию Жуковскому, которого она особенно чтила за образованность и талант: *«Кого из нас в зрелых летах не покидают мечты молодости? Но все же с истинным удовольствием встречаю чувства, сообразные с моими в воспоминании прошлых лет, в памяти любезных моему сердцу близких...»*

Мария Павловна внезапно умерла от сердечного приступа днем 23 июня 1859 года. Ее внучка Мария, дочь Карла Александра, которая родилась в 1849 году, вспоминала: *«Узнав о случившемся, мы с отцом*

немедленно поехали в Бельведер, где скончалась великая княгиня... Войдя в опочивальню, мы нашли ее лежащей на постели с выражением удивительного спокойствия... Стали искать образ, чтобы вложить его в руки покойной, но его нигде не оказалось: она не дозволяла вешать образов у себя, не желая давать повод неуместным толкам в протестантской земле».

Погребение великой герцогини Саксен-Веймарской и Эйзенахской Марии Павловны, урожденной Романовой, состоялось 27 июня в великогерцогской усыпальнице на протестантском кладбище. Толпа, провожавшая ее к месту последнего упокоения, растянулась на несколько километров. Дорога была усыпана цветами и лепестками роз. Люди не скрывали горя от утраты своей благодетельницы. Город погрузился в глубочайший траур.

После смерти супруга великая княгиня высказала желание быть похороненной рядом с ним в том же мавзолее, но в русской земле. Воля ее была выполнена. Земля действительно была привезена в Веймар из России, и на ней торжественно установили под звон колоколов со всех городских церквей саркофаг с телом усопшей.

* * *

Память о великой герцогине Марии Павловне сохраняется в Веймаре и по сей день. С ее именем связаны многие достопримечательности этого небольшого саксонского города, ставшего не без содействия герцогини центром культурной жизни Германии. В репрезентативном отеле «Русский двор», где в свое время останавливались писатели, художники и музыканты, посещавшие Веймар, стоит бюст русской великой

княгини. Гордо посаженная голова, грустное одухотворенное лицо с аристократически безупречной линией носа невольно привлекают внимание гостей. В этом отеле проживал когда-то знаменитый пианист Ференц Лист, которого Мария Павловна приглашала с концертами в Веймар. За выступления великого маэстро она платила из своих личных средств.

А во дворце Бельведер, летней резиденции Марии Павловны, теперь музей. В его восточном флигеле размещены экспонаты, связанные с пребыванием русской великой княгини на немецкой земле. Там можно увидеть портрет девятилетней Марии, написанный неизвестным художником, и портрет ее бабушки – императрицы Екатерины II. Между портретами стеклянная витрина с русским фарфором, расписанным видами Павловска и Петербурга. Мария Павловна хранила сервиз и вазы как память о родных местах.

В дворцовом парке находится и знаменитый Русский сад, где сохранились деревья, посаженные по выбору великой княгини. Среди них и несколько экзотических деревьев, привезенных по ее заказу из Японии. В память о ней они получили название «*Paulownia tomentosa*». Сохранилась и свадебная карета, в которой Мария Павловна прибыла из Петербурга в Веймар.

Много написано об этой дочери русского императора Павла I и в немецкой литературе. В Германии, где ей довелось прожить пятьдесят пять лет, она оставила по себе поистине великую память.

После Марии Павловны осталось трое детей. Дочери связали свою судьбу с прусским владетельным Домом. Старшая, Мария, в девятнадцать лет стала женой принца Карла Прусского, младшего брата российской императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. В семье, проживавшей в Берлине, роди-

лось двое детей. Там Мария и скончалась, не дожив одного года до своего семидесятилетия.

Младшая, Августа, в восемнадцать лет была обвенчана со старшим братом Александры Федоровны, будущим германским императором Вильгельмом I. Последний кайзер Германии, Вильгельм II, был ее внуком. Так что волей судеб великая герцогиня Мария Павловна являлась прабабкой германского императора Вильгельма II, воевавшего против России во время Первой мировой войны. Августа скончалась в возрасте семидесяти девяти лет и похоронена в Потсдаме.

Сын Карл Александр, занявший великогерцогский престол после смерти отца, был женат на принцессе Софии, дочери младшей сестры своей матери, великой княгини Анны Павловны, ставшей королевой Нидерландов. Всю свою жизнь он поддерживал дружбу с романовским семейством, неоднократно посещал Петербург. *«Он очень дорожит связями с нашим семейством, – написал о сыне Марии Павловны великий князь Константин Константинович Романов в своем «Дневнике», – и считает себя полурусским, от своей матери он знает многое о жизни Екатерины, Павла и Александра, с 40-го года не раз бывал в России и внимательно следит за всем, что делается у нас»* (запись от 9 марта 1893 года).

В 1896 году Карл Александр присутствовал на коронации Николая II в Москве. За десять лет до этого великим герцогом был основан в Веймаре музей Гете, которого он, как когда-то и Мария Павловна, глубоко чтит. В день своего восьмидесятилетия Карл Александр получил в подарок книгу «Гете и Мария Павловна», в которой рассказывалось об отношениях его русской матери и немецкого писателя, а также о ее слугах в деле возвышения Веймара. Там же приводи-

лись стихотворения Гете, посвященные его матери, и отзывы современников о благотельнице маленького саксонского города, превратившегося в культурный центр Германии.

Карл Александр скончался в 1901 году в возрасте восьмидесяти трех лет в Веймаре, там он и похоронен рядом со своими родителями – русской великой княгиней и немецким великим герцогом.

Много полезного сделала Мария Павловна для своей новой родины. Уважение жителей города к ней было безграничным. Но достаточно ли этого было для личного счастья?

Екатерина Павловна

Великая княжна, королева Вюртембергская, дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны.

Екатерина родилась 10 мая 1788 года в Царском Селе. Она была четвертой дочерью в семье великого князя Павла Петровича. Роды были настолько тяжелыми, что жизнь матери буквально висела на волоске. Императрица Екатерина II семь часов подряд не отходила от постели невестки. Своими решительными и полезными распоряжениями она помогала растерявшимся врачам делать все необходимое, чтобы спасти и мать, и ребенка.

О рождении великой княжны Петербург узнал при помощи оружейных залпов с Петропавловской крепости. На следующий день императрица в письме к светлейшему князю Григорию Потемкину сообщила: *«Вчерашний день великая княгиня родила дочь, которой дано мое имя, следовательно она Екатерина».*

Бабушка-императрица ждала внука, а не внучку, поэтому появление на свет очередной девочки было встречено ею без особой радости. Однако против обыкновения государыня приняла самое деятельное участие в крестинах внучки. В церковь великую княжну

внесла на руках статс-дама императрицы, княгиня Екатерина Дашкова, возглавлявшая тогда Академию наук.

Под наблюдением бабушки началось и воспитание великой княжны, которым руководила все та же графиня Ливен. Екатерина с детства обращала на себя внимание веселым нравом, острым умом и любознательностью. Девочка любила читать, серьезно относилась к изучению иностранных языков, проявляла глубокий интерес к истории и географии, увлекалась рисованием. Довольно-таки рано великая княжна усвоила основы математики и политической экономии. Знала она и латынь. То есть уже в юности Екатерина выделялась среди других детей царской семьи интеллектом и общей эрудицией, была незаурядной рассказчицей, прекрасно владела русским языком. Да и характером она отличалась от своих сестер.

После смерти бабушки-императрицы восьмилетняя Екатерина перешла под строгий контроль матери. Но уже в юные годы дочь проявляла самостоятельность суждений, открыто высказывала собственное мнение, умела настоять на своем. И склад ума у этой девочки был скорее мужской: резкий, критический. Как отмечали в дипломатических кругах, *«в ней нет нисколько женской пустоты, религиозной сентиментальности, она обладает особенною силой мышления»*. А один из послов, убедившись в большом влиянии великой княжны Екатерины на всю императорскую семью, доносил своему правительству, что это *«принцесса, обладающая умом и образованием, сочетаемым с весьма решительным характером»*. Да и в поступках юной Екатерине совершенно несвойственна была робость. *«Смелость и совершенство, с которыми она ездит верхом, способны возбудить зависть даже в мужчинах»*, — говорили при дворе.

Пришло время для поисков жениха и для этой дочери императора Павла. Вопрос о браке великой княжны в царской семье обсуждался еще в 1801 году. Полагали, что лучше всего ей выйти замуж за принца Евгения Вюртембергского, племянника императрицы Марии Федоровны. Но девочке было тогда всего тринадцать лет, и с замужеством решили повременить.

Шло время. После злодейской расправы с отцом Екатерины на престол взошел ее брат Александр. Вдовствующая императрица большую часть времени вместе с детьми жила в Павловске. Екатерина с годами превратилась в очаровательную девушку с густыми темно-каштановыми волосами и выразительными добрыми темно-голубыми глазами, которые словно свидетельствовали о ее большом интеллекте. Великую княжну называли не иначе, как «красой царского дома», хотя она, казалось, была погружена лишь в науки и в свое любимое рисование.

После внезапных смертей двух старших дочерей, выданных замуж совсем юными и скончавшимися после родов вдали от родины, императрица-мать не спешила с браком Екатерины. Когда третья дочь, Мария, вышла замуж за наследного принца Саксен-Веймарского и покинула родной дом, великая княжна Екатерина, которой к тому времени исполнилось шестнадцать лет, стала главной поддержкой для матери. Вдовствующая императрица Мария Федоровна сосредоточилась на мысли оставить дочь рядом, в своем отечестве. *«Сейчас радость и спокойствие моей жизни зависят от присутствия Като (так она называла свою дочь). Она мое дитя, мой друг, моя подруга, прелесть моих дней».* Так она писала в письме сыну-императору.

Но вдруг молодая девушка обратила свой взор на сорокалетнего шефа лейб-гвардии егерского полка, он руководил охраной царской семьи в Павловске. Офицер был не кто иной, как князь Петр Иванович Багратион, будущий герой-полководец, женатый человек. (Жена его – красавица графиня Екатерина Скавронская – в 1805 году уехала в Европу под предлогом лечения и с мужем не жила.) Последнее не охладило увлечение великой княжны мужественным и образованным генералом. Ей нравились прогулки по аллеям парка, долгие беседы, рассказы о боях и сражениях.

Тогда Мария Федоровна, желая обезопасить императорское семейство от нежелательных пересудов, активно включилась в поиски жениха для дочери.

Благодаря своему происхождению, блестящему воспитанию, высоким духовным качествам великая княжна Екатерина, как полагали, была в то время очень желанной невестой. Однако с двумя первыми кандидатами в женихи, выбранными Марией Федоровной, – это были принц Баварский и принц Вюртембергский – дело до свадьбы не дошло.хлопот с замужеством Екатерины, умной и честолюбивой девушки, любимицы брата-императора, у матери оказалось немало. *«Я хочу, чтобы моя дочь была счастлива, надо только, чтобы ее супруг имел сердечные качества»*, – говорила она своему старшему сыну.

Внезапно у вдовствующей императрицы возникла идея выдать дочь замуж за австрийского императора Франца, супруга которого скончалась несколько недель назад. (Это была Мария Терезия Бурбон-Неаполитанская, которая интриговала против русской великой княгини Александры, супруги эрцгерцога Иосифа, брата мужа.) Блеск короны австрийской империи ослепил Екатерину – ей очень хотелось стать

подобной своей великой бабушке, имя которой она носила. Великая княжна готова была идти на любые жертвы, лишь бы оказаться на троне. Ее не смущало даже католическое вероисповедание императора Франца. Честолюбие и тщеславие брали верх.

Императрица Мария Федоровна поручила решить брачный вопрос князю Александру Борисовичу Куракину, с которым имела доверительные отношения. В 1807 году он был назначен чрезвычайным и полномочным послом и должен был отправиться в Вену. По пути из Петербурга в Австрию князь пробыл несколько дней в Тильзите, где находился в то время Александр I. Обсудив с ним вопрос о браке его сестры с австрийским императором, Куракин отправил Марии Федоровне письмо следующего содержания:

«Государь думает, что личность императора Франца не может понравиться и быть под пару великой княжне Екатерине. Государь описывает его как дурного, плешивого, тщедушного и безвольного человека, лишенного всякой энергии духа и расслабленного телом и умом от всех несчастий, которые он испытал, трусливого в такой степени, что он боится ездить верхом в галоп и приказывает вести свою лошадь на поводу... Я воскликнул, что это вовсе непохоже на качества великой княжны: она обладает умом и духом, соответствующими ее роду, имеет силу воли... Государь утверждает, что Ее Высочество сестра и Россия ничего не выиграют от этого брака... хотя, как сообщил он далее, осударь так любит свою сестру, так почитает материнские права Вашего Величества, какие бы ни были его собственные мнения, он, конечно, не станет противиться желанию Вашёму и великой княжны».

Получив это донесение своего поверенного, Мария Федоровна, не медля, написала сыну-императору:

«...Вы знаете, что счастье, радость и спокойствие моей жизни зависят от присутствия Като. Она мое дитя, мой друг, моя подруга, отрада моих дней: мое личное счастье рушится, если она уйдет от меня, но так как она думает, что найдет счастье свое в этом браке, и так как я надеюсь тоже на это, я забываю себя и думаю только о Като».

Екатерина, решив отстаивать свой выбор (правда, пока только свой, так как о выборе самого австрийского императора известно не было), написала брату:

«Вы говорите, что ему сорок лет, – беда невелика. Вы говорите, что это жалкий муж для меня, – согласна. Но мне кажется, что царствующие особы, по моему, делятся на две категории – на людей порядочных, но ограниченных; на умных, но отвратительных. Сделать выбор, кажется, нетрудно: первые, конечно, предпочтительнее... Я прекрасно понимаю, что найду в нем не Адониса, а просто порядочного человека; этого достаточно для семейного счастья».

Понимая, что сестра, мечтающая о блестящей судьбе, ослеплена возможностями, которые даст ее положение императрицы, Александр I написал в ответ, что при всем своем трезвом уме она не представляет, какова истинная жизнь при венском дворе. *«Никто в мире не уверит меня в том, что этот брак мог бы быть для Вас счастливым».*

Пока шла переписка, князь Куракин продолжал выполнять деликатное поручение императрицы-матери. Он прибыл в Вену и уже оттуда вскоре написал ей о своем личном мнении относительно императора Франца:

«Не я один, но я один из первых полагал, что император Франц, овдовев, представляет самую лучшую и самую блестящую партию для великой княжны Екатерины Павловны. Обаяние почестей, блеск пре-

стола одной из древних и могущественных держав в Европе поддерживали во мне это убеждение. Но, приехав сюда, приблизившись к императору Францу и увидев его, тщательно разузнав все, что касается его качеств, привычек, способа жизни с покойной императрицей и штатного содержания, ей ассигнованного, осмелюсь сказать откровенно Вашему Величеству, что это не есть партия, желательная для великой княжны».

После такого письма о браке Екатерины с императором Австрии разговоров больше не было. Миссия князя Куракина по поиску жениха в Вене не увенчалась успехом. А император Франц вскоре выбрал себе в супруги принцессу Марию Беатрису Моденскую, свою двоюродную сестру – католичку.

Между тем к сестре Александра I спустя несколько месяцев через своего министра Талейрана посватался Наполеон. Но тот счел, что французский император не сможет понравиться Екатерине и сделать ее счастливой. Отрицательную позицию в отношении этого брака заняла и мать-императрица. Она была слишком предана своей любимой германской отчизне, чтобы согласиться отдать дочь сорокалетнему «французскому выскочке», как она называла Наполеона. Сама Екатерина, узнав о сватовстве, заявила, что лучше она выйдет замуж за истопника Царского Села, чем за этого корсиканца.

* * *

Между тем великой княжне уже исполнилось девятнадцать лет, а она все еще жила в семье. Наконец с благословения матери Екатерина была обручена с принцем Петром Георгом Ольденбургским, предста-

вителем младшей линии гольштейн-готторпского Дома. Он был сыном родной сестры императрицы, Фредерики, рано ушедшей из жизни. Жениху было двадцать четыре года. Приехав в Россию, он стал ее подданным и находился на российской службе. В России его называли Георгием Петровичем. (Именно он станет родоначальником русской линии Дома Шлезвиг-Гольштейн-Ольденбург.)

Сама Екатерина была согласна с этим замужеством. Принц вызывал ее симпатии, и после первого же знакомства между молодыми людьми возникла сердечная близость.

Еще до свадьбы жених и невеста стали вместе появляться на официальных приемах, придворных балах, в общественных местах. Между будущими супругами замечалось полное взаимопонимание. Незадолго до венчания в Петербург из Веймара приехала сестра Екатерины, Мария Павловна, с мужем. Между этими сестрами была особая дружба, хотя по характеру они были совершенно разными.

Свадьбу пышно отпраздновали 18 апреля 1809 года. О знаменательном событии императрица-мать известила князя Багратиона, и он прислал молодым свои поздравления и свадебный подарок. Обворожительная Екатерина, сочетавшая в себе редкую красоту и тонкий ум, осталась его идиолом до конца дней. (Через три года великая княгиня узнает о героической смерти своего кумира. Во время войны с Наполеоном в битве под Бородином осколок ядра раздробил генералу берцовую кость левой ноги. От предложенной врачами ампутации ноги он отказался и умер от гангрены через семнадцать дней после ранения.)

Однако брак великой княжны Екатерины Павловны с герцогом Георгом Ольденбургским многих удивил. Низкорослый, далеко не блестящей наружностью

ти – чем мог он прельстить своенравную великую княжну? И действительно, герцог не обладал привлекательной внешностью, имел невысокий рост и, казалось, не мог быть достойной парой красавице княжне. Но, как отмечали современники, он был честным и добрым человеком, с открытой душой и большим интеллектом – высокообразован (закончил учебу в Лейпцигском университете), знал немецкую литературу, любил поэзию (и сам писал стихи). Для Екатерины общение с ним представляло огромный интерес. Да и происхождение герцога было почетным – ведь он, как и российский император, принадлежал к голштинскому Дому. Немалое значение имело и то, что в этом замужестве у великой княжны отпадала необходимость оставлять свою семью и Россию, так как герцог Георг жил на ее родине.

«...Брак этот неравный, – сообщалось в донесениях дипломатов, – но тем не менее благоразумный и достойный великой княгини, которая столь же благоразумна, как и любезна... Первое ее желание заключается в том, чтобы не оставлять своей семьи и милой ей России, ибо принц поселяется здесь и можно себе представить, какая блестящая судьба ожидает его».

Некоторое время после свадьбы молодожены жили в Павловске, в Константиновском дворце, затем переселились в Петербург, где в их распоряжение был предоставлен Аничков дворец (подарок брата-императора сестре по случаю ее бракосочетания с принцем Ольденбургским. Екатерина Павловна владела дворцом до 1816 года).

Вскоре принц Георг был назначен генерал-губернатором Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, на обширной территории которых проживало около двух миллионов человек. Через эти губернии

проходили главные речные системы страны и тракт Петербург – Ярославль. Супругу Екатерины Павловны было поручено управлять путями сообщения страны. Резиденцией губернатора стал город Тверь, расположенный на самом оживленном пути между Москвой и северной столицей.

Для губернаторской четы был перестроен дворец, заложенный в Твери еще при Екатерине II, при нем был разбит большой сад, спускавшийся к берегу Волги. Во дворце и поселились молодые супруги.

Человек долга и чести, принц Георг сразу же после назначения стал активно исполнять свои весьма не легкие обязанности. За короткий срок службы им было сделано для своих губерний немало. При нем появилось много новых дорог, были отремонтированы старые.

В работе мужа-губернатора активное участие принимала и великая княгиня Екатерина Павловна. Особое внимание она уделяла обустройству школ и больниц, созданию социальных учреждений, заботе о бедной части населения губерний.

Свободное от дел время супруги проводили за чтением, главным образом произведений немецких авторов, которых хорошо знал Георг. Екатерина со своей стороны помогала мужу усовершенствовать его русский язык, много занималась живописью, любителем которой был и ее муж. (Она брала уроки живописи у художника Егорова и иллюстрировала сборники стихов своего супруга.) Одним словом, брак был в полной гармонии.

Каждый человек, имеющий определенный ранг и положение, проезжая из одной столицы в другую, стремился засвидетельствовать свое почтение губернаторской чете. Так что в гостях недостатка не было. Визиты делали члены императорской семьи, высоко-

поставленные чиновники, ученые, художники, писатели и другие выдающиеся соотечественники.

Нередко навещал сестру в Твери и брат-император, который относился к Екатерине с большой любовью и доверием. Несмотря на значительную разницу в возрасте – он был старше сестры на одиннадцать лет, – Александр был очень дружен с ней. Сохранилась их обширная переписка. Из писем видно, что все годы и в любой ситуации сестра могла высказывать брату такие откровенные вещи, на которые в окружении государя никто не решался. Екатерина была ближайшим другом, советчиком и доверенным лицом императора. А он поверял ей свои сомнения, часто нуждаясь в поддержке. Со своим умом, ярко выраженным чувством патриотизма и в то же время с тонким женским чутьем она была ему часто просто необходима. Император обсуждал с ней семейные и государственные вопросы, советовался по вопросам внешней и внутренней политики, посвящая в такие планы, которые оставались тайной даже для его ближайшего окружения. Александр I высоко ценил академический ум и блестящие организаторские и дипломатические качества своей сестры.

Один из современников (граф Жозеф Мари де Мейра) свидетельствует: *«...Образ жизни великой княгини Екатерины Павловны в Твери был поистине поразителен. По вечерам дом ее похож на монастырь; известный литератор Карамзин читает там лекции из русской истории... и особы, которых она удостоивает своим приглашением, не имеют никакого другого развлечения... Принцесса сама учит мужа своему русскому языку и служит посредницей меж ним и простым народом... Доброта и обходительность великой княгини несравненны... Сия юная принцесса в большом фаворе у своего брата, который осыпает ее богатст-*

вами и всяческими знаками внимания. Она очень образованна и очень умна... Это голова, способная задолго предвидеть многое и принимать самые решительные меры».

По предложению Екатерины Павловны русский историк Карамзин составил записку «*О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении*» и представил ее императору Александру I в один из его приездов в Тверь. С Карамзиным, работавшим над историей России и хорошо известным в Европе, великая княгиня состояла в переписке все дальнейшие годы.

* * *

16 августа 1810 года герцогиня Ольденбургская родила сына – Фридриха Павла Александра. Произошло это в Павловске, куда за несколько недель до родов она приехала, чтобы быть рядом с матерью. Появление в ольденбургской семье сына было большой радостью для всех Романовых. Александр I хотел дать своему племяннику титул великого князя, если тот будет крещен по православному обряду. Но герцог Георг не соблазнился предложением русского императора. Маленький принц получил лютеранское крещение.

Осенью 1810 год молодая семья возвратилась к себе в Тверь. Жизнь пошла по прежнему руслу, но супружеской идиллии не суждено было растянуться надолго.

В связи с победным шествием французского императора Наполеона по Европе тревожная обстановка начала ощущаться и в России. С марта 1812 года по высочайшему повелению супруг Екатерины Павлов-

ны находился в Вильно, где в то время сосредоточились русские войска. Летом он по делам службы отправился в Ярославль, с ним вместе выехала и жена, вновь ожидавшая ребенка. Там 26 августа она родила второго сына, названного Петром в честь отца мужа, герцога Ольденбургского Петра Фридриха Людвига. В Тверь они возвратились лишь во второй половине ноября, когда армия Наполеона уже шагала по российской земле.

В это крайне тяжелое для родины время Екатерина Павловна не поддалась всеобщей растерянности. Несмотря на быстрое продвижение французских войск к Москве, сестра императора решительно выступала против заключения перемирия с Наполеоном и одна из первых поддержала мысль о созыве народного ополчения. Из своих удельных крестьян она на свои собственные деньги сформировала «Егерский великой княгини Екатерины Павловны батальон», который принял участие во многих сражениях.

Находясь в Твери, супруга губернатора велела постоянно информировать ее обо всех военно-политических событиях. Сам Георгий Петрович Ольденбургский во вверенных ему губерниях организовывал отряды народного ополчения, лазареты, снабжение продовольствием воинских частей. Его просьбу отправиться на поля сражений император отклонил. Но вдруг случилось страшное...

За одиннадцать дней до изгнания французов из пределов России герцог, осматривая по должности губернатора один из лазаретов, заразился сыпным тифом и вскоре скончался. Ему было всего двадцать девять лет. Екатерина Павловна осталась вдовой с двумя малютками-сыновьями.

Это было страшным испытанием для молодой женщины. Смерть мужа она восприняла как настоящую

катастрофу. Горе ее было безграничным, она словно провалилась в пропасть отчаяния. Георг был ее опорой, ее истинным другом. Уход из жизни дорогого супруга означал для нее конец всего. Своему брату она потом напишет: *«Тверь для меня останется всегда дорогой. Это место, где я провела счастливые дни, пожалуй, самые счастливые дни моей жизни, так как я не верю, что мне вновь будет суждено иметь их...»*

Гроб с телом Георга был перевезен из Твери в Царское Село. Спустя несколько дней в Петербурге состоялась траурная церемония в присутствии императорской семьи, многочисленных гостей и жителей города. (В 1826 году останки герцога будут перевезены в Ольденбург. Но это произойдет уже после смерти Екатерины Павловны.)

Великая княгиня покинула свою «тихую любезную» Тверь, как она говорила, навсегда. Она серьезно заболела и переехала к матери. Отныне Екатерина Павловна в России – вдовствующая герцогиня Гольштейн-Ольденбургская. От себя и от своего потомства она навсегда отказалась от каких-либо претензий на российский престол. Последующие годы ее жизни – всего лишь шесть лет – брат-император не оставлял свою сестру без внимания и помощи. Впоследствии она сказала: «Всего более сожалею я в своей жизни, что не была мужчиной в 1812 году».

В марте 1813 года вместе со своим старшим сыном Александром Екатерина Павловна выехала в Европу, чтобы пройти курс лечения на водах в Богемии (сейчас это курорт Карловы Вары). Младший сын остался на попечении Марии Федоровны. На встречу с сестрой приехала великая княгиня Мария Павловна, герцогиня Саксен-Веймарская. На радость обеим дочерям русского императора поражение Франции было уже неизбежно.

В Европе Екатерина Павловна посетила многие страны, не раз встречалась со своим братом-императором. Проезжала она и через Вюртемберг, еще не предполагая, что он вскоре станет ее второй родиной. Об Екатерине Павловне того времени осталась следующая запись одного из современников: *«Она была всегда очень просто одета, в черном шелковом платье. Ее прекрасные темно-каштановые локоны украшали прекрасное, белое с румянцем лицо и круглый лоб, на котором не было никакого следа болезненности, хотя она сильно страдала нервами. Причиной ее страданий в значительной мере была ее чрезвычайно строгая жизнь, обыкновение спать лишь небольшое число часов в сутки, постоянное чтение и письменные занятия с раннего утра до поздней ночи и, наконец, суровость в отношении самой себя».*

В начале 1814 года Екатерина Павловна посетила родину своего мужа – Ольденбург. В одном из своих писем она писала: *«Я теперь на родине принца. Направляясь сюда, я сильно волновалась. Его отец и брат приняли меня с прежней дружбой. Город Ольденбург красив, и особенно радуется, что он снова оживлен. Жители очень пострадали от французского владычества...»*

Несколько лет назад в герцогстве Ольденбургском, небольшом княжестве в Северной Германии, произошли неприятные события. Свекор великой княгини, герцог Петр Фридрих Людвиг, был вынужден вступить в созданный Наполеоном так называемый Рейнский союз. Наполеон, который относился к немецким князьям как к своим вассалам, предложил герцогу уступить Франции свои владения взамен на город Эрфурт и некоторые другие земли Тюрингии на юге Германии. Расположенный на побере-

жье Северного моря Ольденбург был крайне важен для стратегических целей французского завоевателя. Но герцог не согласился с притязанием императора Франции на его родовые владения. Тогда Наполеон ввел свои полки на территорию Ольденбурга, и Петр Фридрих вынужден был искать убежища в России. На родину он смог вернуться лишь после поражения французов в 1813 году в Лейпцигском сражении. В 1815 году по решению Венского конгресса Ольденбург станет великим герцогством. Правящий герцог-свекор скончается в 1829 году, и великим герцогом Ольденбурга станет брат мужа Екатерины Павловны, родной дядя ее двух сыновей, принцев Александра и Петра Георгиевичей.

В марте 1814 года Екатерина Павловна, посетив Голландию, решила отправиться в Англию, язык которой она хорошо знала с детства. Встречать ее отправился младший брат английского регента-герцога, будущего короля Георга IV, принц Уильям Кларенский. Сделал это он с твердым намерением предложить овдовевшей сестре русского императора стать его женой. Но Екатерина, которая уже подумывала сама подыскать себе супруга, не только отклонила его предложение, но и отказалась плыть на британский остров с ним на одном корабле, предпочтя фрегат адмиралтейства.

В Англию великая княгиня прибыла отнюдь не для лечения: у нее были политические цели. Согласно точке зрения зарубежных историков Екатерина Павловна, как доверенное лицо Александра I, *«стремилась дать понять, что именно Россия и ее император были победителями над Наполеоном и являются новыми господами Европы»*.

В Англии Екатерина Павловна пожелала остаться инкогнито. Посол России граф Ливен подготовил для

нее роскошный особняк в центре Лондона, на Пикадилли, где она и прожила несколько месяцев. С самим принцем-регентом у нее сразу же отношения не сложились. По словам очевидцев, на первом же обеде всем стало ясно, что они «не выносят друг друга». Великая княгиня все еще носила траур по мужу, с горечью говорила о своих невзгодах, а принц Георг явно показывал, что не особенно ей верит, и «достаточно легкомысленно отзывался о ее трауре и печали». После этого вечера великая княгиня и принц-регент испытывали друг к другу «взаимную ненависть и сохранили до конца это чувство».

Екатерина Павловна, весьма холодно отзываясь об английских министрах, принимала у себя представителей оппозиции (партии вигов), оказывала благосклонность персонам, враждебно настроенным ко двору. В связи с этим несколько обострились и ее отношения с российским послом в Англии, графом Ливеном. В установленные дни великая княгиня приходила в дом посла на обеды, чтобы видеться там с влиятельными людьми Лондона, но списки приглашенных составляла сама. Как свидетельствуют очевидцы, *«на этих обедах граф Ливен ограничивался тем, что встречал Екатерину Павловну у входа в дом, молча сопровождал ее к столу, за которым они усаживались рядом. При этом ни разу в течение двух месяцев, до самого приезда императора, они не обмолвились друг с другом ни единым словом».*

В то время, когда Екатерина Павловна находилась в Лондоне, Париж был взят союзными войсками. Империя Наполеона пала. Узнав об этом, вдова герцога Ольденбургского демонстративно сняла с себя черные траурные одежды, которые она носила все время после смерти мужа, — настолько велика была радость.

После капитуляции Наполеона и его отречения в Лондон по приглашению принца-регента должен был приехать император Александр I. Он находился на вершине славы и был очень популярен в английском обществе. Как писали газеты, *«вся английская нация ожидает его приезда с нетерпением и энтузиазмом»*. В Англию он прибыл в июне 1814 года.

Прием российского императора был восторженным. Он пользовался успехом не только у подданных британской короны, но также и в политических и парламентских кругах. В сопровождении сестры Александр I посетил даже заседание палаты общин. Умная, энергичная и властная Екатерина Павловна, по отзывам современников, оказывала весьма заметное влияние на своего брата. Он прислушивался к советам сестры, и именно с ее подачи у него сложилось явно неблагоприятное мнение о принце-регенте Георге, встречи с которым нередко омрачались различными инцидентами.

Император приехал в Англию в сопровождении своего двоюродного брата, наследного принца Вильгельма Вюртембергского. И поскольку мысли Екатерины Павловны в то время были заняты поиском нового мужа, она, обратив свой взор на этого заслуженного генерала союзных войск, красивого мужественного человека, быстро прониклась к нему симпатией. То, что Вильгельм был женат, для молодой женщины с ярко выраженными самомнением и амбициями помехой не было. У них начался роман, и в конце лондонского визита они уже вместе на одном корабле плыли через Ла-Манш. Несомненно, чувства были взаимными.

О принце Вильгельме писали, что он *«имеет красивую наружность, очень умен и любезен, но не явля-*

ется примером мужской верности». Поговаривали о его связи с некоей девицей Абель, от которой у него было двое детей.

На берегу европейского континента схожие и характером, и властолюбием Екатерина и Вильгельм расстались с мыслью, что соединение судеб вполне соответствовало бы политическим и династическим интересам обоих.

Однако этот роман не мешал честолюбивой великой княгине совершенно открыто проявлять интерес к возможному браку с австрийским наследным герцогом Карлом Вильгельмом. Он неизменно оставался в ее списке кандидатов в мужья. А что такое маленькое немецкое княжество, каковым являлся Вюртемберг, по сравнению с могучей Австрией? Имея высокое мнение о своем предназначении и о своих способностях, Екатерина Павловна считала, что призвана властвовать над большой территорией, как, например, Австрия.

В течение всех последующих недель поисков и раздумий Екатерина и Вильгельм писали друг другу письма. 10 августа наследный принц Вюртембергский написал, что его брак состоялся только для мира... и что свобода от этого обязательства требует лишь времени и некоторых непростых формальностей. (Он женился в 1808 году, вернее, его женили из чисто династических соображений, на шестнадцатилетней Каролине Августе, дочери баварского короля. Вскоре после свадьбы молодожены разъехались, чтобы больше никогда не встречаться.)

Брак с обоюдного согласия супругов был официально расторгнут несколько месяцев спустя. Впоследствии баварская принцесса Каролина Августа вступит в брак с вновь овдовевшим австрийским императором Францем – его третья жена скончалась в 1816 году.

То, к чему когда-то стремилась Екатерина Павловна, досталось другой.

Жадная до власти, она, несмотря на хлопоты послов, матери и ее самой, австрийской императрицей так и не стала. Не состоялось и ее замужество с наследным герцогом Карлом. На этот раз помимо интриг при австрийском дворе против этого брака была и мать Екатерины Павловны. Мария Федоровна сказала на этот раз свое категорическое «нет». Эрцгерцог был католиком. Да и забыть трагическую судьбу своей старшей дочери Александры в Австрии вдовствующая императрица не могла.

Подходящая партия для великой княгини Екатерины Павловны, вдовы герцога Ольденбургского, после долгих поисков была определена во время Венского конгресса. Именно в Вене, где должны были решаться европейские дела и «пристраиваться» короли и герцоги, лишившиеся во время завоеваний Наполеона своих тронов и владений, дальнейшую судьбу царской дочери определили окончательно. Ей предстояло стать женой наследного герцога королевского Дома Вюртемберг Вильгельма Фридриха.

Этот брак преследовал чисто политические цели. Вюртембергский герцог Фридрих, отец будущего мужа Екатерины Павловны, зарекомендовал себя верным союзником Наполеона, благодаря чему увеличил свои территории за счет Австрии почти вдвое. Именно по милости французского императора он с 1806 года носил титул короля, войдя в Рейнский союз. А отряды из Вюртемберга были в составе французской армии. Беспринципный политик, король Фридрих I везде искал свою выгоду и, несмотря на близкое родство с Романовыми, вступил в войну на стороне французов против России. Потери для маленького королевства были огромными. Из пятнадцати тысяч восьмисот

солдат на родину в конце войны вернулись живыми лишь триста. Так что падение Наполеона сделало международное положение Вюртембергского королевства довольно шатким.

Брак наследного принца с русской великой княгиней позволил бы ему сохранить приобретенные земли. Для России же было важно заполучить Вюртемберг в союзники.

Узнав о принятом решении, Екатерина Павловна поначалу выказала свое несогласие, но, как и ее старшие сестры, вынуждена была следовать чужой воле.

Ей предстояло носить более скромную корону, чем она хотела бы, но зато на фундаменте любви и взаимопонимания. Правда, глубоко в душе внучка Екатерины II надеялась, что именно кронпринц Вильгельм Фридрих, отец которого был болен и мог в скором времени уйти в мир иной, может стать претендентом на будущую германскую имперскую корону, о чем уже велись разговоры за кулисами политических переговоров. Следовательно, она все же может стать императрицей...

Осенью 1815 года, встретившись с Вильгельмом Вюртембергским во Франкфурте, Екатерина Павловна разрешила своему двоюродному брату просить ее руки у императрицы-матери. Мария Федоровна приветствовала брак племянника со своей дочерью. Ведь речь шла о ее родине, находившейся в то время в крайней нужде, выбраться из которой будет значительно легче, имея королеву из Дома Романовых.

В ноябре после почти трехлетнего отсутствия вдовствующая герцогиня Ольденбургская возвратилась в Петербург. Сразу после Нового года было объявлено о ее помолвке с наследным герцогом Вюртембергским. Свадьба состоялась спустя две недели, после че-

тырех лет вдовства Екатерина Павловна вновь вступила в брак. Началась новая и последняя глава в беспокойной жизни русской великой княгини.

* * *

Вместе с мужем и сыновьями Екатерина Павловна покинула Петербург и спустя месяц была уже в Штутгарте, главном городе Вюртемберга. Маленькие принцы (Александру было шесть лет, Петру шел четвертый год) должны были отныне воспитываться под наблюдением матери в лютеранском королевстве. Прибыл с ними и библиотекарь из тверского дворца, государственный советник фон Борн, который должен был обучать детей русскому языку.

Из России вместе с великой княгиней следовали повозки с ее приданым, богатство и роскошь которого привели всех в изумление: мебель, посуда, платья, обувь, белье, меха, украшения и прочее и прочее. Приданое было затем выставлено в помещениях дворца для всеобщего обозрения. Такого в бедном Вюртемберге, с его простотой быта, еще не видели.

Дочь русского императора, наследная принцесса Вюртембергская, быстро завоевала симпатии в народе. Несмотря на богатство, привезенное ею, она вела жизнь упорядоченную и экономную, это стало известно от прислуги, состоявшей из вюртембержцев, а она не прочь была посудачить.

Благодаря уму и умению разбираться в человеческих характерах великая княгиня Екатерина Павловна вскоре завоевала и доверие короля-свекра, которому импонировали ее поведение и скромный образ жизни. С отцом своего супруга, человеком весьма сложного характера, невестка установила добрые отношения.

В день рождения Екатерины Павловны – 22 мая – он вручил ей ключи от прежде пустовавшего, а теперь приведенного в надлежащий порядок загородного замка Бельвю. Великая княгиня с радостью переехала из штутгартского дворца в этот замок. Он был расположен среди живописной природы, с великолепными видами из окон: холмистая долина реки Неккар с многочисленными виноградниками, в центре которой возвышалась гора Ротенберг. Отныне летний дворец в Бельвю стал любимым местом пребывания.

В октябре того же года шестидесятидвухлетний король Фридрих заболел. Екатерина Павловна, не смотря на то, что была на последнем месяце беременности, почти постоянно находилась у постели больного, сама давала ему лекарства. Он скончался спустя некоторое время практически у нее на руках.

Устав от многочасовых дежурств Екатерина Павловна 30 октября, несколько раньше срока, родила дочку – в честь бабушки-императрицы и деда-короля ее назвали Марией Фредерикой. Русская княгиня стала королевой Вюртемберга.

Вступившему на отцовский престол Вильгельму I досталось тяжелое наследство. Государственные дела были в запущенном состоянии, в расстройстве находились и финансы. Страна была на грани нищеты. Вильгельм в первые же дни издал манифест, в котором объявил, что будет всячески стремиться к большему благосостоянию народа. Он ввел экономию во всем, что могло бы улучшить положение в стране. А оно было сложным: после длительных войн последовал неурожай, вызванный сырым и холодным летом во всей Европе. Сразу же резко повысились цены, начался голод.

Летом 1817 года король Вильгельм учредил Общество для поощрения и распространения сельского до-

моводства и промышленности. Екатерина Павловна стала попечительницей и деятельным членом нового общества. Она развернула широкую благотворительную работу. При ее непосредственном участии в городе была создана первая вюртембергская сберкасса для социальной помощи населению. Чтобы повысить благосостояние малоимущих людей, Екатерина Павловна практически реформировала государственные структуры. При ее содействии были созданы современные социальные учреждения, основаны школы с новыми учебными планами, где по инициативе королевы уроки физкультуры стали проводить не только для мальчиков, но и для девочек. Заслугой Екатерины Павловны является также строительство общественных столовых, детских садов, лечебных учреждений. Причем все это делалось в основном на деньги, полученные ею в качестве приданого. В Штутгарте и сейчас работает госпиталь, созданный по ее инициативе и на ее средства. Он так и называется «Екатерининский госпиталь» («Katharinenhospital»). По личной инициативе Екатерины Павловны в Штутгарте было создано учебное заведение для образования и воспитания девушек, по образцу институтов, существовавших в России с времен правления императрицы Екатерины II. Все затраты на первоначальное устройство великая княгиня взяла на себя. Она же проявляла постоянное внимание и заботу о воспитанницах. В октябре 1818 года королева показала свое детище матери-императрице, когда та навестила дочь. Мария Федоровна подарила институту значительную сумму для приобретения учебных пособий.

«Мне никогда не приходилось встречать женщины, которая бы до такой степени была одержима потребностью двигаться, действовать, играть роль и затмевать других... она была одарена сильными

чувствами...» – так написала о великой княгине и королеве Вюртембергской Екатерине Павловне одна из ее современниц. И дочь русского царя действительно не теряла времени в праздном бездействии, как позволял ей ее титул. Деятельная натура и сострадательное сердце Екатерины Павловны не терпели покоя. Она искренне хотела быть полезной своей новой родине.

Со стороны казалось, что ее второй брак тоже был счастливым. Но так ли это было?

Оба супруга имели сильный и властный характер, так что без конфликтов не обходилось. Вильгельму, человеку упрямому и самонадеянному, привыкшему, что ему подчиняются, не всегда удавалось находить контакт с интеллигентной, уверенной в себе женщиной да еще с политическими амбициями. Ему скорее подходила бы «глупая гусыня», как говорят немцы, которая ловила бы каждое его слово и беспрекословно ему подчинялась. Екатерина Павловна была не такой. Целеустремленная и волевая, она могла оказывать влияние на кого угодно...

С мужем Екатерину Павловну объединяла жажда власти: чтобы приобрести влияние на европейскую политику, из Вюртемберга она стремилась протянуть нити к германской империи – о ее создании велись упорные разговоры. (В исторической литературе отмечается ее желание стать для России Екатериной III, заменив на престоле своего брата, впавшего в мистицизм и утратившего влияние в государстве спустя несколько лет после победы над Наполеоном.)

В обществе же королевская чета демонстрировала полную супружескую гармонию: вместе посещала театральные представления, концерты, балы и чаепития, устраиваемые во дворце. Екатерина Павловна поддерживала добрые отношения с родными своего мужа, которые ждали рождения сына-наследника.

В 1817 году, спустя несколько месяцев после рождения первой дочери, великая княгиня вдруг написала завещание. Что обескуражило близких: почему двадцатидевятилетняя женщина после полутора лет своего замужества на это решилась? Почему в документе она отошла от условий брачного контракта? Почему указала в нем долги своего мужа? Все это оставалось за гранью понимания. Тем более что в завещании было указано, что в настоящий момент она полностью здорова, но должна думать о возможной смерти. По всей вероятности, Екатерину Павловну беспокоило, выдержит ли она по состоянию здоровья следующую беременность, чтобы родить сына-наследника, которого от нее ждали. Прежние роды дались ей нелегко, и она не была уверена в благополучном исходе следующих...

В завещании Екатерина Павловна обязала мужа заботиться о воспитании двух ее сыновей вплоть до их совершеннолетия. Подробно расписан был и денежный вопрос. Вильгельм по завещанию получал большую часть ее имущества.

«В чем дело?» — недоумевали родные и близкие. Почему такая спешка с завещанием? (Сестра Мария Павловна написала завещание, когда ей был семьдесят один год, и это уже было после смерти супруга.) Может, причина в разногласиях с мужем? Но в политических и социальных вопросах она всегда его поддерживала. Оставалась лишь версия возможной супружеской неверности короля.

В июне 1818 года Екатерина Павловна родила вторую дочь, получившую имя София Фредерика. *«Бог дал мне дочь, здоровую, милую, — писала она в Петербург. — ...Не знаю, чем я заслужила все его милости ко мне; счастье мое совершенно, не имею другого желания, лишь бы оно продолжалось».*

Новый 1819 год начался в хорошем настрое. Екатерина Павловна радовалась предстоящей встрече со своей невесткой, императрицей Елизаветой Алексеевной. 2 января она вместе с мужем ездила на конюшню к любимым лошадям, на следующий день супруги посетили дворцовый театр. Ничто не предвещало трагедии, случившейся шесть дней спустя.

Екатерина Павловна внезапно скончалась. Смерть тридцатилетней женщины вызвала много вопросов и породила немало легенд.

Одна из них такова: Екатерина Павловна 4 января застала своего мужа наедине с другой женщиной. Шок от увиденного вызвал нервное потрясение и, возможно, кровоизлияние в мозг: мужа великая княгиня не желала ни с кем делить. Хотя, недоумевают немецкие авторы, как бы оправдывая вюртембергского короля, в то время считалось вполне нормальным, если у владетельной персоны была метресса. Но они не учитывают не только гордый характер русской великой княгини, но и ее большую нервную систему. Когда девочке было тринадцать лет, произошло злодейское убийство отца; затем – неожиданная смерть любимого мужа, отца совсем маленьких детей, и вызванное этим полное оцепенение, длившееся около двадцати минут, когда врачи боялись за ее жизнь; затем – малоэффективное лечение от нервного недуга на курортах. Так что переживания, связанные с неверностью супруга, могли быть непосильным стрессом для хрупкого организма молодой женщины.

Существует и другая версия: королева простудилась, когда накануне ехала в открытой коляске в сырую погоду, под снегом и дождем, будучи легко одетой. Говорили об осложнении и даже инфекции, вы-

завших рожистое воспаление на щеке и губе. На последнее указывалось и в официальном сообщении о кончине. Высокая температура и нервное истощение привели утром 9 января к печальному исходу.

Как сообщается в немецких источниках, неофициально нашла подтверждение такая версия: Екатерина Павловна сильно простудилась, когда легко одетая тайно последовала за неверным супругом к месту его свидания с молодой итальянкой. Смерть наступила спустя четыре дня.

Трагедия произошла буквально накануне визита супруги Александра I. Покинув Баден, где она навещала свою мать, императрица Елизавета Алексеевна уже подъезжала к Штутгарту, когда гонец, высланный навстречу, передал ей письмо от короля Вильгельма. В нем он просил гостью не заезжать в Штутгарт. Причина не сообщалась. О скоропостижной смерти сестры мужа за несколько часов до своего возможного визита русская императрица узнала, лишь прибыв в Россию.

В царской семье был объявлен глубокий траур. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, получив известие о смерти любимой дочери, долгое время находилась в шоковом состоянии. Она замкнулась в себе и никого не хотела принимать.

Начались пересуды – в собственной семье, в российском императорском Доме, в обществе, среди монархов и политиков Европы. В чем причина смерти великой княгини? Укоряющие взгляды были направлены в сторону короля Вильгельма. Он же откровенно не скрывал своего горя.

12 января после гражданской панихиды гроб с телом усопшей был установлен в православной церкви. В течение следующего дня служили заупокойную службу в присутствии родных и государственных

вельмож. Погребение состоялось 14 января. В последний путь свою королеву провожали почти все жители города. Народная скорбь была искренней: немногим более чем за два года своего пребывания в Вюртемберге королева столько сделала для подданных, сколько не было сделано за предыдущие десятилетия.

Великую княгиню-королеву похоронили временно в Штутгарте, в приделе городской церкви. В 1824 году ее останки были торжественно перенесены в мавзолей, возведенный по приказу короля Вильгельма I на вершине горы Ротенберг, одном из самых поэтичных мест в окрестностях Штутгарта. Автором проекта великолепного сооружения был итальянец Джованни Саллучи. На портале мавзолея надпись: «Die Liebe ho&ret nimmer auf» («Любовь вечна»).

По сей день русская великая княгиня Екатерина Павловна покоится на горе Ротенберг рядом с супругом-королем вдали от своей родины. Память о ней жители Штутгарта и немецкой земли Вюртемберг бережно хранят. Именем Екатерины Павловны названы улицы. В созданном ею женском институте (после смерти королевы ему присвоено имя «Екатерининский») каждый год 9 января, в день кончины, традиционно зачитывается краткий обзор ее жизни. Почти забытая в России, она очень почитается в Вюртемберге. Популярность дочери российского императора Павла I с годами не угасает. Немецкие писатели пишут о ней книги.

* * *

Великая княгиня Екатерина Павловна оставила после себя четверых детей. Сыновья, принцы Александр и Петр, воспитанные в вере своего отца-лютера-

нина, переехали после кончины матери в Ольденбург к деду, великому герцогу Петру Фридриху Людвигу. Там они продолжили свое образование. Каждые два года принцы приезжали в Штутгарт, чтобы увидеться с сестрами, принцессами Марией и Софией.

Старший сын, Александр, скончался в 1829 году, не оставив потомства. Восемнадцатилетний Петр, который занимался юриспруденцией, был вызван дядей, императором Николаем I, в Петербург и зачислен в Преображенский полк на действительную службу. В 1842 году он имел уже звание генерал-адъютанта и честно служил родине своей матери – России. По инициативе Петра Георгиевича Ольденбургского в Петербурге были открыты курсы для подготовки преподавателей женских гимназий.

На свои собственные средства сын великой княгини Екатерины Павловны строил дома для училищ и покупал для них необходимое оборудование, словно взяв эстафету из рук своей матери. Он основал училище праведения, в котором получали специальность будущие русские юристы. В 1889 году, спустя восемь лет после смерти герцога, за верную службу российскому отечеству на Литейном проспекте в Петербурге ему был установлен памятник, на котором начертаны слова: «Просвещенному благотворителю». Дочь Екатерины Павловны, принцесса Вюртембергская Мария, проживала в Штутгарте, там и скончалась. Потомства не оставила, с императорской семьей Романовых связь не поддерживала. Россия была для нее чужой страной.

Младшая дочь София детские и юношеские годы провела в Германии, там же получила образование. Красоту матери она не унаследовала, но умом, живостью и любознательностью была на нее несомненно похожа. В двадцать один год вышла замуж за старшего

сына своей родной тети, великой княгини Анны Павловны, королевы Нидерландской. Муж, спустя десять лет после брака с принцессой Софией унаследовавший нидерландский престол (его отец неожиданно скончался от несчастного случая), был в отличие от супруги флегматичным, малоэнергичным человеком, хотя и постоянно ищущим удовольствий на стороне. Общество умной и темпераментной супруги-кузины его не привлекало. Ее интересы – любовь к литературе, искусству, политике – ему были не близки. Так что гармонии в браке, учитывая похождения мужа на стороне, не было. В семье родилось трое сыновей, которые также не принесли радости матери: средний сын умер, когда ему было всего лишь семь лет, младший, Александр, имел слабое здоровье и был почти инвалидом, а старший, Биллем, характером и интересами пошел в отца, так что своей матери доставлял лишь беспокойство.

Образованная женщина, большой знаток литературы, вынуждена была свои высокие идеалы совмещать с реальностью семейной жизни. По свидетельству современников, ей приходилось даже платить по долгам мужа, а иногда и посылать за ним ночью карету, чтобы привезти в дом после очередного романтического загула.

С 1855 года супруги жили отдельно, лишь однажды соединившись, чтобы публично отметить 25-летие со дня бракосочетания. Но разлад между супругами давно был известен голландскому обществу.

Принцесса София скончалась, когда ей было пятьдесят девять лет, не пережив, к счастью, утрату двух своих рано ушедших из жизни сыновей, внуков Екатерины Павловны.

Так печально сложилась женская судьба дочери и вюртембергских внуков великой княгини. А ее су-

пруг, король Вильгельм I, по истечении годовичного траура решил, надеясь иметь сына-наследника, вступить в новый брак. По традиции, существовавшей в монарших европейских Домах, он испросил разрешения на это у своей тещи, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Получив ее благословение, он женился на своей двоюродной сестре, двадцатилетней принцессе вюртембергской Паулине Терезе. В 1823 году она родила ему долгожданного сына – наследного герцога Карла Фридриха, будущего супруга великой княжны Ольги Николаевны. Благодаря ему вюртембергский владетельный Дом вновь соединился родственными узами с романовской семьей.

Король Вильгельм I скончался в возрасте восьмидесяти трех лет и похоронен в Штутгарте.

Недолгую жизнь – всего тридцать лет – прожила вюртембергская королева Екатерина Павловна. Жребий ее был не слишком счастливым: вдовство, второе безрадостное супружество, жизнь на чужбине в разлуке с родиной, которую она так любила, и ранняя смерть.

До конца своих дней великая княгиня оставалась верна себе: где бы она ни была, что бы она ни делала, она всегда защищала интересы Российской империи, приспособливаясь к ситуации, используя собственный способ действий. Благодаря высокому рождению и железной воле ей удалось многое, но не то главное, к чему она стремилась всю свою жизнь – императорской короне. Хищницей, как ее тезка-бабка, властолюбивая немецкая принцесса, занявшая российский трон, переступив через убийство мужа, она бы никогда не стала. Целью Екатерины Павловны было замужество, которое привело бы ее к мечте. Но не удалось! Надежда на короля Вюртембергского не оправдалась бы, даже если бы ее не настигла смерть. У Вильгельма I,

по мнению немецких историков, никогда не было реальных шансов на германскую корону. Дочь Павла I, как говорится, «поставила не на ту лошадь». *«Со смертью великой княгини Екатерины Павловны, принцессы Гольштейн-Ольденбургской, королевы Вюртембергской, – считают историки, – ушла из жизни женщина, которая в драматические годы между 1815-м и 1818-м пыталась писать русскую, европейскую и немецкую историю. Она была знакома с видными политиками своего времени, стремилась в рамках своих возможностей к самостоятельной роли, хотя и не могла сама непосредственно принимать политические решения. При всем своем желании она оставалась женщиной, которая могла быть лишь на вторых ролях».*

Екатерина Павловна покоится далеко от своей русской родины. В 1994 году в Штутгарте было отмечено 175-летие со дня смерти великой княгини. В соборе Святого Николая была отслужена панихида, прошел концерт в честь этой даты.

На родине же замечательную русскую патриотку – дочь императора Павла I – вспоминать стали лишь с недавнего времени. А жаль. Такого забвения она не заслужила.

Анна Павловна

Большая княжна, королева Нидерландская, младшая дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны.

В январе 1795 года великий князь Павел Петрович написал своему бывшему наставнику в Законе Божьем, московскому митрополиту Платону: *«Бог мне даровал вчера дочь, весьма счастливо на свет пришедшую; к тому же и названа она по бабке... моей»* (Анне Петровне, дочери Петра I).

«О благополучном разрешении от бремени 7 января великой княгини Марии Федоровны» сообщалось и в высочайшем манифесте за подписью императрицы Екатерины II, опубликованном в газетах.

Анна была шестой дочерью в великокняжеской семье. (Пятая дочь, Ольга, скончалась в возрасте двух с половиной лет.) *«Много девок, всех замуж не выдадут!»* – высказалась с досадой бабушка-императрица. Она умерла год спустя, и на трон вступил Павел I. Отныне большая княжна Анна стала дочерью императора. Детство ее проходило в постоянных переездах – из Гатчины в Павловск, Петергоф, Царское Село, Петербург. Лишь после трагической смерти отца-императо-

ра большую часть времени Анна проживала в Павловске вместе с матерью, родившей еще двух сыновей – Михаила и Николая. Отца ей заменил старший брат Александр, занявший российский трон.

Иностранные языки, история, естественные науки, математика, музыка, живопись – таково было дворцовое образование великой княжны. В живописи она имела особый успех. Основам рисунка учили всех детей царской семьи, но Анна проявила в этом большие способности. Ее рисунки детских лет и сейчас хранятся в Павловске. Уровень их исполнения так высок, что подпись «Аня 7 лет», поставленная под некоторыми, кажется не соответствующей истине. В работах чувствуется более зрелая рука. Однако художницей девочка не стала. Ей уготована была совсем иная судьба...

* * *

Воспитание великой княжны Анны, как и ее сестер, осуществлялось под руководством графини Ливен. Она зорко следила за тем, чтобы Анна была прилежна в учебе, чутко относилась к окружающим, имела хорошие манеры. Мать, со своей стороны, на личном примере учила дочь быть «великой княжной». Это наука оказалась не из легких, но ею способная Анна овладела вполне. Из всех дочерей она всегда была ближе к императрице-матери. Никто из ее братьев и сестер не мог похвастаться таким количеством проведенных вместе лет. Маленькая княжна буквально впитывала мамины привычки и вкусы, стараясь быть похожей на нее: тоже белокурая, с правильными чертами лица, она даже пыталась подражать ее величественной походке.

В пятнадцать лет великая княжна, по донесению французского посла министру иностранных дел Франции, *«была высока ростом для своего возраста и более развита, чем обыкновенно бывает в этой стране, так как, по словам лиц, посещавших двор ее матери, она вполне сформирована физически. Рост ее, стан – все указывает на это. У нее прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность, и хотя она не красавица, но взор ее полон доброты, Нрав ее тих и, как говорят, очень скромн. Доброте ее дают предпочтение перед умом. Она уже умеет держать себя, как подобает принцессе, и обладает тактом и уверенностью, необходимыми при дворе».*

В том же 1809 году во время аудиенции французский посол заявил российскому императору Александру I следующее: *«Ваше Величество! Я имею причины думать, что император (Наполеон), внимая настоятельному желанию целой Франции, готовится развестись со своей супругой. (Императрица Жозефина не могла родить ему сына.) Могу ли я известить его, чтобы он рассчитывал на Вашу сестру? Прошу Вас подумать и дать ответ мне через два дня... Это еще не формальное предложение: я только прошу Вас высказать, каковы ваши намерения...»*

Александр I в ответ попросил время для обдумывания, сославшись на то, что ему надо обсудить этот вопрос с матерью-императрицей. *«Последняя воля отца, – сказал он французскому послу, – предоставляет полную свободу матери распоряжаться судьбой ее дочерей. Ее решения не всегда согласны с моими желаниями».*

Мария Федоровна, узнав о предложении француза, была страшно обеспокоена. Своей дочери, великой княгине Екатерине Павловне, она написала в Тверь:

«...Что отвечать? На что ссылаться? Ведь отказ вызовет обиду, недоброжелательство, самые мелочные придирки, ибо нужно знать этого человека, который наверняка почувствует себя оскорбленным. По моему мнению, это дело одно из самых несчастных, которые только могли случиться с нами...»

Окончательный ответ долго откладывали под разными предложениями. И только спустя десять недель Александр I объявил французскому послу, что мать-императрица решила не давать согласия на брак дочери ранее чем через два года. *«Возраст – единственное препятствие к браку, усматриваемое матерью-императрицей, – сообщили Наполеону. – Несчастливая судьба ее двух старших дочерей не позволяет ей согласиться на него ранее чем через два года. Великая княжна должна подобно сестрам Марии и Екатерине, выйти замуж после восемнадцати лет».*

Наполеон обратил свое внимание на дочь австрийского императора Франца I, эрцгерцогиню Марию Луизу. Вопрос замужества великой княжны Анны Павловны после всех этих дипломатических переговоров был снят с повестки дня, хотя, естественно, не окончательно. Избежав самого худшего для своей дочери, – как она считала, – Мария Федоровна не переставала думать о ее будущем. Анна по-прежнему находилась под строгой опекой матери и требовательной и умной графини Ливен. На воспитание сестры оказывала воздействие и великая княгиня Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская. Находясь со своим мужем в Твери, она писала ей письма, давая наставления как старшая сестра.

В 1810 году прусский король Фридрих Вильгельм III овдовел: умерла его жена, королева Луиза, верный друг великой княгини Елены Павловны, наследной принцессы Мекленбургской. Возник план женить ко-

роля на великой княжне Анне Павловне, сестре российского императора Александра, с которым Фридрих Вильгельм был в дружеских отношениях. Послы короля, направившись из Берлина в Петербург, остановились по пути в Твери, где их любезно приняла молодая принцесса Ольденбургская. Что им сказала сестра Анны, неизвестно, но послы уехали обратно в Берлин, так и не появившись в столице. В результате брак сорокалетнего прусского короля с юной русской великой княжной не состоялся, как полагают, не без воздействия умной и проницательной Екатерины Павловны.

Еще два года великая княжна Анна прожила с матерью, в основном в Павловске. Наступил 1813 год. После разгрома наполеоновской армии и возвращения победителей из военных походов Анне передали новость – император Александр I выбрал для нее жениха. Сначала ей не сказали, кто же этот счастливчик. Имя младшей сестры российского государя вновь замелькало в секретной переписке.

К этому времени Анне исполнилось уже девятнадцать лет. На царскую дочь опять обратили внимание из Франции, но уже не наполеоновской. Королевский трон в стране заняли Бурбоны, на нем сидел бездетный Людовик XVIII. Он-то и задумал для обеспечения престола срочно женить своего младшего племянника, герцога Беррийского, на сестре русского царя, которому Бурбоны были обязаны возвращением власти.

Однако после нескольких писем, которыми обменялись стороны, переговоры о браке Романовых и Бурбонов зашли в тупик. (В 1820 году герцог Беррийский будет убит фанатиком-бонапартистом. Мария Федоровна, описывая Анне подробности этого ужасного происшествия, скажет: *«Какое счастье, что ты не вышла за него замуж!»*)

Жениха для младшей сестры окончательно выбрала великая княгиня Екатерина Павловна. К тому времени она уже была вдовой, разъезжала по Европе и, размышляя о судьбе Анны, внимательно присматривалась. Взгляд ее остановился на принце Вильгельме из знаменитой нидерландской династии Оранских-Нассау. Герб этой династии насчитывал уже пять веков, в течение которых не раз менялась и карта, и статус страны.

* * *

Свое начало королевская династия вела от графа Нассау, принца Оранского, или Виллема I, прозванного современниками Вильгельмом Молчаливым. Он воспитывался при дворе Карла V. Во второй половине XVI века Виллем возглавил борьбу против испанского короля Филиппа II за независимость своей страны – во время так называемой Нидерландской революции. В результате возникло первое в мире буржуазное государство – Голландия.

Молодому государству предстояли победы и поражения, дружба и ссоры с соседями, завоевания и потери колоний, усмирение религиозных бунтов. Богатая история для такого маленького государства на севере европейского континента. С 1748 года, начиная с Виллема IV, власть передавалась уже по наследству. В конце XVIII века Голландия попала под французское господство, продолжавшееся почти два десятилетия. Ее последний правитель Виллем V бежал в Англию. Наполеон, пришедший к власти во Франции, направил голландские полки для участия в военных действиях против Испании и России.

Нигде, пожалуй, так не ждали конца наполеоновской империи, как в Голландии. Именно поэтому по-

ражение армии французского императора сначала в России, а затем в битве под Лейпцигом было встречено здесь с особой радостью. Отныне для династии Оранских начался новый период.

Принц Вильгельм, молодой представитель старинного рода, не имел пока ни трона, ни королевства. Он вынужден был жить с семьей в изгнании. Отец отправил его на учебу в Оксфорд, а затем определил в армию английского фельдмаршала Веллингтона. Принц Оранский стал адъютантом главнокомандующего, участвовал в военных кампаниях англичан против французов, проявив при этом отвагу и героизм. В битве при Ватерлоо он был ранен в плечо.

Отец из чисто политических соображений хотел, чтобы его двадцатидвухлетний сын женился на английской принцессе Шарлотте, единственной дочери принца-регента. Он планировал укрепить этим браком бывшие симпатии английского королевского Дома к своей стране. Желанием будущего короля Георга IV тоже было восстановление прежнего влияния Англии на Нидерланды. Таким образом, интересы родителей возможных супругов совпадали. А вот для России династический союз Англии и Нидерландов не был выгоден – при российском дворе полагали, что он мог бы нарушить равновесие в Европе.

Вильгельм не склонился к этому браку, его главной мечтой было возвратиться в Голландию и восстановить там оранский Дом.

Судьба его страны была решена на Венском конгрессе, во время которого государства-победители, в том числе и Россия, подписали договор о независимости Голландии. А спустя несколько месяцев было решено объединить территорию Голландии (Нидерландов) и Бельгии в одно Нидерландское королевство с правящей династией Оранских-Нассау. Практичес-

ки возникло новое государство, в котором должны были жить вместе бельгийцы с голландцами, — это вопреки различиям в языке, религии, да и в экономических интересах. Королем Нидерландов стал отец принца Оранского под именем Виллема I.

Великая княгиня Екатерина Павловна, находившаяся в Лондоне, приложила немало усилий, чтобы заполучить принца для своей младшей сестры. Она считала его вполне достойным и по положению, и по образованию, но главное — по перспективе. О намерениях российского императорского Дома говорил уже весь лондонский свет.

Император Александр I, возвращаясь из Европы в Россию, посетил Гаагу и пригласил Вильгельма приехать в Петербург. Мать-императрицу он посвятил во все подробности своих переговоров. И хотя об официальной помолвке еще речи не было, Вильгельм Оранский приглашение принял.

* * *

В холодный январский день 1816 года принц Оранский со своей свитой прибыл в российскую столицу. Сразу же начались переговоры о свадьбе. В отличие от своих сестер у Анны даже не было возможности хорошо узнать будущего супруга. Обычно приезжали в Россию заранее, знакомились со страной, с родными невесты, придворными. Потом совершалась помолвка, устраивались многочисленные праздники: балы, маскарады, фейерверки, обеды у важных вельмож. Тем временем составлялся брачный контракт и шла подготовка к свадьбе. Анна же видела раньше лицо избранного ей в мужа принца лишь по живописной миниатюре, полученной в подарок.

Когда жених приехал в Петербург, до свадьбы оставалось лишь несколько недель. За это время следовало составить брачный договор, который требовал полной ясности: в деньгах, правах собственности и наследования, в обязанностях сторон. Поскольку бракосочетание великих княжон было делом государственной важности, вопросы обсуждались со всей тщательностью. Одним из главных вопросов по традиции был вопрос о вероисповедании невесты: она сохраняла религию, в которой была рождена и воспитана, дети же, рожденные в браке, могли получить крещение в вере отца.

День свадьбы назначили, когда все было обговорено и подписано. От старшего брата невеста получала миллион рублей, да еще ежегодно Анна должна была получать деньги из фонда, созданного ее отцом-императором специально для обеспечения княжон. Кроме того, к именинам дочери императрица-мать собиралась присылать каждый год по 10 тысяч рублей. Так что Анна становилась одной из самых богатых молодых женщин в Европе.

Приданое русской невесты также выходило за рамки воображения голландской знати. Его начали собирать, когда девочке исполнилось шесть лет, все вещи заказывались у лучших мастеров. И к 1816 году полная опись приданого Ее Императорского Высочества великой княжны Анны Павловны составляла сорок шесть страниц. После подписания двух экземпляров договора приданое было погружено на корабль, который из Кронштадта отплыл в Голландию.

9 февраля рано утром пушечные выстрелы с Петропавловской крепости возвестили о наступлении самого важного дня в жизни великой княжны Анны Павловны – дня ее свадьбы. Венчали молодых в церкви Зимнего дворца. Невеста шла под венец в роскош-

ном платье с длинным горностаевым шлейфом, который несли шесть камергеров. Во время службы Анну Павловну впервые возвестили как «Ее Императорское Высочество благоверная великая княгиня», то есть титулом, которым традиционно именовались великие княжны после замужества. Несколько позже в Белой гостиной дворца протестантский священник совершил обряд согласно вероисповеданию жениха.

После праздничного обеда на триста персон и последовавшего за ним бала состоялся семейный ужин, так сказать в узком кругу. К столу была приглашена и фрейлина Анны англичанка Сибург, которая отправлялась в Голландию вместе с молодыми.

Выехали лишь в середине июня. Русской великой княгине было всего двадцать два года. Ей предстояла встреча с новой страной, новой семьей и с новым народом, для которого она стала принцессой Оранской.

* * *

Приезд в Голландию кронпринцессы, сестры российского императора, был отмечен торжественно. Король с балкона дворца встречал сына с молодой женой. На воду по этому случаю был спущен корабль «Анна Павловна».

Прибыв в новую для себя страну, русская великая княгиня сразу же постаралась узнать ее жизнь. Она усиленно стала изучать историю страны, попросила собирать для нее документы о былых связях Голландии и России. (Впоследствии по ее завещанию собрание этих документов будет передано в Петербургскую академию наук.) При всей несхожести двух стран Анна Павловна не забывала, как был восхищен Голландией ее далекий предок – царь Петр I. Он даже прожил

несколько месяцев в маленьком городке Заандаме неподалеку от Амстердама под именем мастерового Петра Михайлова, снимая скромное жилье у местного кузнеца Геррита Киста, когда-то побывавшего в России.

Несмотря на весь свой интерес к Голландии, Anne Павловне спустя некоторое время стало скучно в маленькой официальной Гааге, и молодые поселились в Брюсселе. Там, неподалеку от границы с Францией, светская жизнь была более оживленной и насыщенной. Великая княгиня полюбила свой новый дворец и, стараясь сделать его еще более уютным, наполнила вещами, привезенными из Петербурга. Почти каждый день она писала письма в Россию. Из них, да и из газетных сообщений, было видно, что великая княгиня в Голландии стала популярна. Там ее звали Анной Русской, а в России она называлась отныне Анной Нидерландской. Ею восхищались, но искренней любовью в обществе кронпринцесса не пользовалась. Слишком заметны были ее высокомерие и желание блеснуть своими бесценными драгоценностями, чтобы лишний раз подчеркнуть высокий статус.

Чтобы лучше вписаться в новую жизнь, русская великая княгиня принялась усердно изучать голландский язык. *«Это правильно, – писала ей мать, – и будет по-настоящему оценено в стране»*. Изучение языка можно было рассматривать как знак уважения к истории и гражданам Голландии, однако практического применения это не находило. Даже спустя несколько лет после победы над Наполеоном французский был почти официальным языком двора, а голландским пользовалось лишь сельское население Нидерландов. Да и со своим супругом Анна Павловна всю жизнь говорила только по-французски.

С принцем Оранским у русской великой княгини поначалу сложились хорошие отношения. Он был

предан своей жене, состоял в дружбе с ее братьями – Александром и Николаем, испытывал глубокую симпатию к матери-императрице. Объединяли супругов и общие интересы: оба любили искусство, особенно живопись. Вильгельм (такое имя он носит в русской истории, голландцы же его, как и всех своих королей, называли Виллем) в галерее своего дворца коллекционировал картины, хотя особенным художественным вкусом не обладал, а покупал лишь то, что ему нравилось.

В своей стране принц Оранский был очень популярен, и Анна им искренне гордилась. Не испытывая интереса к политике, в государственные дела супруга она не вмешивалась. Правда, постоянные отъезды с инспекцией по стране или за границу – а страсть к путешествиям у него была огромная – раздражали молодую принцессу. да и по характеру супруг был легко возбудим, что считали последствием пережитых в войне с Наполеоном потрясений. Однако все это не мешало окружающим видеть в них отличную пару. *«Принц, который в свое время был адъютантом герцога Веллингтона, был очень хорош собой, к тому же свеян ореолом военных успехов. Он и его супруга, великосветская дама, говорившая по-французски, как парижанка, имели все данные, чтобы понравиться...»* – писали современники. Так что у вдовствующей императрицы Марии Федоровны не было поводов жалеть о той партии, которую выбрали для ее младшей дочери.

Несколько омрачалась радость вдовствующей императрицы за свою дочь отношением к ней родителей мужа. Мать принца Оранского, королева Вильгельмина, урожденная принцесса Прусская, хотя и тепло приняла свою невестку, но была с ней всегда очень сдержанна, а порой просто официальна. Со свекром-

королем отношения у Анны Павловны вообще не заладились. Он очень ревностно относился к дружеской связи своего сына с императором Александром I. По его самолюбию било то, что не он – король, который всего на пять лет был старше русского царя, а принц состоял с ним в переписке, встречался в Европе, навещал в Петербурге.

Мария Федоровна, которая до конца жизни относилась к своему зятю как к очень близкому человеку, догадываясь об этой неприязненности, писала дочери: *«По твоему письму я поняла, дорогая, что король, к сожалению, все так же не слишком расположен к вам с Уильямом, но, судя по всему, он мудро соблюдает видимость хорошего к вам отношения и уже этим заслуживает уважение и заставляет прислушаться к своему мнению...»*

* * *

Вильгельм Оранский и Анна Павловна прожили вместе тридцать лет. В браке родилось трое сыновей (один умер в раннем возрасте) и дочь. Именно по случаю рождения сына-наследника, укрепившего молодой королевский Дом Оранский, король Виллем подарил своей невестке домик Петра I в Заандаме. Ею она приказала обнести каменным покрытием (по образцу сооруженного по повелению Екатерины II покрытия для домика великого предка в Петербурге) – для сохранности этой исторической реликвии.

В 1820 году в Брюсселе, где проживал кронпринц с супругой, случился пожар, который почти полностью уничтожил роскошный дворец, их официальную и любимую резиденцию. Сгорели библиотека, картины, драгоценности и все вещи, привезенные русской

великой княгиней из Петербурга. Ущерб был огромный, налаженная жизнь нарушилась.

Пока подсчитывали потери и разгребали пепелище, принц Вильгельм купил дом, в котором семья поселилась на время, пока во дворце не будет сделан ремонт. Мать Анны Павловны в письмах недоумевала, почему отец-король не может помочь наследнику престола с жильем бесплатно. Со своей стороны она старалась оказать всяческую помощь, чтобы дочь смогла вновь жить комфортно. Из Петербурга присылались семейные портреты, книги и даже шубы. *«Ты должна утешаться, что даже в этой неприятной для тебя ситуации вела себя с присущим тебе достоинством и спокойствием, которые не остались незамеченными. А это, милая Аннета, можно считать настоящим счастьем, и, обладая таким великим сокровищем, мы не склонны чрезмерно преувеличивать значение материальных ценностей, которые судьба может у нас отнять...»*

Осенью 1824 года двор его императорского величества объявил о приезде в Петербург великой княгини Анны Павловны, принцессы Нидерландской, с супругом, кронпринцем Вильгельмом. Визит был официальным, поэтому встреча проходила в рамках строгого придворного этикета. После восьмилетнего отсутствия дочь императора Павла I вместе с мужем и в сопровождении многочисленной свиты ступила на родную землю. Детей в путешествие супруги не взяли, хотя сыновьям было уже семь, шесть и четыре года, а дочери Софии всего несколько месяцев.

Гостей разместили в Зимнем дворце, но с празднествами пришлось повременить: на Петербург обрушилось сильнейшее наводнение. Театры были закрыты, балы запрещены. Император Александр I занимался помощью пострадавшим.

Первый визит Анны Павловны в Россию продлился почти год. Время, проведенное в кругу семьи и друзей, окончилось в конце лета 1825 года. С подарками и массой впечатлений Анна Павловна возвратилась в Голландию. Она провела на родине много дней и была уверена, что теплоты домашнего общения ей хватит надолго. Почему же Анна Павловна решила покинуть свой дом на столь долгое время и оставить маленьких детей? Этот вопрос задавали многие в семье Романовых. Возможно, ей хотелось вновь превратиться в любимую дочь и младшую сестру...

Мать и старшего брата она никогда больше уже не увидела: Александр I скончался в ноябре того же года, а Мария Федоровна тремя годами позже.

Смерть императора Александра I, которому еще не было и пятидесяти лет, для всех была как гром среди ясного неба. События развивались непредсказуемо. Из-за болезни супруги, императрицы Елизаветы Алексеевны, зиму 1825 года царская чета собиралась провести в Таганроге, южном уездном городе на берегу Азовского моря. Однако вскоре после приезда туда император внезапно заболел – полагали, что это была сильная простуда, – и через несколько дней объявили о его кончине. Тело усопшего в закрытом гробу перевезли в Петербург.

О кончине брата Анна Павловна узнала из письма матери. *«Дети мои, нас постигло ужасное несчастье. Наш ангел, Александр, умер... Еще вчера мы надеялись на его выздоровление, но небесам было угодно принять эту чистую и безупречную душу. Он умер девятнадцатого ноября в 10.50 утра...»*

Это было большим горем для покинувшей родину великой княгини. Брат Александр был ее кумиром. Именно он на правах главы семьи выдавал ее замуж и был очень близок с ее супругом.

В православных церквях Голландии по случаю смерти брата кронпринцессы прошли заупокойные службы. Вильгельм срочно выехал в Петербург. Гроб с телом покойного императора еще следовал в печальной процессии из Таганрога в столицу. Погребение состоялось только 6 марта в соборе Петропавловской крепости. А в народе уже пошли разговоры, действительно ли умер царь-батюшка, или же вместо него в гробу был кто-то другой...

До сих пор остается загадкой, скончался ли на самом деле тогда Александр I. За несколько дней до внезапной болезни императора в Таганроге погиб фельдъегерь Масков, как утверждали некоторые, внешне очень на него похожий. Может, его тогда и похоронили?

По некоторым сведениям через несколько лет после революции в России усыпальницу в Петропавловском соборе вскрыли и обнаружили, что в отличие от других саркофаг Александра I пуст. Документального подтверждения эти сведения не имеют. А легенда о том, что император не умер в 1825 году, а, приняв облик смиренного старца под именем Федора Кузьмича, удалился от государственных дел и провел остаток жизни в странствиях и покаянии, существует до сегодняшних дней.

Супруг Анны Павловны задержался в Петербурге после похорон еще на три недели. По вечерам принц Вильгельм пил чай у своей тещи, нередко в обществе шурина Николая, занявшего престол после смерти брата. Новый российский император в то время активно участвовал в расследовании дела о декабрьском восстании и определении мер наказания для его участников. В письме к дочери Мария Федоровна сообщала: *«Они планировали захватить дворец, чтобы семья оказалась в их власти, а поскольку там находи-*

лись и Николай, и Михаил, то в случае плохого поворота событий они оба так или иначе попали бы в руки бунтовщиков...» Возвратившись домой, Вильгельм рассказал жене, что во время следствия стало известно, что заговорщики хотели убить всю царскую семью, включая и тех, кто живет за границей, – Марию и Анну.

Не прошло и трех лет после всех этих страшных событий, как новое горе постигло Анну Павловну: в Петербурге после непродолжительной болезни скончалась ее мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она никогда не жаловалась на здоровье, о возрасте вообще не любила говорить, всегда была деятельной и подвижной, не давая оснований усомниться в ее силах. 13 октября 1828 года она написала Анне Павловне письмо, где радовалась новому дому дочери: *«Судя по твоему описанию, дом великолепен, особенно мне понравилось то место, где ты рассказываешь о восторгах Вильгельма по поводу парка и террасы. Я прочла это с большим удовольствием...»* А через десять дней императрица скончалась в Зимнем дворце.

Эту ужасную весть сообщила Анне Павловне императрица Александра Федоровна, жена брата Николая:

«Бедная моя Анна! Бедная дорогая сестра! Нет больше нашей доброй матушки! Разве могли мы об этом подумать? Мы-то, видя ее доброе здравие, полагали, что она еще долго будет вместе с нами радоваться нашему счастью. Как она уступила болезни, которая вначале казалась такой незначительной... Целую дорогого Уильяма. Он любил ее и почитал, как родную мать... Она надеялась увидеть вас следующим летом, поскольку решили отправиться в путешествие в Карлсбад, и мысль о встрече с тобой скрашивала ей минуты печали, с которой она вынуждена была бороться после начала болезни».

Похоронили вдовствующую императрицу в Петропавловском соборе между могилой ее супруга, императора Павла I, и старшего сына, императора Александра I. Петербург снова погрузился в глубокий траур.

Анна Павловна не нашла в себе сил приехать в Россию. Ей прислали традиционный альбом с рисунками процессии. Со смертью близких и дорогих ей людей Россия становилась для нее все более и более далекой.

В 1833 году, в канун Нового года, Вильгельм Оранский впервые привез в Петербург старшего сына. Новый год отмечали грандиозным балом в Зимнем дворце, на который были приглашены и родственники из Голландии. Роскошь и богатство зрелищ не могли не поразить голландских гостей. Сыну Анны Павловны в то время было уже семнадцать лет. Его конечно же привлекало общество юных русских красавиц. Но образованные, умеющие вести себя в обществе великие княжны были удивлены развязностью молодого кузена из Голландии. Принц Оранский признался, что лично он ничего не понимал в воспитании детей, но тем не менее противился тому, что в этом отношении делала его жена. В своих воспоминаниях дочь императора Николая I великая княгиня Ольга охарактеризовала принца так: *«...Он был настоящий осто-лоп»*. Нелестно, но, по всей вероятности, правдиво.

Год спустя Россию посетил младший сын Анны Павловны – принц Генрих. Ему было всего лишь четырнадцать лет, но церемониальность встречи была тщательно выдержана. Юного принца даже наградили золотой орденой цепью Святого апостола Андрея Первозванного и орденами.

За этим визитом последовали другие. Особенно часто приезжал деверь Анны Павловны, принц Фридрих, будущий муж сестры императрицы Александры Федоровны, урожденной принцессы Прусской. Он

особенно любил Россию и по своим визитам в Петербург стал своего рода рекордсменом. Так что гости из Голландии бывали часто, но сама русская великая княгиня на свою родину приезжала все реже и реже.

* * *

К 1830 году ситуация в Нидерландском королевстве стала взрывоопасной. Протесты против зависимости от голландских правителей из Дома Оранских в бельгийских провинциях вспыхивали все пятнадцать лет после того, как по решению Венского конгресса Бельгия и Голландия были насильно объединены в одно государство. Недовольство росло с каждым годом. Переговоры с восставшими результата не давали. Кончилось все это тем, что бельгийский национальный конгресс проголосовал за независимость своей страны и за конституционную монархию. При этом ни один из представителей династии Оранских не должен был отныне занимать бельгийский престол.

О вооруженном вмешательстве в бельгийские дела речь не шла. Барьером являлась Англия. В результате королем Бельгии стал Леопольд Саксен-Кобургский, который когда-то был женат на Шарлотте Английской (ее в свое время прочили в жены Вильгельму Нидерландскому, ставшему супругом русской великой княгини). Сестра Леопольда была замужем за одним из сыновей короля Георга III. Впоследствии племянница бельгийского короля, Александрина Виктория, станет английской королевой Викторией и выберет себе в мужа принца Альберта Саксен-Кобургского. Таковы хитросплетения династической политики.

В связи с происходящими событиями Анне Павловне пришлось покинуть свой чудесный дворец

в Брюсселе, с таким трудом восстановленный после пожара. И уже окончательно.

Столь драматические для королевской семьи события не могли не отразиться на ее характере. И без того со временем отношения с мужем, а потом и с сыновьями становились все более сложными, возникавшие в семье конфликты острыми и затяжными. Не переставая требовать к себе как к царской особе внимания, Анна Павловна часто вызывала антипатию даже у самых близких людей своей холодностью и почти надменным поведением. Да еще капризный характер. По воспоминаниям очевидцев, у нее *«был трудно уживчивый характер, и все ее боялись. В выражении ее лица было что-то суровое... Если бы она попала из России не в Голландию, страну торговую и богатую, а в другую, может быть, и характер ее развился бы совсем иначе»*.

Почти четверть века великая княгиня Анна Павловна носила официальный титул принцессы Оранской. Когда ей исполнилось сорок пять лет, она стала королевой. Это случилось еще при жизни ее свекра, который отрекся от престола в пользу сына в 1840 году. Вильгельм I, приняв решение жениться на знатной даме католического вероисповедания, уехал в Берлин, где и обвенчался с ней. (Спустя три года он скончался в возрасте семидесяти двух лет.)

На престол супруг русской великой княгини Анны Павловны взошел под именем Вильгельма II. Коронация состоялась в амстердамской церкви. Специально для этого случая были изготовлены атрибуты власти – корона, скипетр и держава. Ювелирам, которые делали корону, Анна Павловна отдала свои лучшие бриллианты, чтобы корона поражала блеском и роскошью. (Известно, что Вильгельм I вступил на престол, не имея короны.)

Именно этой короной с драгоценностями Анны Павловны до сего времени венчают всех нидерландских монархов.

Вильгельм II взошел на трон в сложное для страны время: все чаще звучали требования политических реформ, шатким было финансовое положение государства. Он вынужден был утвердить режим конституционной монархии, ограничив тем самым королевскую власть. Однако ограничение политической власти никак не повлияло на личную жизнь короля. Он, как и прежде, не знал границ в тратах на картины и скульптуры, на строительство новых резиденций по дорогостоящим архитектурным проектам, одним словом, продолжал роскошную жизнь. Такое расточительство истощало личные средства и вело к безумным долгам.

В 1848 году Вильгельм обратился за помощью к своему шурину, императору Николаю I, чтобы тот тихо, «по-семейному», дал ему заем под залог коллекции старых мастеров. А через полгода в результате несчастного случая король Нидерландский скоропостижно скончался.

Смерть супруга была для Анны Павловны, как собственно и для всех остальных, неожиданной. Она была глубоко потрясена случившимся. Горе усугубилось еще и тем, что с кончиной короля открылось истинное положение с деньгами в семье Оранских. Это встревожило вдову настолько, что она вынуждена была обратиться за помощью к брату, императору Николаю I.

В октябре 1849 года Анна Павловна написала ему следующее письмо: *«Милый брат, дорогой и любезный друг!.. Наши долги, как оказалось, составляют 4,5 миллиона гульденов. Для их уплаты нам нужно будет продать всю землю и недвижимость в этой стране. Поэтому я обращаюсь к тебе, любимый*

брат и друг, с просьбой, чтобы ты в этот роковой час согласился купить собранные Виллемом картины, к которым ты так привязан и которые уже отданы тебе в залог. Если ты исполнишь мою просьбу, мои дети будут спасены. Ты спасешь также честь семьи».

Королеве Нидерландов в то время было действительно трудно. За год до смерти мужа она потеряла второго сына – своего любимого Вильгельма Александра. Он скончался от туберкулеза. Со старшим сыном, унаследовавшим престол, отношения у матери были сложными, с ним она не ладила. Впервые за все годы, проведенные вдали от России, Анна Павловна почувствовала себя одинокой. Чтобы помочь сестре, император Николай I купил коллекцию, картины из которой до сих пор украшают залы Эрмитажа в Петербурге.

В 1853 году вдовствующая королева Нидерландская приехала в Россию, где не была очень давно. Анна Павловна посетила Петербург, Москву, монастыри и церкви. Она всегда была очень набожна. На обеде, который был дан ею для духовенства, королева сказала, что всегда в чуждой стране любила Россию и если не приезжала в течение двадцати восьми лет, то виной были ее несчастья. *«Вы знаете мои обстоятельства: наша страна была разорвана надвое, и я не могла оставить в несчастьи тех, с кем жила прежде в счастье; это было бы недостойно русской великой княжны. Потом я лишилась мужа, сына; при новом короле я и хотела бы уехать в Россию, но надо было руководить детьми, помогать им, долг матери меня удерживал. Когда я женила второго сына (Генриха), то почувствовала себя как бы развязанной и поспешила в Россию. Брат сделал мне самый любезный, самый родственный прием. Я по-*

знакомила со всем семейством. Если бы не этот случай, то я осталась бы незнакомой всему молодому поколению...»

Анна Павловна некоторое время провела в Гатчине, которую так любил ее отец, император Павел I. Посетила она и Царское Село, где смогла познакомиться с большим романовским потомством.

«Королева Анна – очень почтенная женщина, полная старых придворных традиций и приверженности этикету», – написано о ней в воспоминаниях современников. Тетушка, о капризах которой в царской семье были наслышаны, оказалась, по мнению родственников, человеком воспитанным, умеющим держать себя в обществе.

В Нидерланды Анна Павловна возвращаться не торопилась. Там уже были другой король и другая королева. А к ее королевскому титулу добавилось тягостное определение – вдовствующая. Здесь же, в родной России, она – своя. Здесь новые встречи, новые впечатления. Стоит ли вновь покидать родную землю? Сомнения у нее, бесспорно, были. Но в Голландию Анна Павловна все же возвратилась и поселилась в Сусдейке. Этот дворец, подаренный ее мужу королем Вильгельмом I, был самым любимым из всех королевских резиденций в Голландии. Уютный белый дворец, укрытый в большом парке, напоминал ей родной Павловск. В нем Анна Павловна и провела последние годы своей жизни, окружив себя большими парадными портретами братьев – императоров Александра и Николая, мужа – короля Вильгельма II, детей. О своем супруге, с которым она была сосватана заочно, ради которого оставила Россию и с которым прожила тридцать не всегда счастливых лет, русская великая княгиня все оставшиеся годы свято хранила память.

Не забывала Анна Павловна и о том, что соответствовало ее возможностям и талантам. Это была конечно же благотворительность. Недалеко от Сусдейка она открыла школу-приют для белошвеек, полностью взяв на себя ее финансирование, на личные средства по всей стране учредила приюты для детей бедных и сирот. Под покровительством королевы в Голландии было открыто около пятидесяти приютов.

Когда Россия была втянута в Крымскую войну, Анна Павловна основала для больных и раненых военных госпиталь и инвалидный дом. А в 1854 году из Голландии на русский фронт был доставлен груз от имени ее величества королевы Нидерландов – перевязочные пакеты для полевых госпиталей. Русский патриотизм королевы был известен далеко за пределами Голландии.

После тяжелой болезни легких Анна Павловна скончалась в Гааге 17 февраля 1865 года на семьдесят первом году жизни. По ней скорбели во всей Голландии, многие люди добровольно носили траур. А вот похоронить вдовствующую королеву согласно православным обрядам не удалось. Традиции, принятые при погребении членов русской императорской фамилии, были нарушены. Сказалось отрицательное отношение к этому сына усопшей, короля Вильгельма III, и его окружения. На отпевании в православной церкви ни король, ни принц, ни двор не присутствовали. Все королевские почести были отданы в протестантском храме.

Похоронили Анну Павловну в Амстердаме, в православном храме Святой великомученицы Екатерины, построенном императором Николаем I, в усыпальнице представителей династии Оранских-Нассау. В Петербурге в день погребения Анны Павловны была отслужена панихида в Петропавловском соборе.

Русская великая княгиня оставила о себе добрую память в Нидерландах. Спустя пять лет после смерти королевы на севере Голландии ее именем был назван город – Анна Paulovна. Это единственный случай в истории Нидерландов, когда населенный пункт был переименован в память о члене королевской династии. Недавно центральную площадь этого городка украсил памятник – «Анна на коне». На церемонию открытия пришли практически все жители. В торжественной обстановке памятник своей прапрабабушке открыла королева Нидерландов Беатрикс. За несколько лет до этого, в 1999 году, памятник Анне Павловне был установлен в Гааге: королева сидит на лавочке рядом с улицей, которая носит ее имя.

* * *

После смерти Анны Павловны остались два сына и дочь. Младший сын, Генрих, на протяжении почти тридцати лет носил титул наследного принца и был правителем великого герцогства Люксембург. Дважды он вступал в брак, но детей не имел.

Дочь София стала женой своего кузена, сына великой княгини Марии Павловны, принца Саксен-Веймарского. Скончалась и похоронена в Веймаре.

Старший сын, унаследовавший престол после смерти отца под именем Вильгельм III, женился на принцессе Софии, дочери великой княгини Екатерины Павловны, королевы Вюртембергской. За год до своего шестидесятилетия его супруга ушла из жизни. Три сына, рожденные в браке, скончались еще до смерти своего отца-короля. Это создало угрозу для продолжения рода Оранского-Нассау. После

смерти жены шестидесятидвухлетний сын Анны Павловны женился на двадцатилетней принцессе Эмме Вальдек-Пирмонтской. Вскоре в семье родилась дочь, которую назвали Вильгельминой. Больше детей не было. Король-отец умер спустя десять лет после рождения девочки. Мужского потомства у него не было.

Престол перешел к десятилетней Вильгельмине, до совершеннолетия которой страной правила в качестве регентши королева Эмма. Со смертью старшего сына Анны Павловны права на великое герцогство Люксембург, находившееся в личной унии с Голландией, были утрачены, поскольку согласно закону женщина не могла быть правящей великой герцогиней.

Королева Вильгельмина, правнучка императора Павла I, процарствовала пятьдесят лет. После нее трон занимала ее единственная дочь Юлиана, у которой тоже не было сыновей. В 1980 году она передала престол дочери Беатрикс.

Вот уже тридцать лет та является королевой Нидерландов. Сын Беатрикс, наследный принц Виллем Александр Оранский, в 1996 году посетил родину своей прапрапрабабушки, русской великой княгини Анны Павловны. Заложенные дочерью императора Павла I добрые отношения, основанные на кровных узах двух стран, остаются неизменными. Начало связям России и Голландии положил царь Петр I более трехсот лет назад.

Почти пятьдесят лет русская великая княгиня Анна Павловна прожила за пределами своей родины. На чужбине она снискала к себе неподдельную любовь и уважение подданных. Некогда скромному королевскому двору Нидерландов ей удалось придать немеркнущий блеск.

Пять дочерей императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, урожденной принцессы Софии Доротеи Вюртембергской, выполнили свой долг, предназначенный им высоким рождением.

Принцессу в жены своему сыну выбрала сама императрица Екатерина II, правда, не без содействия прусского короля Фридриха II. Мать будущей императрицы, родная племянница короля, получила от него письмо, в котором были и такие строки: *«...Не упускайте этого единственного случая, который Вам представляется и который, если упустите его, никогда более не вернется. Подумайте, до какой степени славы и величия Вы возвысите свою дочь, которая со временем послужит опорой всему Вашему семейству...»*

Случай не упустили.

Шестнадцатилетняя вюртембергская принцесса, узнав о предложении русского двора, очень обрадовалась. Ни для кого не было секретом, что в России ее ждут почет, богатство, величие. Разве это не заманчиво? *«Мне очень жаль расставаться со всеми вами, но я счастливейшая принцесса вселенной»*, – говорила юная София Доротея своим близким.

Спустя некоторое время перед российской государыней предстала девушка, которой надлежало выполнить важную задачу для императорского Дома – продолжить род царствующих Романовых. Эту задачу немецкая принцесса выполнила блестяще.

Еще до рождения детей в счастливом браке своего сына императрица Екатерина II писала своей подруге в Германию: *«Я пристрастилась к этой очаровательной принцессе, пристрастилась в буквальном смысле слова. Она именно такова, какую хотели...»*

красота, доброта сердца и искренность выражаются у нее на лице. Все от нее в восторге, и тот, кто не любит ее, будет не прав, так как она создана для этого и делает все, чтобы быть любимой. Словом, моя принцесса представляет собой все, что я желала, и вот я довольна».

А через несколько месяцев после рождения первого внука, Александра, императрица, предполагая рождение в будущем других детей в семье сына, признавалась в одном из своих писем барону Гримму, что мальчиков она любит несравненно больше чем девочек. При этом она откровенно высказывала опасения о судьбе своих будущих внучек, заранее зная, что женихов для них нужно будет искать за пределами России.

Так исторически сложилось еще до царя Петра I. Царевен не выдавали замуж за российских подданных во избежание придворных интриг и вмешательства новых родственников в дела государства, а найти хороших иностранных женихов, как понимала умная и практичная Екатерина II, было непросто. Сложными могли оказаться, как она знала, вопросы о сохранении православия царских дочерей и о будущем быте великих княжон, выросших в роскоши петербургского двора, в атмосфере любви близких и родных.

Императрица, как можно было убедиться, оказалась права. Доказательством этому является различная судьба ее пятерых внучек.

* * *

Дальнейший рассказ пойдет о правнучках Екатерины II, родившихся в России от детей ее сына.

Старший, Александр, наследовавший российский престол после убийства его отца, скончался в 1825 году, не оставив потомства. Все девочки, родившиеся в супружестве с принцессой Баденской, императрицей Елизаветой Алексеевной, умерли во младенчестве, и больше детей не было.

Второго сына, Константина, женили на принцессе Саксен-Кобургской, нареченной в православии Анной Федоровной, но семейная жизнь молодых супругов продлилась лишь четыре года. Великая княгиня уехала для лечения за границу и больше в Петербург не вернулась. Только двадцать лет спустя брак с позволения императора Александра I был расторгнут. В 1820 году великий князь Константин Павлович заключил морганатический брак с польской графиней Грудзинской, которой даровал титул княгини Лович. Из любви к ней он отказался от престола.

После неожиданной смерти императора Александра I престол занял его младший брат, великий князь Николай Павлович, к тому времени уже женатый на прусской принцессе Шарлотте, которая стала императрицей Александрой Федоровной. Он был объявлен царем неожиданно для себя и для всех других в декабре 1825 года. (Об отречении его старшего брата, цесаревича Константина, ранее не было известно.) Однако первая ступень к трону, на который взошел Николай I, обогрилась кровью: часть гвардейских полков отказалась от присяги с требованием ввести демократическую форму правления и отменить монархию. По бунтовщикам стреляли, было много жертв. Зачинщиков арестовали, пятерых из них повесили, больше ста участников мятежа, так называемых декабристов, сослали на каторгу. *«Это было мрачным началом при вступлении на трон моего отца»*, – вспоминала его дочь Ольга.

Все это произошло в тот год, когда в семье внука императрицы Екатерины II, императора Николая I, родилась третья дочь – Александра.

Ее трагическую смерть, о которой речь пойдет ниже, отец считал наказанием Бога за кровь, пролитую в год рождения великой княжны.

**Внучки императора
Павла I**

Александра Николаевна

Великая княжна, принцесса Гессен-Кассельская, младшая дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны.

Александра родилась 12 июня 1825 года в Царском Селе. Она была третьей дочерью императорской четы. Свое имя великая княжна получила в честь великой княгини Александры Павловны, в замужестве эрцгерцогини Австрийской, палатины Венгерской, старшей сестры императора Николая I. Адини-сокровице, как называли девочку в семье, воспитывалась вместе со своими сестрами, великими княжнами Марией и Ольгой. Но уже с раннего детства и характером и поведением она не была на них похожа. По словам современников, это была *«прелестная девочка, беспечная, как жаворонок, распространявшая вокруг себя только радость. Она привлекала к себе своей болтовней и богатой фантазией... В одиннадцать лет она могла вести за столом разговор, сидя рядом с кем-нибудь незнакомым, как взрослая, и не казаться преждевременно развитой: ее грациозная прелесть и хитрая мордочка говорили за себя. Все в доме любили ее, дети придворных ее возраста просто обожали»*.

Но чаще всего Адени предпочитала быть «сама с собой»: любила одиночество и тишину и уже в десять лет детским веселым играм предпочитала музыку. Она самозабвенно слушала сонаты и симфонии Бетховена, а в тринадцать лет уже хорошо исполняла классические пьесы.

Когда Александре исполнилось четырнадцать лет, у нее обнаружился голос – великолепное сопрано. Придворные дамы, понимавшие толк в пении, время от времени занимались с ней, в результате она даже могла петь дуэтом с преподавателем пения театрального училища. Великая княжна была очень польщена тем, что он принимал ее всерьез.

Для развития вокального дарования своей младшей дочери мать-императрица пригласила учителя из Италии. Однако со временем голос великой княжны стал постепенно меняться – что-то нарушало ритм дыхания. Но родители не сразу обратили внимание на эти перемены. Полагали, что это последствия простудного заболевания. Сестра Ольга потом вспоминала: *«Ее английская воспитательница, поставившая себе задачей закалить Адени, выходила с ней на прогулку во всякую погоду, что в один прекрасный день вызвало сильный бронхит и ее жизнь была в опасности. Благодаря своему прекрасному организму она оправилась совершенно, но с болезнью исчез в ней ребенок. Близость смерти сделала ее совершенно иной. Смысл жизни и мысли о потустороннем стали занимать ее... И, несмотря на это, она отнюдь не была натурой, которые теряются в неведомом, она осталась по-прежнему веселой, стала только более спокойной и гармоничной...»*

«Мы много говорили с ней, особенно о будущем, – вспоминала Ольга, – чаще всего речь шла о наших будущих детях, которых мы же страстно любили и ве-

рили, что внушим им уважение ко всему прекрасному и прежде всего к предкам и их делам... Наши будущие мужья не занимали нас совершенно, было достаточно, что они представлялись нам безупречными и исполненными благородства». (Ни той ни другой девушке не суждено будет стать матерью. Но разве могли они тогда знать об этом?)

Великая княжна Ольга между тем перешагнула свое двадцатилетие. Старшая дочь императора Мария была уже замужем. Находясь с семьей в Италии, она написала родителям, что познакомилась в Риме с принцем Гессенским, который ей понравился. По ее мнению, его можно было бы рассматривать как кандидата в мужья великой княжне Ольге. Стали, естественно, собирать сведения. Герцогу Лейхтенбергскому, супругу Марии Николаевны, поручили «прощупать почву», хотел бы принц Фридрих Вильгельм – так звали молодого человека – посетить Россию. Тот с радостью согласился.

В июне 1843 года принц Фридрих Вильгельм, ландграф Гессен-Кассельский, сын курфюрста Вильгельма, получил официальное приглашение от российского императора приехать в Россию.

Приглашая высокого гостя, Николай I и его супруга полагали, что двадцатидвухлетний гессенский принц, красивый молодой человек, получивший образование в Боннском университете, вполне мог бы составить хорошую партию для великой княжны Ольги, которой к тому времени уже исполнился двадцать один год. По материнской линии принц приходился племянником королю Дании Христиану VIII и считался наследником датского престола, по отцу он был претендентом на трон Гессен-Касселя. Достойная партия для их дочери, считали августейшие родители.

Гессенский ландграфский дом стал известен с середины XIII века. В XVI веке он приобрел большой авторитет среди протестантских династий: ландграф Филипп Гессенский сумел организовать коалицию против габсбургских католиков. Также он был активным участником подавления крестьянских бунтов.

При жизни сыновей ландграфа гессенский Дом разделился на две ветви – кассельскую и дармштадтскую (по названию городов). Из гессен-кассельских ландграфов особую известность приобрел Фридрих II: имея долги, он «продал» Англии для войны с американскими колонистами 17 тысяч человек из своего войска за 21 тысячу талеров – огромная сумма для того времени. После его смерти трон перешел к Вильгельму IX, который самолично воевал в Америке. В 1803 году он получил титул курфюрста, то есть князя, с правом голосовать на выборах императора Священной Римской империи. Этот титул прекратил свое существование после роспуска Священной Римской империи в 1806 году, за исключением Гессен-Касселя, правитель которого сохранил его и после Венского конгресса 1815 года с добавлением «королевское высочество».

Принц Гессенский, получив приглашение, приехал в Петербург вместе со своим студенческим другом Фридрихом Францем, год назад занявшим престол Мекленбург-Шверина. Это был первый официальный визит великого герцога в Россию, внука родной сестры российского императора Елены Павловны, рано скончавшейся кронпринцессы Мекленбургской. Прием был оказан самый сердечный. В честь внучатого племянника и его друга устраивались парады и маневры, поездки по окрестностям

столицы, пикники. Этому сопутствовали танцы на балах, прогулки с кузинами, вечера в кругу романовской семьи.

Несколько недель Фридрих Вильгельм гостил в Петергофе, где проводила летние месяцы императорская семья. Своим простым обхождением он завоевал всеобщие симпатии.

Почему выбор российского императора пал именно на немецкого принца Гессен-Кассельского? Возможно, его прельщали родственные связи этой династии не только с датскими, но и со шведскими королями: Фредерик, супруг сестры короля Карла XII Ульрики Элеоноры, был сыном гессенского ландграфа.

Но планам императорской четы не суждено было сбыться. Фридрих Вильгельм обратил внимание на младшую дочь, Александру, которой только что исполнилось восемнадцать лет.

Ольга потом вспоминала: *«Мы с Троицы жили в Петергофе, в Летнем дворце, оба молодых человека остановились у нас. Адини, которая была простужена и кашляла, не появилась за ужином в первый день их посещения. Фриц Гессенский сидел за столом подле меня. Мне он показался приятным, веселым, сейчас же готовым смеяться, в его взгляде была доброта. Только на следующий день, незадолго да бала в Большом Петергофском дворце, он впервые увидел Адини. Я была при этом и почувствовала сейчас же, что при этой встрече произошло что-то значительное. Я испугалась; это было ужасное мгновение. Но я сейчас же сказала себе, что я не могу стать соперницей собственной сестры. Целую неделю я страшно страдала. Мои разговоры с Фрицем Гессенским были совершенно бессмысленны: он вежливо говорил со мной, но стоило только появиться Адини, как он сейчас же преображался».*

Младшая дочь императорской четы действительно произвела на принца неотразимое впечатление не только своим чудесным голосом и неповторимой воздушной грациозностью, но и богатством необыкновенно тонкой души. Великая княжна Александра со всей откровенностью призналась Ольге: «Он мне пожал руку, я на вершине блаженства». В этих словах старшая сестра почувствовала искренность взволнованного сердца, охваченного мгновенной страстью.

Принц Гессенский предложил великой княжне Александре выйти за него замуж. Не дав ему определенного ответа, Адени пришла в кабинет к отцу, с которым обычно старалась говорить нечасто из боязни неправильно произносить русские слова. (Поскольку ее воспитательницей была англичанка, она не научилась свободно говорить на родном языке.) Великая княжна попросила отца согласиться на этот брак. Она призналась, что, вопреки правилам этикета, уже обнадеежила принца в их возможном счастье. Отец-император благословил дочь, сказав, однако, что нужно еще получить согласие датского двора, поскольку гессенский принц, являясь племянником Христиана VIII, может стать наследником престола.

Спустя десять дней молодые люди объявили о своей помолвке. Родители Александры не возражали против такого поворота событий, хотя знали, что жить младшей дочери придется в Дании. С этой страной Россия пока еще не имела близких родственных связей.

Император Николай I пожаловал высокородному избраннику дочери главный орден Российской империи – Святого апостола Андрея Первозванного, взяв тем самым, как гарант неприкосновенности европейских престолов перед лицом врагов монархии, покровительство над небольшим немецким княжеством.

Императрица Александра Федоровна написала своему брату, прусскому королю Фридриху Вильгельму III: *«Мы очень довольны этим радостным событием. И хотя мы желали, конечно, чтобы прежде предстала перед алтарем наш ангел Олли, тем не менее не устаем благодарить небо за то, что оно даровало нашей Адини такого милого, доброго, юного жениха».*

Бракосочетание было назначено на январь следующего года. Молодым людям пришлось расстаться.

* * *

Когда принц в декабре 1843 года приехал в Петербург, он заметил резкую перемену в своей невесте – на ее лице появилась болезненная бледность, она часто кашляла. Однако это не показалось причиной, чтобы откладывать венчание.

26 декабря состоялось официальное празднование помолвки, а на следующий день был устроен большой прием. К предстоящим свадебным торжествам в Петербург приехал отец жениха, курфюрст Вильгельм. 16 января 1844 года в Малой церкви Зимнего дворца восемнадцатилетняя великая княжна Александра Николаевна вступила в брак с гессенским принцем Фридрихом Вильгельмом. В один день со своей кузиной венчалась и дочь великого князя Михаила Павловича, младшего брата императора, великая княжна Елизавета. Она выходила замуж за герцога Нассауского.

Сотни приглашенных гостей собрались на торжество. От красавиц невест нельзя было оторвать глаз. Однако многих поразили болезненный вид младшей дочери императора.

После свадьбы герцог Нассауский уехал с молодой женой к себе на родину. Александра же по причине

нездоровья вместе с мужем поселилась на время в Зимнем дворце. Она простудилась, когда возвращалась с бала от министра Нессельроде. Одно из окон экипажа по недосмотру лакея было неплотно закрыто, и это при десятиградусном морозе. По-видимому, девушку сильно продуло, и на следующий день она проснулась с «жаром», как тогда говорили.

«Никто не придавал этому серьезного значения, — писала в своих «Воспоминаниях» великая княгиня Ольга Николаевна. — Адини появилась, как всегда, за завтраком, а также вечером к обеду, зная, что родители ее ждали, ведь она вскоре должна была покинуть их. Так было и на следующий день. Я сама не заметила в ней никакой перемены, когда мы, занятые никогда не иссякавшим разговором двух сестер между собой, сидели вместе. С живостью она рассказывала мне о своем плане совместной жизни с Фрицем. Она хотела развить Фрица морально и духовно, хотела читать с ним, главным образом Плутарха, чтобы пример благородных мужей помог ему. Она подзревала в нем склонность искать развлечений в неравном себе обществе, однако была убеждена, что вскоре совершенно изменит его: «Мы ведь так любим друг друга».

Между тем состояние молодой женщины с каждым днем становилось хуже и хуже. Об отъезде в Гессен (планировалось заехать еще в Данию) не могло быть и речи. Пока! Казалось, что «пока», так как представленные к Александре врачи серьезной опасности не видели. И хотя императрица была очень обеспокоена болезнью своей дорогой Адини, уже ожидавшей ребенка, мнение врачей несколько успокоило родителей. Император-отец уехал в Лондон, не думая ни о чем плохом. Уезжая, он сказал Александре при прощании: «До свидания в Копенгагене!»

Однако мать, словно что-то предчувствуя, неделей позже созвала консилиум и по обрывкам латинских фраз, произносимых докторами в ее присутствии, поняла, что положение тяжелое. Поставлен был жестокий диагноз – скоротечная чахотка. Одно легкое великой княгини было настолько поражено, что надежды на выздоровление практически не было. Лечение болезни усложнялось в связи с беременностью.

Императрица Александра Федоровна срочно послала в Лондон курьеров. Прервав визит, государь незамедлительно выехал в Петербург. Дочь все это время находилась в Царском Селе. Из морского плавания возвратился и брат Александры, великий князь Константин, адмирал флота. С ним у младшей дочери царя была особая близость. Слушая его рассказы о только что виденном Копенгагене, предназначенном ей для жизни, она, казалось, несколько ожила, на лице появилась слабая улыбка.

Благотворно на больную подействовал и деревенский воздух. Она могла посидеть недолго в саду или даже совершить небольшую прогулку в экипаже с мужем, чтобы показать ему свои любимые места. Когда же великой княгине сказали, что Фридриху следовало бы некоторое время пожить отдельно от нее, Александра даже расплакалась, ей хотелось быть всегда рядом со своим мужем. Он в свою очередь был очень нежен со своей молодой женой, которой ниспослано было столько страданий.

В середине июня за несколько дней до девятнадцатилетия состояние больной резко ухудшилось. А накануне дня рождения Александра причастилась.

С того дня, как она приняла причастие, всем стало казаться, будто болезнь приостановила свое разрушительное действие. *«Мы, – писала в воспоминаниях Ольга, – обнадеженные этим, воображали, что*

это улучшение. Мама говорила о поездке в Берлин, что позволило бы ей сопровождать Адина при ее поездке в Копенгаген, по крайней мере до Штеттина, так как ребенок должен был родиться в Копенгагене. 30 июля акушерка установила первые движения ребенка... Начиная с этого дня ни одной жалобы больше не сорвалось с ее губ. Она думала только о ребенке, и только ему она посвятила свою болезнь. Лежа у окна, она смотрела на синеву неба. Так она лежала, часто со сложенными руками в немой молитве. «Неужели не смогу вынести своего ребенка до конца?» – словно вопрошала бедная женщина. А губы ее шептали: «Пусть будет, как угодно Господу!» От худобы обручальное кольцо спадало с ее пальца. Папа дал ее тогда совсем маленькое колечко, которое держалось на нем. Это кольцо я ношу по сей день ровно сорок лет.

Схватки начались в ночь с 28 на 29 июля. Роды были преждевременными. «Фриц, Фриц! – вскричала она. – Бог хочет этого!..» Ребенку было только шесть месяцев. В этот момент меня впустили к ней. «Оли, – выдохнула она, в то время как я нежно поцеловала ее руку. – Я мать!» Затем она склонила лицо, которое было белое, как ее подушки, и сейчас же заснула. Лютеранский пастор крестил ее маленького под именем Фриц Вильгельм Николай. Он жил до обеда. Адини спала спокойно, как ребенок. В четыре часа пополудни она перешла в иную жизнь».

Так трогательно и нежно описывает эту трагедию семьи будущая королева Вюртембергская, сестра той, которой не привелось, как ей самой, долгие годы прожить на чужбине...

Отец-император плакал, не стесняясь своих слез. Смерть любимой дочери он считал наказанием за кровь, пролитую в год ее рождения...

«Видеть папу было поистине душераздирающе, – вспоминала Ольга. – Совершенно внезапно он превратился в старика. Мама много плакала».

2 августа 1844 года по улицам Петербурга двигалось печальное шествие. В закрытом ландо везли гроб с преждевременно скончавшейся дочерью царя, принцессой Гессенской.

Вместе с сыном-младенцем Александра была похоронена в Петропавловском соборе Петропавловской крепости. Великий князь Константин Николаевич написал в дневнике о дне погребения сестры такие строки: *«Настал, наконец, тяжелый последний день. Не забуду я никогда, как гроб понесли, как папа вполголоса сказал: «С Богом», как гроб медленно стал спускаться в тихую могилу, как мы все бросили на него землю, как, наконец, я в последний раз взглянул на него в глубине могилы – и все исчезло с лица земли, что было Адини».*

* * *

Так драматично сложилась судьба младшей дочери императора Николая I. Ей не пришлось покинуть свой родной дом. Но какой ценой!

В память о великой княгине Александре в Петербурге в 1848 году были открыты детский приют ее имени и Александрейская женская клиника. А спустя два года в Царском Селе, где прошли последние дни любимой дочери российского императора, возвели памятник в виде часовни со статуей великой княгини с ребенком на руках. В парке Петергофа была сооружена мемориальная скамья памяти Александры. Заново восстановленная в 2000 году, «Скамья-памятник» и сейчас привлекает посетителей.

На годовщину смерти великой княгини Александры Николаевны приехал овдовевший принц Гессен-Кассельский, покинувший Россию после ее похорон. Девять лет он носил траур по своей усопшей супруге. Вопрос о наследовании датского престола был рассмотрен: после смерти Христиана VIII в январе 1848 года трон занял сын короля, Фридрих VII.

За год до этого скончался курфюрст Вильгельм II Гессен-Кассельский, отец наследного ландграфа, который и унаследовал престол. Этот высокий титул он носил до 1866 года, когда бывшее курфюршество Гессен-Кассель вошло в состав королевства Пруссии на правах земли. В настоящее время его территория является частью федеральной земли Гессен со столицей Франкфурт-на-Майне.

В мае 1853 года по настоятельному совету Гогенцоллернов и с согласия императора Николая I гессенский принц вновь вступил в брак – с прусской принцессой Марией Анной, внучкой великой княгини Марии Павловны, дочерью ее сына Карла Александра. Так он некоторым образом опять породнился с Романовыми.

В семье родилось шестеро детей. Всю оставшуюся жизнь Фридрих Вильгельм, последний монарх в истории Гессен-Касселя, провел в Германии, где и скончался в 1884 году в возрасте шестидесяти четырех лет.

Годом позже после смерти младшей дочери императора Николая I вдали от России ушла из жизни и его племянница Елизавета Нассауская, вставшая под венец в один день с Александрой. Но об этом пойдет речь в следующем повествовании.

Ольга Николаевна

Большая княжна, королева Вюртембергская, дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны.

Ольга родилась в 1822 году, когда ее отец еще не занимал российский престол. Это произошло лишь три года спустя. Она была второй дочерью в семье, росла и воспитывалась вместе со своими сестрами, великими княжнами Марией и Александрой. *«По возрасту я была между ними обеими: на три года моложе Мэри, на три года старше Адени – и часто чувствовала себя немного одинокой»*, – написала она в своих «Воспоминаниях».

Как и все дети, Ольга до семи лет находилась под присмотром английской няни, затем к ней были представлены различные преподаватели. Она усердно изучала иностранные языки и историю, занималась музыкой и рисованием. Обучение проходило под руководством ректора Санкт-Петербургского университета профессора Петра Александровича Плетнева и известного поэта Василия Жуковского, который был воспитателем всех царских детей.

Тихая и скромная девочка отличалась особой впечатлительностью и сосредоточенностью. *«Мои сест-*

ры были жизнерадостными и веселыми, я же серьезной и замкнутой. От природы уступчивая, я старалась угодить каждому, часто подвергалась насмешкам и нападкам Мэри, не умея защитить себя. Я казалась себе глупой и простоватой, плакала по ночам в подушку и стала представлять себе, что я совсем не настоящая дочь своих родителей, а подменена кормилицей: вместо их ребенка она положила мою молочную сестру». Так Ольга много позже вспоминала про свои переживания раннего детства.

Понимая, что дочерей со временем придется отдавать замуж в другие страны и они, по всей видимости, станут супругами немецких принцев, мать-императрица, лично следившая за воспитанием девочек, старалась приучать их к будущей семейной жизни.

Семья императора Николая I была счастливой, и детям в ней жилось хорошо. Они видели родительскую привязанность друг к другу, всегда чувствовали их любовь и заботу. Обстановка, в которой они жили, была строгой и простой. По свидетельству современников, комнаты сестер на первом этаже Зимнего дворца были лишены роскоши, все было обставлено без излишеств – ни ковров, ни фарфора, ни мрамора. Вот только рояль да библиотека, пополняемая каждой великой княжной из собственных карманных денег. Даже свечи отпускались строго по норме.

Весной семья обычно покидала столицу и все лето проводила в Царском Селе или в Петергофе вблизи моря. В конце октября вновь переезжала в столицу. И опять проходили занятия согласно установленному расписанию и прогулки на свежем воздухе при любой погоде.

Самыми радостными для детей были дни рождественских праздников. В сочельник вся семья собиралась у наряженной елки. Обычай украшать елку

в Рождество пришел в Россию из Пруссии по инициативе и желанию Александры Федоровны. Обычно в этом принимали участие все ее дети, а на праздник приглашались и дети прислуги. Отец и дети садились сначала каждый за свой стол с небольшой елочкой, украшенной разными подарками, приготовленными матерью для каждого соответственно возрасту. Затем все выходили в другой зал, где стоял длинный стол с подарками для прислуги и их детей. Эти праздники Ольга всегда вспоминала с нежностью. Ее детство было согрето общей любовью.

С годами великая княжна Ольга Николаевна превратилась в настоящую красавицу. Высокая, стройная, с большими ясными глазами и длинными пушистыми ресницами, она привлекала к себе внимание всех. *«Невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность, – вспоминали о ней современники. – ...При грациозной походке, при идеальной чистоте взора в ней было что-то, право, неземное».* А что касается характера, то все считали, что, несмотря на внешнюю мягкость, эта дочь императора *«одарена рассудком холодным, умом здравым и вместе с тем большим самолюбием. ...Она знает, что делать, как поступать, какое слово молвить, кого и как сильно любить».*

Но, несмотря на холодный рассудок, Ольга в семнадцать лет не смогла скрыть своих чувств к князю Александру Барятинскому, красивому, мужественному человеку, который, как заметили при дворе, был ею сильно увлечен. Как можно понять из воспоминаний современников, князь, не желая привлекать внимания к своему роману, вел себя очень осторожно. Ведь при малейшем поводе с его стороны расправа отца-императора была бы короткой и суровой. И тем не

мене в свете начали говорить, что Александр намеревается жениться на Ольге. А это уже рассматривалось как дерзость. Его называли безумцем. Князь же, убедившись во взаимности, был тверд в своем решении. Его не смущала «императорская кровь» избранницы. Ведь Бярятинские вели свой род от Рюриковичей.

Однако дерзкому замыслу князя не суждено было претвориться в жизнь. Августейшие родители Ольги, которые поначалу, казалось, не замечали увлечения своей дочери, сумели на нее повлиять. Великая княжна поняла, что надеяться на чудо не стоит: внезапной милости судьбы, которая может расщедриться и разрешить ей соединить свою жизнь с тем, кого выбрало сердце, не будет. А значит, ее ждет участь всех дочерей императорского Дома – супружество с одним из европейских принцев и жизнь вдали от родины. Это ее долг, и его требуется исполнять.

* * *

После замужества старшей сестры – великая княжна Мария Николаевна в 1839 году вышла замуж за герцога Лейхтенбергского, который, получив чин генерал-адъютанта и титул императорского высочества, переехал на постоянное жительство в Россию, – Ольга неизменно находилась при матери. Но мысль, что вряд ли ей, как старшей сестре, удастся остаться в родном гнезде, постоянно тревожила красивую голову великой княжны.

Вместе с матерью-императрицей Ольга в 1840 году посетила Веймар, где проживала великая княгиня Мария Павловна. О своей тете она в своих воспоминаниях написала много приятных слов. *«Папа любил эту свою старшую сестру почти сыновней любовью.»*

Мне она казалась воплощенным долгом. Замужем в течение тридцати пяти лет за смешным мужем, она никогда не знала слабости...»

Между тем отца-императора начал беспокоить вопрос о браке его второй дочери. Правда, мысль о том, что, подыскав в европейских владетельных домах подходящую кандидатуру, ему придется с ней расстаться, очень огорчала его. Великая княжна Ольга, красивая, знающая несколько иностранных языков, увлекающаяся игрой на пианино и живописью, считалась одной из лучших невест в Европе. После старшей дочери, которая вышла замуж за принца ниже ее по рангу, Ольге августейшие родители хотели найти более перспективного супруга.

Но время шло, а таковой не определялся. При дворе недоумевали: «Как, в девятнадцать лет все еще не замужем?» И это при том, что претенденты на руку красавицы уже объявлялись.

Еще в 1838 году в Берлине, где шестнадцатилетняя великая княжна Ольга была вместе с родителями, она привлекла внимание наследного принца Максимилиана Баварского. Но он ни ей, ни родным не понравился.

Год спустя император стал прочить дочь-невесту в жены австрийскому эрцгерцогу Стефану, решив – по политическим соображениям – восстановить родственный союз с габсбургским Домом, так трагично прервавшийся в 1801 году. Молодой эрцгерцог был старшим сыном венгерского палатина Иосифа, первым браком женатого на старшей сестре Николая I, скончавшейся при родах. Эта кандидатура в мужья Ольги была выбрана неслучайно. Еще в 1839 году старший сын российского императора, наследник престола Александр, путешествуя по Европе, подружился с эрцгерцогом во время визита в Вену. Молодой Сте-

фан заметно выделялся своими способностями, что, как полагали, предвещало ему блестящее будущее. Славянин по духу, он любил Венгрию и свободно говорил по-венгерски, что отличало его от других придворных венского двора. В Будапеште в нем видели наследника его отца-палатина.

Вопрос о браке дочери российского императора с эрцгерцогом Стефаном активно обсуждался. Но габсбург-лотарингский Дом под различными предложениями свой ответ откладывал.

Между тем неожиданно пришло предложение руки и сердца от другого эрцгерцога – Альбрехта, двоюродного брата Стефана, не столь привлекательного и значительно его старше. Принц Альбрехт видел великую княжну Ольгу в Петербурге, который посетил в 1839 году. Тогда-то он и пленился красотой дочери императора. Пользуясь ситуацией – о браке кузена еще не было принято окончательного решения, – он направил письмо Николаю I, в котором просил руки великой княжны.

Как же отнеслась Ольга к этому предложению? Об этом она написала в своих «Воспоминаниях»:

«Он был мне симпатичен, я питала к нему уважение и дружеские чувства. Но, несмотря на все это, я почему-то испытывала к нему физическую неприязнь, отчего о браке не могло быть и речи. Ему был послан отказ – ведь в это время велись переговоры относительно Стефана... передо мной витал его образ...»

Наконец пришел долгожданный ответ из Вены. В письме говорилось, что *«брак Стефана и Ольги Николаевны, исповедующих разные веры, представляется для Австрии неприемлемым. Эрцгерцогиня русского происхождения может стать опасной для государства из-за того, что среди славянского населения*

«взрывоопасных» областей Австрии могут возникнуть брожения».

Таким образом, венский двор не пожелал, чтобы в стране, а тем более в Будапеште, появилась русская великая княжна, опасаясь вновь иметь палатину православной веры. Новый союз с австрийскими Габсбургами, в котором Россия видела большую будущность, не состоялся.

Сам же эрцгерцог Стефан, который, как было известно, симпатизировал русской княжне, сообщил, что, зная о чувствах Альбрехта, «посчитал правильным отойти в сторону».

(Эрцгерцог Стефан, будущий австрийский наместник императора в Чехии, так и не женился. Он скончался в пятьдесят лет, не оставив потомства. Эрцгерцог Альбрехт, в будущем фельдмаршал Австрии, женат был, скончался в 1895 году.)

После всех этих политических интриг Ольга решила, что не будет спешить с замужеством. Она говорила, что ей и так хорошо и что она счастлива оставаться дома. Любящий отец решил не настаивать, заверив дочь, что она свободна и может, как и ее старшая сестра, выбирать, кого хочет.

Между тем в поиски жениха для племянницы своего мужа включилась великая княгиня Елена Павловна, которая возмечтала, чтобы император выдал свою дочь за ее брата, принца Фридриха Вюртембергского. Разница в возрасте супругу брата государя не смущала. Ольгу она уверяла, что ее брат заинтересовался ею уже после своего первого визита в Россию в 1837 году. Расхваливая его на все лады, великая княгиня подчеркивала особенно, *«какие блестящие перспективы открывались перед ним ввиду того, что кронпринц Карл слишком болезнен и слаб, чтобы управлять государством».*

«Так она судила о моем дорогом Карле! – с возмущением вспоминала Ольга в своих мемуарах. – Кто мог думать о том, что в один прекрасный день я стану его счастливой женой! ...Я рассказала все маме, в ужасе и задыхаясь от негодования. Он был вдвое старше меня. Он сверстник моих родителей. К нему я относилась как к дяде...»

Принцу Вюртембергскому в любезной форме было отказано. После чего, как казалось племяннице, тетя стала ее недолюбливать. Между тем мать Ольги продолжала усиленно собирать сведения о всех возможных женихах в европейских владетельных домах. Остановилась на герцоге Адольфе Нассауском, что чуть не привело к разрыву с великой княгиней Еленой Павловной. Столь выгодную по всем параметрам партию она уже предназначила для своей дочери Елизаветы, которая была моложе Ольги на четыре года. «Суд» вершил сам император. Он принял «соломоново решение», предоставив выбор самому герцогу Адольфу. Тот захотел взять себе в жены великую княжну Елизавету. А вот его родной брат, принц Мориц, вместе с которым он приезжал в Россию, чтобы просить руки племянницы императора Николая I, стал оказывать знаки внимания Ольге.

Та написала о нем: *«Это был красивый мальчик, хорошо сложенный, очень приятный в разговоре, с легким налетом сарказма. Он быстро завоевал наши симпатии, мне же он нравился своим великодушием, а также откровенностью... Мое сердце билось, как птица в клетке. Каждый раз, когда оно пыталось взлететь вверх, оно сейчас же падало обратно».*

Она стала подумывать о браке с молодым герцогом, но потом все же отказалась от этой мысли, считая, что жена должна следовать за мужем, а не муж входить в отечество жены, на что Мориц был согла-

сен. Ольге казалось унижительным, что ее супруг будет играть в семье ту же роль, какая выпала на долю мужа сестры Марии, герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому.

* * *

В 1844 году царскую семью постигло страшное горе – скончалась младшая дочь, великая княжна Александра. В связи с этой трагедией здоровье матери-императрицы настолько пошатнулось, что врачи стали считать ее состояние опасным. Ей было рекомендовано длительное лечение за границей. Супруга Николая I выехала в Италию. Ее сопровождала дочь Ольга. По дороге заехали в Веймар, чтобы навестить тетю Марию, великую герцогиню Саксен-Веймарскую. Прибыв в Италию, все разместились на вилле в Палермо. Казалось, вся обстановка располагала к выздоровлению императрицы, но почувствовала она себя лучше лишь через несколько недель и только тогда смогла принимать гостей.

Одним из них был наследный принц Вюртемберга Карл Фридрих Александр. Он приехал с целью поближе познакомиться со своей молодой родственницей, о красоте которой был наслышан. Первое знакомство с ней состоялось еще шесть лет назад, когда Ольга вместе с отцом приезжала в Штутгарт, где Николай I посетил семью короля Вюртембергского, бывшего супруга сестры Екатерины Павловны, в замке Фридрихсхафен.

Увидев вновь великую княжну, принц воочию смог убедиться, какой красавицей она стала. Рассказывали, что как-то во время прогулки по городу к Ольге, протиснувшись через толпу людей, желав-

ших посмотреть на гостей из России, подошел какой-то человек. На вопрос, что ему нужно, он ответил: *«Я художник и хочу видеть вблизи первую красоту в мире»*. И, обращаясь к девушке, сказал: *«Хоть на одно мгновение задержите на мне свой взгляд, и я за него отдам половину моей жизни!»*

Неудивительно, что уже после нескольких дней общения с дочерью российского императора наследный принц Вюртембергский был так ею очарован, что без промедления попросил ее руки. На этот брак последовало согласие со стороны как родителей невесты, так и родителей жениха. Там же, в Палермо, 18 января 1846 года Карл Фридрих Александр, единственный сын короля Вильгельма I Вюртембергского в его третьем браке с Паулиной – он женился на ней в 1820 году после смерти своей первой жены, великой княгини Екатерины Павловны, – обручился с великой княжной Ольгой. Ей двадцать три года, ему двадцать два. Всем казалось, что между молодыми людьми возникла взаимная симпатия.

Свадьба состоялась 1 июля того же года в Петергофе, в день рождения матери-императрицы. Этот же день был днем ее бракосочетания с великим князем Николаем Павловичем, будущим императором, отцом Ольги. Посчитали, что это число должно принести счастье новой паре. Как сообщают современники, *«целый день звонили колокола, иллюминацией были украшены дома даже в Петербурге. Император пожелал дочери: «Будь Карлу тем же, чем все эти годы была для меня твоя мама»*.

После праздничного обеда состоялся бал, на который была приглашена вся знать обеих столиц. Среди гостей, поздравлявших «высоконовобрачных», был и князь Александр Барятинский. (Позже стало известно, что спустя несколько дней он подал прошение

государю об отправке его в действующую армию на Кавказ. Просьба была удовлетворена. А Ольга в воспоминаниях, написанных на склоне лет, ни единым словом не обмолвилась о своей первой любви и ничем не обнаружила своего сожаления, что ее счастливое детство сменилось иными временами – когда ей дали понять, что она не вправе распоряжаться собственной судьбой.)

Торжества, балы, приемы длились две недели. До конца сентября молодожены проживали в летних царских резиденциях. Затем – прощание с родными и долгий путь в Штутгарт, столицу Вюртемберга.

Своему наставнику и учителю Василию Жуковскому великая княгиня Ольга, принцесса Вюртембергская, написала: *«Утешительно в минуту разлуки думать, что незабвенная бабушка (императрица Мария Федоровна) родилась в этой земле, где мне суждено жить и где Екатерина Павловна оставила о себе так много воспоминаний. Там любят русское имя, и Вюртемберг соединен с нами многими узами».*

С каким настроением любимая дочь императора Николая I ехала в чужую страну – понять можно. Когда пограничный столб с двуглавым российским орлом остался позади, ей взгрустнулось до слез. Ольга Николаевна еще не забыла свою первую встречу с королевской семьей, членом которой ей отныне предстояло стать. Жизнь ее она опишет спустя тридцать пять лет в воспоминаниях о своем детстве и юности, которые назовет «Сон юности». О приеме в честь русских гостей (речь идет о визите Николая I с женой и детьми в 1838 году) написано следующее: *«Там были королева (Паулина), еще очень красивая женщина, три дочери, причем младшая, Екатерина, прелестная и очень женственная. Наследному принцу (впоследствии моему мужу) было пятнадцать лет.*

Это был симпатичный мальчик с интересным, но грустным лицом. Его отец, отличавшийся трудным характером, относится к нему нехорошо... Все были довольно молчаливы, не было уюта и чувства симпатии друг к другу... Папа был счастлив поскорее уехать оттуда...»

Об обстановке, в которой вырос ее будущий муж, Ольга Николаевна написала так: *«Карл Вюртембергский никогда не знал счастливого детства или любящих родителей... Он вырос одиноким, и потребность в ласке была очень велика».*

Отец молодого супруга великой княгини, король Вильгельм I, был явно доволен женитьбой своего единственного сына. Правда, особых политических выгод от этого брака он не видел, поскольку отношения между Вюртембергом и Россией никак не влияли на европейскую политику. Но его, несомненно, радовало возобновление династической и политической связи с мощной русской империей. Возникла она благодаря замужеству его тети Софии Доротеи с будущим русским императором Павлом I. Императрица Мария Федоровна, урожденная принцесса Вюртембергская, являлась бабушкой его невестки, великой княгини Ольги Николаевны, которая славилась своей красотой и талантами и считалась одной из самых лучших партий в Европе.

Со своим будущим свекром, не совсем легкий характер которого Ольге бросился в глаза еще во время первого знакомства шесть лет назад, она встретилась вновь в Зальцбурге в качестве невесты принца Карла. Вильгельму I было уже шестьдесят четыре года. *«Король смотрел на меня, – вспоминала она, – поблекшими глазами с любопытством. На следующий день этот взгляд был более благосклонным... Его настроение не было блестящим. Милая, добрая короле-*

ва, которая знала все выражения его лица, казалось, ожидала грозы и была совершенно сконфужена». Через день король Вильгельм и племянница его бывшей жены встретились на прогулке. И снова Ольга отметила непростой характер отца своего будущего мужа: «...Тон, которым он обращался ко мне, был скорее галантным, чем сердечным... Казалось, он избегал всего, чем можно было вызвать атмосферу непринужденной сердечности. Такое поведение казалось мне, с детства привыкшей к свободе и открытости, совершенно непонятным, и мое сердце сжималось от мысли, что мне придется жить под одним кровом с человеком, который мне непонятен и чужд...»

Тревога за свою будущую жизнь вдали от родного дома в сердце великой княгини, несомненно, была. Но при всем при том Ольга Николаевна сумела оценить свекра как правителя. *«Как государь, самый старший из немецких князей, он считался самым способным, – написала она в воспоминаниях. – ...Он правил своей страной тридцать лет, и это было счастливым для нее периодом... И это уважение стало почвой для всех моих последующих с ним отношений».*

* * *

В Штутгарте наследного принца Карла и его супругу встречали с восторгом и ликованием. Поселились молодожены на вилле Берг в самом городе. Так началась жизнь русской великой княгини на ее новой родине. К молодой наследной принцессе присматривались с любопытством. Но прошло немного времени, и она приобрела в небольшом немецком королевстве

не только известность, но и добрую славу. И это благодаря своим делам для простых людей. Как в столице Вюртемберга, так и в других городах ею были «оживлены» различные благотворительные учреждения, начало которым положила еще ее родная тетьа – королева Екатерина Павловна. И все дальнейшие годы Ольга Николаевна не переставала заботиться о простых людях.

Уже год спустя после приезда в Вюртемберг русская великая княгиня, наследная принцесса, взяла под свое покровительство первую педиатрическую клинику, созданную в Штутгарте. В 1849 году эта детская больница так и стала называться «Госпиталь Ольги» – «Olghahospital». Спустя семь лет ею было основано Попечительское общество имени Николая («Nikolauspflēge»). Назвала она его так в честь отца – императора Николая I. Общество было создано для оказания помощи слепым: их учили грамоте и ремеслу, чтобы подготовить к повседневной жизни. Большое внимание Ольга Николаевна уделяла учебным заведениям: основала в Штутгарте школу для девочек с обучением по усовершенствованным учебным программам, которая позже стала называться Королевской женской гимназией, учредила стипендии для вюртембергских студентов.

Несмотря на столь активную деятельность, Ольга Николаевна с грустью вспоминала о своем российском доме. Любовь и благодарность немецкого населения за ее дела конечно же не восполняли потребности быть среди родных. С ними наследная принцесса Вюртембергская постоянно обменивалась письмами. Часто она писала и своему наставнику Василию Жуковскому, который был для нее не только замечательным поэтом, но и близким по духу человеком. До конца своих дней он оставался другом царской семьи.

Кстати, судьба Жуковского сложилась весьма необычно. В 1841 году, уже завершив свои обязанности по воспитанию наследника престола Александра, старшего брата Ольги, он женился на дочери своего друга, немецкого художника Генриха фон Ройтерна, и поселился во Франкфурте-на-Майне. В связи с бурными политическими событиями, разразившимися в Европе в 1848 году, Жуковский с женой и двумя маленькими детьми переехал в Баден-Баден. Там прошли последние четыре года его жизни. Здоровье ухудшалось, сдавали глаза, но Жуковский работал и получил известность в Германии переводами Шиллера, в которых сумел показать свое замечательное поэтическое дарование. Он скончался в возрасте шестидесяти девяти лет и был похоронен сначала в Баден-Бадене. Затем его останки перевезли в Петербург – таково было желание благодарного ученика, императора Александра II. На баденском доме, где пробил смертный час этого удивительного человека, и сейчас висит памятная доска с надписью на немецком языке: *«Здесь жил и скончался русский поэт и переводчик Василий Жуковский»*.

Бюртембергская принцесса Ольга Николаевна навещала не раз своего мудрого учителя в Баден-Бадене.

Рождественские дни 1854 года наследная принцесса Бюртембергская решила провести в Петербурге. Среди близких и родных она находилась почти четыре месяца. Фрейлина супруги ее брата Александра Анна Тютчева, которая провела при императорском дворе тринадцать лет и оставила после себя «Воспоминания» и «Дневники», вспоминала: *«Великая княгиня Ольга Николаевна уехала в Штутгарт 4 мая. Она простилась с нами после молебна. Она была грустна и очень плакала»*.

В феврале следующего года, узнав о болезни отца, императора Николая I, великая княгиня вместе с му-

жем вновь срочно выехала в Петербург. Но в живых она его не застала. В «Дневнике» Тютчевой есть такая запись от 25 февраля: *«Великая княгиня Ольга Николаевна приехала сегодня утром. Она выехала из Штутгарта при первом известии об опасности, грозящей жизни отца, и уже в Галле узнала о его смерти. В 8 часов вечера она в первый раз будет присутствовать на панихиде»*.

Смерть императора Николая I была для всех неожиданной. О болезни царя, по его желанию, бюллетени, как было принято, не выпускались. Было объявлено, что государь скончался от простуды. Однако при дворе поговаривали, что он отравился. После очередного поражения русских войск в районе Евпатории император якобы сам заставил своего доктора – немца Мандта – дать ему яд.

До сих пор в исторической литературе имеются расхождения относительно кончины Николая I: болезнь или самоубийство. Последней волей государя был запрет на вскрытие и бальзамирование его тела, чтобы тайна смерти не была открыта.

Одно неоспоримо: проигрывая войну в Крыму, он сознавал, что для России это катастрофа. Разочарование и позор, возможно (но только возможно), привели российского императора к этому шагу. (О самоубийстве Николая I впоследствии писали в воспоминаниях многие современники. До конца это так и не удалось выяснить.)

По своей воле или нет ушел из жизни отец великой княгини Ольги Николаевны, но для всех Романовых это было огромным горем, особенно для его любящей супруги-императрицы и детей.

Несколько месяцев Ольга оставалась вместе со своей безутешной матерью, очень тяжело переживавшей утрату своего незабвенного супруга. На престол взо-

шел брат вюртембергской королевы, император Александр II.

Прошло пять лет, и в октябре 1860 года Ольгу Николаевну вновь срочно вызвали из Штутгарта в Россию. На сей раз умирала ее любимая мать. Самым большим желанием уходящей из жизни императрицы Александры Федоровны было увидеть своих детей, чтобы с ними попрощаться. У ее постели собралась вся царская семья. В завещании, оставленном вдовой Николая I, есть и такие строки: *«...Если я не изнемогла от горя по смерти моего государя и нежно любимого супруга, то за это я должна благодарить ту предупредительную заботливость, которою меня постоянно окружали все мои дети. Их любовь сохранила мою жизнь...»*

Возвратившись в Вюртемберг, наследная принцесса с присущей ей энергией стала вновь заниматься благотворительностью. В Россию она выезжала уже редко.

Несмотря на то, что брак дочери русского царя и немецкого принца был заключен, как казалось, по взаимной симпатии, счастья в семейной жизни не оказалось. Не было и детей, хотя прошло целых пятнадцать лет супружества. Потеряв всякую надежду на рождение собственного ребенка, Ольга Николаевна, наследная принцесса Вюртембергская, в 1863 году удочерила свою племянницу Веру, дочь великого князя Константина Николаевича, женившегося на принцессе Саксен-Альтенбургской Александре. (Брак этот оказался тоже несчастливым.) Княжна Вера поселилась у своей тети в Штутгарте.

Спустя год русская великая княгиня Ольга Николаевна стала королевой Вюртембергской. Ее супруг после смерти отца 25 июня 1864 года вступил на престол под именем Карл I.

Через два года волей короля Вюртемберг вместе с другими южногерманскими княжествами заключил союз с Пруссией о взаимной поддержке, хотя двор, правительство и народ занимали другую позицию. В 1870 году в Штутгарт с официальным визитом приехал император Александр II. Год спустя Вюртемберг присоединился к Пруссии и, потеряв свою государственную самостоятельность, стал частью германской империи, именуемой отныне «земля Вюртемберг». В боевых действиях во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов участвовали и вюртембергские граждане.

Такова была история политическая. А в истории семейных отношений возникли свои драматические события: явными стали нетрадиционные, как сейчас говорят, отношения короля с мужским полом. Со своими избранниками Карл Фридрих уже порой открыто показывался в публичных местах, назначал их на важные посты, награждал титулами.

Ну а что же Ольга? Знала ли она раньше об увлечениях своего мужа? Пожалуй, да. Однако русская великая княгиня достойно выполняла ту роль, которую предназначила ей судьба, – даже тогда, когда уже позже, в 1883 году, король познакомился с тридцатилетним американцем Чарльзом Вудкоком, бывшим церковнослужителем, получившим от него титул барона и солидное имущество. С ним он стал часто появляться в общественных местах, совершать совместные поездки. Именно с ним, а не со своей супругой-королевой... Это просочилось в прессу и дошло до германского канцлера Бисмарка. Возник скандал! И только общественная критика вынудила тогда короля расстаться со своим любовником и уволить его с занима-

емого поста. Но это отнюдь не помешало ему обзавестись вскоре новым «другом».

Кто бы мог подумать, что русской великой княгине, красавице, всеми уважаемой и любимой королеве Вюртембергской, выпадет на долю такие стыд и позор!

Всю любовь своего сердца Ольга Николаевна отдавала людям, продолжая заниматься благотворительной деятельностью.

Во время Франко-прусской войны (1870–1871 годы) великая княгиня, будучи уже королевой Вюртемберга, встала во главе организации помощи раненым воинам. (Эта организация вошла в 1921 году в состав «Красного Креста».) Она лично встречала поезда с ранеными, заботилась об их размещении, навещала в госпитале, выслушивала просьбы. Многим королева из своих личных средств оказывала материальную помощь. Добровольных сестер милосердия она объединила в общество «Сестры Ольги» («Olgaschwester»). Их задача заключалась в уходе за больными, в помощи престарелым людям или раненым солдатам.

Ольга Николаевна хорошо вязала – этому ее научили еще в детстве, – искусно шила. В то трудное время ее дворец превратился в мастерскую, куда сходились добровольные работницы, женщины всех сословий, чтобы шить для бедных.

В честь своей супруги король Карл I в 1871 году учредил орден Ольги как награду за благотворительность и помощь раненым и больным. Местная печать называла королеву «великим мастером, виртуозом благотворительности». Многие из учреждений, основанных дочерью русского императора в Вюртемберге, сохранились по сей день.

В то же время Ольга Николаевна была истинной королевой. При дворе она устраивала большие балы,

дипломатические приемы, концерты. Она любила принимать у себя родственников и друзей, постоянно поддерживала с ними связь. Она была очень дружна со своей невесткой, императрицей Марией Александровной, супругой Александра II, которая не раз навещала ее в Вюртемберге.

3 октября 1891 года король Карл I Фридрих Александр возвратился из своей летней резиденции в Штутгарт тяжелобольным. Через три дня он скончался. Несмотря на все доставленные ей супругом неприятности, Ольга Николаевна тяжело переживала кончину мужа, с которым прожила двадцать пять лет. Трон королевства перешел к двоюродному брату короля, герцогу Вильгельму Карлу, ставшему последним королем Вюртембергским под именем Вильгельма II. (Его правление длилось ровно тридцать лет.)

Ольга Николаевна, уважаемая и любимая всем вюртембергским народом, пережила супруга на один год и двадцать четыре дня и скончалась в замке Фридрихсхафен на семьдесят первом году жизни в октябре 1892 года. Ее похоронили рядом с мужем в крипте дворцовой церкви в старом замке. Память о ней и поныне хранят жители земли Вюртембергской. Ее именем названы улицы в нескольких городах Баден-Вюртемберга (сейчас эта земля называется так), ей посвящены книги немецких писателей.

* * *

Неоднозначно сложилась судьба воспитанницы королевы Вюртембергской – княжны Веры Константиновны. В двадцать лет она была выдана замуж за герцога Вюртембергского Вильгельма Евгения. Спустя три года после вступления в брак овдовела. Ее

муж умер в возрасте тридцати одного года. Русская княгиня – герцогиня Вюртембергская – продолжала жить в Германии, однако часто приезжала в Петербург, чтобы навестить близких. Обычно она останавливалась в своих апартаментах в Мраморном дворце отца.

(Из всех детей императора Николая I великий князь Константин Николаевич считался самым богатым. Ему принадлежали не только роскошный Мраморный дворец и императорское имение «Стрельна», созданное когда-то еще царем Петром I, но и имение «Ореанда» в Крыму. Во владение великому князю был отдан и Павловск. Умер отец великой княжны Веры Константиновны в 1892 году, когда ей уже было тридцать восемь лет.)

По рассказам современников, Вера Константиновна всю жизнь была глубоко религиозным человеком, придерживаясь всех постулатов православия. Однако на старости лет перешла в лютеранство. Память о своей дорогой «тете Олли», которой она так многим была обязана, княжна хранила всю жизнь.

Скончалась воспитанница королевы Вюртембергской в 1912 году в Штутгарте в возрасте пятидесяти восьми лет, детей после нее не осталось.

Не оставила потомства и Ольга Николаевна. Зато она оставила после себя следующим поколениям мемуары «Сон юности, или Записки дочери императора Николая I великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской». Воспоминания «Сон юности» посвящены ее детству и юности до замужества, однако королева описывает также жизнь и характеры членов вюртембергской семьи, рядом с которой ей приходилось жить. Написаны воспоминания в 1881–1882 годах, и посвятила их королева своим внучатым племянницам Эльзе и Ольге Вюртембергским.

«Дорогие дети! Возможно, что в один прекрасный день, когда вы подрастаете, вы захотите узнать, какой была юность вашей бабушки в далекой стране, которая является также и родиной вашей матери. Возможно, что тогда уже не будет в живых никого из тех, кто жил вместе со мной, чтобы рассказать об этом.

Я постараюсь собрать свои воспоминания в одно целое, чтобы вы узнали, какой счастливой была моя юность под кровом отцовской любви.

Мое желание – вызвать в ваших сердцах любовь и почитание к памяти наших родителей, которых мы не перестанем любить и благословлять до нашего смертного часа. Им мы обязаны жизнью в драгоценном семейном союзе, который представляет собою единственное счастье на земле. Сохраните мой текст неискаженным, чтобы отсвет этого тепла согревал вас всю жизнь! Этого желает вам ваша бабушка.

Штутгарт. Бабушка Ольга.

Начато в январе 1881 года.

Закончено 18 января 1893 года».

(И эти строки написаны женщиной, которой так и не суждено было стать матерью. А как она мечтала о детях! Но не привелось...)

После смерти Ольги Николаевны рукопись перешла к мужу одной из племянниц – принцу Альбрехту Шаумбургу-Липпе, затем она была передана в штутгартский архив. Написаны мемуары на французском языке. По завещанию Ольги Николаевны они не должны были публиковаться пятьдесят лет.

В 1936 году «Сон юности» издали в Париже. Спустя двадцать лет книга вышла в немецком переводе, затем, в 1963 году, на русском языке в Париже тиражом в 500 экземпляров.

Елизавета Михайловна

Великая княжна, герцогиня Нассауская, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны.

Елизавета родилась в мае 1826 года в семье великого князя Михаила Павловича, сына императора Павла I. Он женился на ее матери, принцессе Фредерике Шарлотте Вюртембергской, в возрасте двадцати семи лет, но не по своему выбору, как это часто бывало в царских семьях. Невесту выбрала вдовствующая императрица Мария Федоровна, обеспокоенная затянувшейся холостяцкой жизнью своего младшего сына.

Чтобы познакомиться с принцессой, великий князь Михаил Павлович по желанию матери в начале 1822 года поехал в Штутгарт. И хотя нежными чувствами к невесте не воспылал, родительской воле подчинился. Несмотря на холодность отношений между будущими супругами, брак был заключен – без особой торжественности и празднеств: тихо, по-семейному.

Поселились молодожены в Петербурге, в Михайловском дворце, который незадолго до этого был пост-

роен по проекту архитектора Карла Росси как дар императора Александра I своему младшему брату. Кстати, он подарил великому князю Михаилу Павловичу не только дворец, но и все необходимое как для повседневной жизни, так и для торжественных приемов: столовые приборы из золота и серебра, фарфор, бокалы из лучшего стекла. Одним словом – полное оснащение... (Здание дворца с великолепной колоннадой и решеткой перед фасадом сохранилось до наших дней. Сейчас это знаменитый Русский музей.)

Год спустя принцесса, нареченная при переходе в православие великой княгиней Еленой Павловной, родила дочь. В честь бабушки-императрицы ее назвали Марией.

Не прошло и полутора лет, как в великокняжеской семье родилась вторая дочь – Елизавета. Это случилось спустя десять дней после смерти императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, полгода назад ушедшего из жизни. В память о ней девочка и получила свое имя в надежде на добрые перемены в России, которая к тому времени еще не совсем оправилась от трагических событий декабря прошлого года. Рождению второй внучки вдовствующая императрица Мария Федоровна, потерявшая в одночасье сына и невестку, не оставивших после себя потомства, была безмерно рада.

В 1872 году великий князь Михаил Павлович, мечтавший о сыне, стал отцом третьей дочери – Екатерины. В дальнейшем с перерывом в четыре года принцесса родила еще двоих детей, но вновь девочек. (Обе скончались в младенческом возрасте.) Однако, несмотря на быстрое увеличение семьи, потепление в отношениях между супругами не наступило...

Мать великой княжны Елизаветы, принцесса Вюртембергская, была высокообразованной женщи-

ной с широким кругозором знаний и поистине врожденным интеллектом.

«Елена – это ученый нашего семейства», – любил повторять император Николай I, относившийся к своей свояченице с большой сердечностью. Она знакомилась с выдающимися людьми науки, искусства, литературы, оказывала покровительство художникам, музыкантам, писателям. Русской словесностью с великой княгиней занимался сам Василий Жуковский. Он привил ей любовь и доброе отношение к Александру Сергеевичу Пушкину, которому она всегда предлагала свою помощь, проявляя искреннюю заботу. *«Уже за одно участие в судьбе поэта Елена Павловна достойна нашей памяти»*, – напишут российские литераторы.

Великая княгиня сама занялась воспитанием и образованием своих дочерей. Михаил Павлович же, к тому времени генерал-инспектор по инженерной части, потеряв надежду стать отцом сына, из которого он мог бы воспитать хорошего солдата, ввел в учебную программу дочерей один из военных предметов – они должны были знать сигналы на горне и барабане. И девочки неплохо овладели этим искусством, что вызывало гордость отца-генерала.

Армейским делам великий князь Михаил Павлович, которого в семье считали добрым, простым и приветливым человеком, посвящал всего себя. *«Кроме армейского устава он ни одной книги не раскрыл»*, – вспоминали после его смерти.

Таким образом, каждый из родителей старался дать дочерям что-то свое, и любовь к детям у каждого была своя.

Поскольку по делам военной службы великий князь Михаил Павлович часто отсутствовал, все три дочери целиком находились на попечении матери, женщины твердых правил. Она воспитывала великих

княжон в строгом духе, лично подбирала для них преподавателей, следила за успехами. Самым важным великая княгиня Елена Павловна считала хорошее знание иностранных языков и литературы, умение играть на каком-либо музыкальном инструменте и конечно же умение рисовать.

Особую радость матери доставляла старшая дочь Мария: усидчивостью, любовью к чтению, спокойным характером. Огорчало, однако, ее хрупкое здоровье. Родители прочили великую княжну Марию Михайловну в невесты принцу Максу Баденскому. Им хотелось, чтобы их дочь стала в будущем великой герцогиней в Карлсруэ. Но не суждено было старшей сестре Елизаветы обрести новую родину. Накануне двадцатилетия у нее появились первые признаки страшной для того времени болезни – чахотки. Спустя немногим более года она скончалась в Вене на руках у своего отца. Это случилось в 1846 году.

* * *

Вторая дочь великокняжеской четы, Елизавета, очень отличалась от своей старшей сестры и характером и способностями: она была очень подвижным и темпераментным ребенком. Дома ее звали Лиллиегоза. В мемуарах великой княгини Ольги Николаевны есть такие строки: «...*Кузина Лилли, очень прямая, немного вспыльчивая и похожая на мальчика, звалась ею* (императрицей Марией Федоровной) *«честный человек»...*» С особой любовью к этой своей племяннице относился и император Александр I.

Мечтой великой княгини Елены Павловны было выдать свою дорогую Лилли за двадцатилетнего герцога Адольфа Нассауского. Однако на него в то же

время были виды и императрицы Александры Федоровны. Ей тоже хотелось, чтобы ее дочь-красавица, великая княжна Ольга Николаевна, стала женой богатого герцога, а не какого-либо принца из обедневшего немецкого княжества.

Император Николай I, не желая раздоров в романовском Доме, принял следующее решение – герцог самостоятельно должен определить, какую из двоюродных сестер он выберет себе в жены. Ольга вспоминала потом, что *«когда папа узнал об этом, он сейчас же заявил, что его племянницы такие же великие княжны и он считает их своими детьми, поэтому Адольф Нассауский волен сам выбрать между нами по своему усмотрению»*.

Так все и произошло.

Герцог Адольф Нассауский вместе с братом, принцем Морицем, прибыл на судне в Кронштадт и поинтересовался у российского императора, где и когда они могут нанести ему визит. (В то время не было принято, чтобы какое-либо официальное лицо приезжало в Россию без предварительного приглашения.) Николай I находился в тот момент на маневрах в Ропше, неподалеку от Кронштадта. Он принял гостей в своей военной палатке. Герцог тут же попросил руки его племянницы, великой княжны Елизаветы Павловны. Император был несколько удивлен, но не возражал.

Герцог Адольф незамедлительно отправился в Карлсбад, где в то время находился брат императора, великий князь Михаил Павлович, с дочерьми. Его супруга Елена Павловна проходила там курс лечения.

Знала ли об этом сама Елизавета? Это уже было второстепенным. Вопрос решился. Родители были счастливы, что так удачно пристроили свою вторую дочь.

Вот таким образом в 1843 году великая княжна Елизавета Михайловна стала невестой владетельного герцога Адольфа Вильгельма Нассауского.

Свадьбу назначили на январь будущего года одновременно с венчанием младшей дочери императора, великой княжны Александры Николаевны.

Все шло очень торжественно, сотни приглашенных гостей, один праздник сменялся другим. Пожалуй, самым роскошным был прием в Петербурге, устроенный в Михайловском дворце матерью Елизаветы по случаю бракосочетания дочери, будущей герцогини Нассауской. Денег не жалели. Великая княгиня Елена Павловна светилась от счастья. Ее мечта сбылась.

Если бы она могла тогда знать, как недолговечна окажется радость! Несмотря на торжественность и роскошь, с которыми родители отпраздновали свадьбу своей дочери, счастье оказалось длиной лишь в один год.

Великая княгиня Елизавета Михайловна вскоре после свадьбы отправилась с мужем в Висбаден, резиденцию герцогов Нассауских. Дорога была долгой и утомительной. Для молодой женщины началась новая жизнь. Супруг был очень внимателен и заботлив, и первое время она не ощущала тоски по родным местам, скорее радовалась свободе от строгой опеки матери. Да и Висбаден, красивый курортный город, знаменитый своими термальными источниками и мягким климатом, ей понравился. Но когда Елизавета поняла, что ждет ребенка, ей стало не хватать присутствия близких. Разлука с родным домом давала о себе знать, часто вызывая слезы.

* * *

Адольф Вильгельм вступил на престол в 1839 году в возрасте двадцати двух лет после смерти своего отца, владетельного герцога Нассау-Вейльбург Вильгельма II.

Род Нассау стал известен с начала XII века. Именно с этого времени земли в долине правого притока Рейна принадлежали графам Нассау. С XIII века существует несколько ветвей рода. Представители одной из них (вейльбургской) благодаря брачным контактам установили тесную связь с оранским Домом и стали богатейшими нидерландскими землевладельцами. Их называли наследственными наместниками (статхаудерами или штатхальтерами) основных северонидерландских провинций.

Герцогство Нассау со столицей Висбаден сложилось во второй половине XVIII века. Свое название оно получило по бургу (замку) Нассау, построенному около 1100 года на юго-западе германских территорий одним из графов Лауренбург (с 1160 года графы Нассау). В 1783 году между этим герцогством и Люксембургом был заключен договор, согласно которому наследником престола являлся старший представитель Дома Нассау.

В 1806 году графство Нассау, присоединившись, как и некоторые другие немецкие княжества, к Рейнскому союзу, протектором которого был французский император Наполеон, получило статус герцогства.

Бракосочетание внучки императора Павла I и владетельного герцога Нассау Адольфа, казалось, навсегда породнит российский императорский Дом с герцогским Домом Нассау-Вейльбург. Но судьба распорядилась иначе. Случилось непредвиденное. Молодая герцогиня после тяжелых родов скончалась вместе со своей дочерью. Причиной кончины герцогини врачи сочли сильную простуду, полученную ею во время трехнедельного переезда из Петербурга в Висбаден. Была зима, дни стояли холодные. Простуду, перешедшую в чахотку, к несчастью, вовремя не распознали. Русская великая княгиня покинула мир земной в девятнадцать лет.

Похоронили Елизавету Михайловну вместе с дочерью в отдельном отсеке домово́й церкви. Потрясенный случившимся, герцог Нассауский испросил согласия императора Николая I использовать полученные великой княжной в приданое деньги – один миллион рублей – на постройку в Висбадене православного храма. Он решил установить там надгробия усопших супруги и дочери. После ряда неудачных проектов остановились на предложении архитектора Филиппа Гофмана. Он дважды специально приезжал в Россию, чтобы ознакомиться с православными соборными сооружениями.

Храм вскоре был построен и в мае 1855 года освящен. Уже на следующую ночь при большом скоплении людей в торжественном факельном шествии туда перенесли останки герцогини, урожденной русской великой княжны, и младенца. Беломраморный саркофаг, на крышке которого в полный рост изображена безмятежно спящая юная принцесса, поместили в крипте под храмом.

Русский православный храм Святой Елизаветы в Висбадене считается памятником архитектуры. Своей роскошью и изяществом он и сейчас поражает посетителей. Чтобы помянуть «почившую от бремени» юную великую княжну, внучку императора Павла I, его посещают многие: это прежде всего туристы из России, русские, проживающие в Европе, и конечно же потомки Дома Романовых.

Спустя год в пятидесяти метрах от храма возникло русское кладбище, отделенное от мира живых кирпичной стеной, деревьями и зарослями дрека. На кладбище находится часовня, надпись на бронзовой доске которой гласит: *«Кладбище для православных устроено христолюбивым попечением благоверной Государыни Великой княгини Елены Павловны*

на иждивение Ее Императорского Высочества и Российского министерства иностранных дел».

Русское православное кладбище в Висбадене – самое старое в Европе. Из приблизительно восьмисот похороненных там персон восемьдесят могил – это захоронения современников Александра Сергеевича Пушкина, то есть людей, живших в России до 1837 года.

В 1896 году император Николай II, посетивший Висбаден вместе с членами императорского двора, на собственные деньги выкупил храм Святой Елизаветы вместе с участком земли и леса, включая кладбище. Таким образом, храм, где покоится прах великой княжны Елизаветы Михайловны, герцогини Нассауской, принадлежит сейчас Русской православной церкви.

* * *

Смерть молодой супруги была страшной трагедией для герцога Адольфа. Шесть лет он носил траур и только в апреле 1851 года в возрасте тридцати четырех лет с одобрения императора Николая I вновь вступил в брак. Его женой стала немецкая принцесса Аделаида Мария, которая родила ему пятерых детей (двое умрут во младенчестве). Примечательно, что старший сын герцога Нассау в память о первой любви отца называет свою дочь Элизабет.

Адольф правил собственной страной – герцогством Нассау – вплоть до 1866 года, пока между Пруссией и Австрией не разразилась война. Некоторые южные немецкие князья, в том числе и герцог Адольф, выступили на стороне Австрии. За это он был смещен пруссаками и лишен владения Нассау. Однако ему оставили замки и поместья, да еще в цен-

ных бумагах с высоким процентом выплатили большую компенсацию. Он по праву стал считаться одним из богатейших людей Европы. С того времени герцог Адольф жил как частное лицо в своих немецких замках или в Вене.

В возрасте семидесяти трех лет герцог Адольф, как старший представитель Дома Нассау, получил титул великого герцога Люксембурга. Уже на следующий день после принесения присяги бывший супруг племянницы русского царя направил письмо императору Александру III, в котором извещал его о своем восшествии на люксембургский престол. Закончил он письмо следующими словами:

«Стремясь от всего сердца поддерживать и укреплять добрые отношения дружбы и родства, которые постоянно существовали между двором Вашего Императорского Величества и двумя ветвями моего рода, я избрал моего любимого брата – Его Высочество принца Николая Нассауского, чтобы поручить ему вручить Вашему Императорскому Величеству это письмо и заверить Вас от моего имени в моей постоянной готовности доказать Вам чувства глубокого уважения и неизменной привязанности...»

Эти отношения были заложены через брачный союз герцога Адольфа с русской великой княжной Елизаветой Михайловной.

Потомки Адольфа I до сего времени занимают престол великого герцогства Люксембург.

* * *

Из трех дочерей великого князя Михаила Павловича лишь одна, младшая, благополучно прошла свой жизненный путь.

Судьба великой княжны Екатерины сложилась удачно. Россию эта дочь великокняжеской четы не покинула, замуж вышла в двадцать четыре года, когда отца уже не было в живых. (Великий князь Михаил Павлович скончался в августе 1849 года. Находясь в Варшаве, он упал с лошади, сильно разбился и не смог после этого оправиться.)

Супругом Екатерины стал герцог Мекленбург-Стрелицкий Георг Август, кузен императрицы Александры Федоровны. Бракосочетание состоялось в Петербурге в феврале 1851 года.

Брак великой княжны считался вполне удачным. Поступив на российскую службу, герцог сохранил гражданскую самостоятельность своей семьи. Согласно брачному договору герцогиня Мекленбург-Стрелицкая освобождалась от российского подданства, то есть могла выезжать из России, не спрашивая на то высочайшего позволения, как это следовало делать русским великим князьям и великим княгиням.

Молодые поселились в Михайловском дворце, где полновластной хозяйкой оставалась великая княгиня Елена Павловна, у которой, к огорчению дочери, отношения с зятем не сложились.

Екатерина Михайловна родила пятерых детей, двое из которых умерли во младенчестве. После смерти матери в 1873 году она стала хозяйкой Михайловского замка, но спустя три года овдовела – любимый муж скончался, едва перешагнув свое пятидесятилетие. Ей же предстояло прожить еще восемнадцать лет.

Все годы великая княгиня-герцогиня занимала высокое положение в петербургском обществе, имела свой двор. Судя по воспоминаниям очевидцев, она была дамой, хорошо знающей себе и своему рангу цену и тщательно следившей за сохранением своих высочайших прав.

Умерла младшая сестра герцогини Нассауской в 1894 году. Потомки Екатерины Михайловны сделали много полезного для развития русской музыкальной культуры.

* * *

Заканчивая повествование о внучках императора Павла I, невольно вспоминаешь о судьбе старшей дочери Николая I – великой княжны Марии. Казалось, ей повезло – все получилось, как она хотела: брак по любви, выходя замуж, Россию не нужно покидать, не придется расставаться с родными.

Герцог Максимилиан Лейхтенбергский, избранник княжны Марии, был человеком широких познаний в минералогии, ботанике, искусстве. И, что самое важное, он готов был переехать в Петербург на постоянное жительство.

Со своим будущим мужем, старшим сыном Евгения Богарне и внуком французской императрицы Жозефины, великая княжна Мария познакомилась в 1837 году, когда он приезжал в Петербург на кавалерийские маневры. Год спустя во время второго приезда герцога между молодыми людьми возникла взаимная симпатия. Несмотря на происхождение Максимилиана и его вероисповедание – он был католиком, – император Николай I дал свое согласие на брак дочери.

Все, казалось, шло отлично. Но общественность судила иначе: внук Богарне, принц по милости Наполеона, смесь французской и немецкой крови, и вдруг в русской царской семье! Все это, как считалось, может оскорбить гордость нации.

Однако свадьба состоялась. Для молодых построи-

ли дворец – самый большой и роскошный среди великокняжеских резиденций, названный именем дочери императора – Мариинский дворец. Там, в Мариинском дворце, и началась супружеская жизнь Марии Николаевны. Родились дети.

Но вскоре супружество дало трещину. Брачный союз спустя несколько лет стал существовать лишь формально. Поддерживать иллюзию семейного благополучия заставляла только невозможность официально разрыва.

Конец неестественной ситуации положила преждевременная смерть герцога Лейхтенбергского, успевшего, правда, сделать много полезного для России.

Великая княгиня Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская, обладавшая блестящим умом и ярко выраженным художественным вкусом, вскоре увлеклась графом Григорием Строгановым, человеком широких познаний и на редкость обаятельным – но всего лишь купеческого рода. Полюбив его, Мария Николаевна обрела свое женское счастье, но была отвергнута высокородными Романовыми. Не в традициях российского императорского Дома было, чтобы женщина сама распоряжалась своей судьбой. Император Николай I никогда не позволил бы своей дочери выйти замуж за Строганова. А дерзость графа, позволившего себе только думать об этом, была бы наказана ссылкой на Кавказ или в Сибирь.

Венчание все же состоялось, но тайно. Даже из ближайших друзей мало кто нашел в себе смелость быть свидетелем бракосочетания царской дочери.

Осенью 1854 года тридцатипятилетняя великая княгиня Мария Николаевна стала женой графа Григория Александровича Строганова, который был младше ее на пять лет. Отец-император так и не узнал

о тайном браке своей старшей дочери: спустя несколько месяцев он неожиданно скончался.

С воцарением его сына, Александра II, Мария Николаевна связывала надежды узаконить свой брак официально. Но этого не случилось. Мать, вдовствующая императрица Александра Федоровна, узнав об «отступничестве» (как она заявила), не захотела простить Марии ее морганатического замужества. Не смягчило сердце вдовы императора Николая I и рождение в новом браке дочери двух детей.

До самой смерти Мария Николаевна вынуждена была скрывать от света свой второй брак. О нем знали лишь ее братья и некоторые самые близкие друзья.

Официально великая княгиня оставалась вдовой герцога Лейхтенбергского. Родные не упускали случая подчеркнуть, что граф Строганов им не родственник. Его просто игнорировали.

Эта вражда заставляла супругов подолгу жить в Италии. У них было двое детей – сын Григорий (великая княгиня родила его в 1857 году в Женеве), скончавшийся в Риме в возрасте трех лет, и дочь Мария 1861 года рождения. Не выдерживая нервного напряжения, внучка императора Павла I стала часто болеть. Когда же она поняла, что срок ее жизни истекает, то вернулась в Россию.

Великая княгиня Мария Николаевна умерла в Петербурге в феврале 1876 года. Ей шел пятьдесят седьмой год. Гигантская процессия провожала усопшую от Мариинского дворца к Петропавловскому собору. Среди следовавших за гробом шел и ее любимый супруг. Убитый горем граф знал, что лежать под одной могильной плитой с женой ему не придется. Они разлучены уже навеки.

Григорий Александрович Строганов скончался через два года после смерти жены на пятьдесят четвер-

том году жизни. Их дочь, хотя и приходилась племянницей императору Александру II, никакими «законными» родственными привилегиями не пользовалась.

* * *

После смерти в 1855 году императора Николая I следующую ступень в истории семьи Романовых заняли его сыновья: Александр, вступивший на российский престол под именем Александр II, и великие князья Константин, Николай и Михаил. Они продолжили семейную традицию: своих дочерей использовать как заложниц династических и политических амбиций российского Императорского Дома. (У великого князя Николая Николаевича было два сына.) Дала ли великим княжнам predetermined им судьба самое главное для женского сердца? Об этом пойдет дальнейший рассказ.

**Дочь и племянницы
императора
Александра II**

Мария Александровна

Великая княжна, герцогиня Саксен-Кобург-Готская, дочь императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

Будущая герцогиня Саксен-Кобург-Готская получила свое имя в честь матери, цесаревны Марии Александровны. Появившаяся на свет 5 октября 1852 года девочка была большой радостью в семье, ее очень ждали, так как после великой княжны Александры, скончавшейся в возрасте семи лет, у цесаревны рождались только сыновья. И вот наконец-то дочь. Радость была безграничной. По этому случаю супруга старшего сына императора Николая I получила в подарок от романовской семьи диадему из рубиновых звезд, украшенную бриллиантами.

Крещение ребенка состоялось спустя три недели. Очевидцы вспоминают: *«Все было обставлено с величайшей помпой и торжественностью. Августейшего младенца, покрытого императорской мантией из сукна, отороченного горностаем, внесли в церковь»*.

Маленькая Мария благотворно действовала на жизнь всей семьи. Не только родители, но и братья очень любили очаровательную малышку. Отец, всту-

пивший на престол спустя два года после рождения Марии, буквально боготворил свою единственную дочь. В воспоминаниях фрейлины Анны Федоровны Тютчевой, которая почти тринадцать лет провела при дворе, можно прочесть следующие строки: *«Я почти каждый вечер прихожу кормить супом этого херувимчика – это единственная хорошая минута во весь день, единственное время, когда я забываю подавляющие меня заботы»*, – признался как-то Александр II. *А румяный ребенок в лентах и кружевах на высоком стульчике радостно улыбался отцу-императору»*.

Прошли годы. Подошло время подумать о замужестве великой княжны. Кому вверить судьбу своей любимицы, в семье решили не сразу. Ясно было лишь одно – следует продолжить семейную традицию Романовых, то есть использовать дочь во благо династических и политических амбиций императорского Дома.

* * *

Мария была выдана замуж в возрасте двадцати лет за герцога Эдинбургского, принца Великобританского Альфреда Эрнеста, второго сына королевы Виктории. Он служил в британском флоте. Ему было тридцать лет, и уже в течение пяти лет этот «морской волк», хорошо известный своими любовными похождениями, добивался благосклонности дочери российского императора. Его мать этому не препятствовала и дала разрешение на брак. Таким образом, герцог решил сделать официальное предложение царской дочери не без согласия матери-королевы, которая была известна своей нелюбовью к России. Как выяснилось, и сама

великая княжна Мария относилась с симпатией к bravому морскому офицеру Альфреду Эдинбургскому. Оставалось лишь соблюсти династический этикет: принц должен был просить у императора Александра II руки его дочери.

Именно с этой целью герцог Альфред Эдинбургский в июне 1873 года прибыл в Дармштадт, где в то время находились императорская чета и их дочь. Согласие на брак было получено, и о помолвке официально объявили. Свадьбу наметили на следующий год.

Однако королева Виктория не скрывала своего недовольства, что ее сын, как она считала, женится, принимая довольно унижительные условия, продиктованные русским императорским Домом. Ей даже не была предоставлена возможность познакомиться с будущей невесткой, хотя с такой просьбой Виктория обращалась к своим «русским родственникам». Ею было высказано пожелание, чтобы Александр II привез дочь в Осборн, где королева в то время находилась. Об этом сообщили императору, который, услышав о столь «дерзкой воле», попросил передать Виктории, что он «очень занят» и, к сожалению, не может, воспользовавшись случаем, погостить в Осборне. Александр II решил, что суверенный монарх не может ездить «на поклон» к другому монарху, да к тому же без официального приглашения. Мать невесты, императрица Мария Александровна, предложила Виктории встретиться на нейтральной территории, например в Кельне. Этим она вызвала негодование привыкшей к особому почитанию британской королевы.

Своей дочери в Берлин Виктория написала: *«Ты, вероятно, уже слышала, а может быть, еще нет, что императрица России в среду самым холодным образом телеграфировала мне, что могла бы завтра уви-*

деть меня в Кельне. Я считаю это бесстыдством. Она знает, что в такую жару я не могу ехать, и даже если бы я могла: кто я, правительница и дама, чтобы в течение нескольких дней бегать за ней? Я хочу еще сказать, что страшно огорчена и не в меньшей степени шокирована поведением Алисы (дочь королевы, мать последней российской царицы Александры Федоровны), потому что она встает на позицию русских... и ведет себя, словно она русская, а не британская принцесса».

Свадьба состоялась 23 января 1874 года в Петербурге, в Зимнем дворце. По случаю бракосочетания русской великой княжны и английского принца в столицу приехали высокие особы из разных стран. Мать жениха, королева Виктория, приехать не пожелала.

Таким образом, Романовы сочетались узами брака с английским королевским Домом. Впервые в истории британский монарх стал близким родственником русского императора. Этому родственному союзу сразу стали приписывать большое политическое значение. Считалось, что брак дочери русского царя с британским принцем поможет России и Англии преодолеть взаимную враждебность, сохранявшуюся со времен Крымской войны.

Отец-император дал любимой дочери в приданое огромную по тем временам сумму – 100 тысяч фунтов. Сверх того Марии выделялось ежегодное пособие в 20 тысяч фунтов. Согласно придворному протоколу после замужества из великой княжны она превратилась в великую княгиню. По традиции императорского Дома Мария числилась шефом, то есть почетным командиром, одной из военных частей – 14-го Ямбургского уланского полка. Вот в таком качестве единственная дочь императора Александра II, отныне герцогиня Эдинбургская, вместе с мужем, сыном британской ко-

ролевы Виктории, весной 1874 года покинула Петербург.

Уезжая из России, великая княгиня была очень озабочена, оставляя свою мать в печали. После смерти восемь лет назад старшего сына Николая императрица так и не смогла оправиться.

Родной брат Марии, будущий наследник престола, великий князь Николай Александрович умер, когда ему был двадцать один год. Приступы болей в пояснице, которые поначалу диагностировали как «простудный ревматизм», не сочли опасными для здоровья молодого человека. Но болезнь стала прогрессировать, состояние цесаревича резко ухудшилось, и все кончилось тем, что его положение врачи объявили безнадежным.

Николай скончался в апреле 1865 года в Ницце, где в то время находилась его мать-императрица. Многие часы Мария Александровна проводила у постели больного сына, но остановить неизбежный конец не могла и материнская любовь.

Смерть цесаревича была страшным ударом для всей императорской семьи. Очень переживала эту трагедию и двенадцатилетняя великая княжна Мария. Она опасалась за здоровье императрицы-матери, которая, отдавая себя целиком в течение всей своей супружеской жизни воспитанию детей, безгранично страдала. Глубоко верующая, Мария Александровна находила утешение только в молитве.

В Ницце сейчас стоит поражающая своим величием русская православная церковь, *«сооруженная монаршим попечением и щедротами»* императора Николая II и освященная в декабре 1912 года. А несколько левее от церкви находится небольшая часовня, воздвигнутая в 1869 году в память скончавшегося великого князя Николая Александровича. На мемориальной доске надпись на французском языке.

Улица, ведущая от церкви, и сейчас носит название Rue Tscharewitch (улица Царевича).

Перед замужеством будущая герцогиня Саксен-Кобург-Готская была свидетельницей переживаний матери, когда та узнала, что у ее молодой фрейлины, княжны Екатерины Долгорукой, родился сын, отцом которого был любимый супруг-император. И царская семья и, конечно, двор, узнав о рождении ребенка, были потрясены. Мария Александровна, спрятав обиду на мужа глубоко в сердце, стала с тех пор молчаливой и замкнутой. Ощущая на себе сочувственные взгляды и слыша за спиной соболезнующий шепот, она очень страдала. Здоровье ее стало резко ухудшаться.

Когда год спустя возлюбленная Александра II родила еще одного ребенка – дочь Ольгу, Мария Александровна опять же это молча терпела. Ни с кем, а тем более со своей единственной дочерью, она не обмолвилась ни единым словом, обвиняя мужа. Но молодой девушке было понятно, какой страшный удар нанесен самолюбию ее матери-императрице как женщине.

Покидая свою родину, Мария оставляла любимую мать наедине с ее страданиями. Понимая, что разлука с единственной дочерью для матери-императрицы большое горе, Мария с грустью ощущала, как той одиноко.

* * *

Молодожены поселились в Лондоне. Однако местное общество не проявило сердечности к прибывшей из России великой княгине. Ее сочли слишком надменной. Да еще возникли разногласия с королевой относительно титула ее русской невестки. Император Александр II настаивал, чтобы к его дочери обраща-

лись не иначе как «Ваше Императорское Высочество» – титул этот принадлежал ей по рождению. Королева же выразила свое категорическое несогласие, заявив, что к герцогине Эдинбургской следует обращаться «Ваше Королевское Высочество».

Казалось, речь идет лишь о формальных моментах. Но эти разногласия не облегчали положения Марии в чужой для нее стране. Здесь были иные приоритеты, царили иные обычаи, звучал иной язык...

Однако, несмотря ни на что, семейная жизнь русской невестки английской королевы началась по обычным супружеским законам. В том же 1874 году Мария стала матерью: она родила сына, названного в честь отца – Альфред. Герцог Эдинбургский не скрывал своей гордости русской женой – она подарила ему наследника. В течение последующих четырех лет в семье сына королевы Виктории родились три девочки: Мария, Виктория и Александра. Однако основное внимание родителей всегда было обращено на воспитание и образование сына. Мария Александровна считала, что образование нужно только мужчинам, а женщинам необходимы лишь хорошие манеры и умение вести себя в высшем свете. Поэтому ее дочери получили, как принято было говорить, типично британское воспитание. Их детство прошло в парках английских замков, а юность на великосветских балах. На семейных фотографиях можно видеть милых девочек в скромных платьях и элегантных шляпках, чинно рассаженных за традиционным чаем рядом с бабушкой, повелительницей Британской империи.

В июне 1880 года Мария Александровна узнала о смерти своей многострадальной матери. Нервные потрясения усилили болезни императрицы, они стали прогрессировать, не вызывая сопротивления ее ослаб-

ленного организма. Как стало известно, умерла она тихо, без мучений, в полном одиночестве. Никто не был с ней в момент смерти. Дочь очень переживала, что не могла присутствовать при последних днях жизни матери. А когда она узнала, что отец, не дождавшись окончания срока траура, обвенчался с Екатериной Михайловной Долгорукой (к тому времени она была матерью трех его детей), то отправила Александру II из Лондона резкую телеграмму: *«Я молю Бога, чтобы я и мои младшие братья, бывшие ближе всех к мамá, сумели бы однажды простить Вас...»*

Прошло всего девять месяцев после смерти матери, и вновь произошла трагедия: в Петербурге бомба террористов, брошенная под ноги императору, буквально растерзала его. Это случилось 1 марта 1881 года, когда Александр II возвращался в Зимний дворец после церемонии смотра развода караулов. К счастью, императрице Марии Александровне, несмотря ни на что, не перестававшей любить своего супруга, не довелось пережить этот ужас.

Потеря любимых родителей была страшным потрясением для великой княгини, вынужденной жить за пределами своей родины, вдали от близких людей.

В 1884 году герцогиня Эдинбургская родила еще одну дочь – Беатрису. Это был последний ребенок в семье герцога. Красота Марии Александровны увядала, муж, бравый адмирал британского флота, часто отсутствовал, супружеские отношения стали разлагаться...

Не раз Мария Александровна бывала в России. Летом, когда все семейство Романовых находилось за пределами Петербурга, в Петергофе, Павловске или Стрельне, приезжали обычно и родственники из Европы. *«Одной из самых частых гостей, – пишет великая княгиня Ольга Александровна в своих мемуа-*

рах, — была герцогиня Эдинбургская, единственная сестра Александра III. Приезжала она часто, у нее постоянно были нелады с ее свекровью. По словам отца, королева Виктория была противной, во все сущей свой нос старухой, а та считала его (брата Марии, императора Александра III) грубияном. Я любила тетю Марию; не думаю, чтобы она была счастлива. Но в Петергофе она отдыхала от всех забот».

Постепенно жизнь русской великой княгини, герцогини Эдинбургской, на британском острове становилась с каждым годом все более невыносимой. Поэтому, когда в 1893 году к ее супругу перешло герцогство Саксен-Кобург-Гота и семья покинула Англию, она была безгранично счастлива.

* * *

Саксонский курфюршеский род династии Веттинов был известен с X века. Пять столетий спустя географическое понятие «Саксония» перешло на наследственные земли этой династии с центром в Дрездене. Род разделился на две линии по имени их основателей: Эрнестинскую и Альбертинскую. Герцогства Саксен-Кобург и Саксен-Гота управлялись первой. И хотя владения Эрнеста I были незначительны, династии Саксен-Кобург-Гота впоследствии посчастливилось занять весьма видное место среди европейских домов.

После смерти герцога Эрнеста I в 1844 году на трон вступил его сын Эрнест II. В 1893 году он скончался бездетным. Именно поэтому герцогство и было передано потомкам его родного брата Альберта Саксен-Готского, состоявшего в браке с английской королевой Викторией. Поскольку согласно конституции герцогства наследовать трон король Великобритании

и его прямой потомок не могли, престол этого маленького немецкого княжества после смерти бездетного правящего герцога Саксен-Кобурга унаследовал его племянник Альфред Эрнест Альберт, второй сын королевы Виктории.

Резиденцией герцогов Саксен-Кобург-Готских являлся город Кобург. Расположенный в живописных лесах на севере Баварии, он впервые упоминался еще в XI веке, но права города получил в 1231 году. Династическими браками герцоги были связаны со многими правящими домами Европы, в том числе Великобритании, Бельгии, России, Португалии, Болгарии. Английская королева Виктория была дочерью принцессы Кобургской и сама вышла замуж за Альберта Кобургского.

В 1920 году, по итогам всенародного референдума, южная часть герцогства Саксен-Кобург-Готского вместе с городом Кобургом вошла в состав Баварии, северная часть герцогства с центром в городе Гота – в состав Тюрингии.

Такова история этого живописного края, в котором началась дальнейшая жизнь русской великой княгини.

Итак, супруг Марии Александровны из британского принца превратился во владетельного государя Германской империи. Чтобы изучить условия жизни в Германии, он прошел университетский курс в Бонне. Однако приход английского герцога к власти комментировался в немецкой прессе в агрессивнорационалистических тонах. Считалось, что, будучи сыном английской королевы, он не сможет выполнять обязанности германского владетельного князя. Трудности действительно возникли сразу: немецкий язык новый герцог знал плохо, общение было затруднительным.

А как жила дочь русского царя? Что изменилось для нее после того, как она навсегда покинула Англию?

Бесспорно, изменилось многое, причем в лучшую сторону. Германия была ближе сердцу дочери урожденной немецкой принцессы. Отныне Мария Александровна стала именоваться герцогиней Саксен-Кобург-Готской, сохранив при этом и титул герцогини Эдинбургской.

Семья поселилась в кобургском замке. Казалось, отношения между супругами вновь наладились. Но прошло совсем немного времени, и принц Альфред, вынужденный оставить свою службу в британском флоте и покинуть любимый Лондон, начал жаловаться на скучную жизнь в Кобурге. У него не было больше и возможности заниматься любимым хобби: Альфред был известным филателистом. За три года до переезда в Германию он был даже избран почетным директором Лондонского общества филателистов. (Позже свою замечательную коллекцию марок герцог, нуждаясь в средствах, вынужден будет продать старшему брату, будущему королю Эдуарду VII.)

Мария Александровна свою главную задачу все эти годы видела в удачном замужестве повзрослевших дочерей. Русская невестка английской королевы, хотя прожила в Англии два десятка лет, была не слишком расположена к этой стране. По воспоминаниям современников, она была против брака своей старшей дочери с одним из многочисленных кузенов, внуков свекрови-королевы. Поэтому, вопреки пожеланиям английской бабушки, свою дочь Марию, славящуюся редкой красотой, в 1893 году она выдала замуж за наследного принца Румынии, принца Гогенцоллернского Фердинанда. (Через год Мария подарила матери первую внучку.)

Три другие дочери покинули британский остров вместе с родителями. Уже в апреле 1894 года в Кобурге состоялась свадьба восемнадцатилетней принцессы Виктории с владетельным герцогом Эрнестом Людвигом Гессенским, на которой присутствовали родственники не только из Германии, но также из Англии и России. Даже бабушка, королева Виктория, прибыла в Кобург. Примечательно, что именно на этих свадебных торжествах было объявлено о помолвке будущего царя Николая II, племянника Марии Александровны, с гессенской принцессой Аликс, родной сестрой герцога.

Ровно через два года Мария Александровна выдала замуж третью дочь, Александру, за князя Эрнста VII Гогенлоэ-Лангенбургского. А в 1896 году родительский дом покинула и младшая – Беатриса. Она вступила в брак с принцем Орлеанским Альфонсом, инфантом Испании, и переехала в Мадрид.

Все дочери русской великой княгини сделали хорошие партии. На ступеньке семейной лестницы остался лишь единственный сын герцогской четы, наследный принц Альфред. И тут случилось непредсказуемое.

В день празднования двадцать пятой годовщины свадьбы родителей внук императора Александра II совершил попытку самоубийства. Как стало известно позже, вступив во внебрачные отношения, он заразился венерической болезнью. Узнав об этом, чтобы избежать позора, он выстрелил себе в голову. Спасти его не удалось, наследный принц Саксен-Кобургский умер через две недели. Ему было двадцать пять лет.

Смерть сына была страшной трагедией для родителей, их горе было безграничным. Пережив столь сильное нервное потрясение, стал жаловаться на недомо-

гание супруг Марии Александровны. Не прошло и полтора лет после смерти сына, как он скончался от рака горла. Это случилось в июле 1900 года. Так для великой княгини наступили годы вдовства длиной в двадцать лет.

Саксен-Кобургский престол перешел к шестнадцатилетнему племяннику почившего герцога, принцу Чарльзу Эдуарду, сыну его младшего брата Леопольда. Однако в течение пяти лет, то есть до совершеннолетия юного герцога, правление должен был осуществлять наследный принц Эрнст Гогенлоэ, муж Александры, дочери русской великой княгини.

Карл (Чарльз) Эдуард правил вплоть до 1918 года. После Первой мировой войны парламент Великобритании принял закон, по которому герцог, внук королевы Виктории, из-за участия в военных действиях против Англии и ее союзников лишился всех британских титулов.

В ноябре 1918 года Карл Эдуард, как и германский император Вильгельм II, был свергнут. Саксен-Кобург и Саксен-Гота стали отдельными государствами в составе Веймарской республики. Спустя некоторое время Саксен-Кобург стал частью Баварии, а Саксен-Гота – Тюрингии.

Династия Саксен-Кобург-Готская вступила на британский престол в 1901 году после смерти королевы Виктории, когда престол занял сын королевы Виктории и принца Альберта Эдуард VII.

До 1917 года правящая королевская династия носила название Саксен-Кобург-Готская. После начала Первой мировой войны Георг V отказался за себя и за свою семью от всех немецких титулов и званий, а также от родового имени. Английский король принял фамилию Виндзор по названию Виндзорского замка.

Вдовствующая герцогиня после смерти мужа продолжила жить в Кобурге и лишь спустя несколько лет переехала в Швейцарию. При кобургском дворе продолжали соблюдать строгий этикет. Служащие всегда были подтянуты, одеты в придворные ливреи и свято соблюдали установленные распорядки и традиции. Мария Александровна большую часть времени проводила на вилле «Эдинбург». Трехэтажное здание, в котором находилась и домашняя церковь с иконами и убранством походной церкви Александра II, стало ее домом. (Позже великая княгиня подарила эту виллу дочери Виктории.) В гостиной висели большая картина, изображающая всех дочерей великой княгини еще юными принцессами, и портрет самой Марии, написанный вскоре после ее замужества.

Знаменательная вилла «Эдинбург» была для герцогини и еще одним воспоминанием. Будучи наследником престола, Николай II был так влюблен в гессенскую принцессу Аликс, что хотел вступить в брак только с ней. Поскольку основные законы Российской империи требовали, чтобы невеста наследника русского престола приняла православие, необходимо было заручиться ее согласием. Но принцесса относилась к своей религии очень серьезно и считала недопустимым перемену веры. Окончательный ответ на предложение сына русского императора она долго оттягивала. И вот в Кобурге во время торжеств по случаю свадьбы Виктории, с которой в то время гессенская принцесса была дружна, Аликс приехала на виллу «Эдинбург» за советом к ее матери, герцогине Марии Александровне, к которой относилась с большим уважением и доверием. Кузина императора Александра III постаралась убедить будущую императрицу Алек-

сандру Федоровну, что переход в православие – это не измена своей вере, а неизбежность, связанная с высоким положением жениха. Таким образом, брачный союз состоялся.

А вот замужество Виктории, дочери Марии Александровны, с братом Аликс оказалось несчастливym. Двое детей, рожденных в браке, умерли: дочь, родившаяся в 1895 году, скончалась в восемь лет, сын, появившийся на свет спустя пять лет, умер во младенчестве. Семейная жизнь стала невозможной. В конце 1901 года брак по взаимному согласию был расторгнут.

Об истинных причинах развода мнения расходятся. Будущий зять Марии Александровны великий князь Кирилл Владимирович пишет об этом следующее: *«Уступая желаниям королевы Виктории, она соединила свою жизнь с великим герцогом Гессенским. Но это не был брак по любви. Даки (так Викторию называли в семье) лишь выполнила свой династический долг, и ее чувства остались не востребованными. Семейная жизнь супругов оказалась невозможной из-за несовместимости характеров. Ей был предложен развод, но она отказалась, так как дорожила уважением жителей Гессена. Когда же настоящая любовь наконец пришла к ней, она согласилась на этот шаг и покинула Гессен, к великому сожалению своих подданных».*

Откровеннее пишет о причинах развода великий князь Андрей Владимирович, младший брат Кирилла: *«Их свадьба состоялась в 1894 году и не была счастливой с первого дня. Великий герцог отличался склонностями к мальчикам, и на этой почве семейный разлад начался».*

После развода с мужем Виктория-Мелита (второе имя ей дали родители в честь острова Мальта, где она

родилась) переехала к матери в Кобург. Туда нередко приезжал племянник Марии Александровны, сын ее брата Владимира, великий князь Кирилл. Элегантный, красивый Кирилл покорило сердце молодой женщины, все еще страдающей от неудавшегося супружества и горечи утраты материнского счастья. Родственная связь переросла в любовь. Между кузеном и кузиной завязался роман. Казалось, что все идет к свадьбе. Но возникло непреодолимое препятствие. Император Николай II сообщил великому князю Кириллу о своем несогласии с его браком: *«...Ни церковными установлениями, ни нашими фамильными законами браки между двоюродными братьями и сестрами не разрешаются».*

Столь суровое решение российского императора не повлияло на события в Кобурге. Немецкий принц Эрнст Гогенлоэ, как регент герцогства Саксен-Кобург-Готского, отправил главе российского императорского Дома личное послание, чтобы представить на его *«благоусмотрение одно дело, которое близко затрагивает честь семейства»*, чьи интересы были ему вверены.

«Великий князь Кирилл Владимирович, – писал принц, – несколько раз приезжал в Кобург, с разрешения Вашего Величества, для довольно продолжительного пребывания. Эти повторные приезды не могли пройти незамеченными и не могут рассматриваться как простые семейные визиты. Цель визитов была с самого начала предметом оживленных обсуждений в публике и прессе с комментариями все более и более оскорбительными в отношении великой герцогини Гессенской.»

К сожалению, эти скандальные выходки не имели чисто местный характер, напротив, множество газет в Германии и за границей воспроизвели эти ком-

ментарии со все растущими преувеличениями... и репутация великой герцогини теперь сильно скомпрометирована, результат печальный и столь же неожиданный, конечно, для Вашего Величества, сколько для тех, кто стал предметом всеобщего внимания...

Так как великая герцогиня принадлежит к кобургскому Дому и она не имеет ни отца, ни брата, которые могли бы защитить от компрометирующих ее честь нападок, то на мне лежит обязанность постараться прийти ей на помощь, неся в силу местных законов всю ответственность как глава Дома, пока длится мое регентство, и в особенности обязанность охранять честь герцогского Дома и его членов.

В том положении, в котором дело находится, единственный способ положить конец нападкам был бы в браке великого князя, который как человек чести имеет твердое намерение жениться на своей двоюродной сестре».

Ответ вновь был отрицательным: «Ни основные законы нашего семейства, ни весьма точные правила нашей православной церкви не дают мне права терпеть брак между великим князем и его двоюродной сестрой».

Вот такая непростая ситуация возникла в семье вдовствующей герцогини Марии Александровны. Она прекрасно понимала, что негативное отношение к браку ее старшей дочери с великим князем Кириллом со стороны императора связано с тем, что бывший муж Виктории, великий герцог Гессенский, был родным братом императрицы, которой, как свидетельствуют очевидцы, «было неприятно видеть разведенную жену своего брата одной из старших великих княгинь».

Семья герцогини Кобургской решила, что иного выхода, как тайный брак, не остается. Свадьбу назна-

чили на сентябрь 1905 года. Не сообщая дату венчания, о предстоящем событии известили лишь нескольких ближайших родственников и друзей. Местом венчания была выбрана маленькая православная домовая церковь в доме графа Адлерберга в городке Тегернзее, расположенном неподалеку от Мюнхена.

Торжество было очень скромным. Кроме великой княгини Марии Александровны присутствовали ее камергер, две фрейлины, младшая дочь Беатриса, хозяин дома и его домоправительница.

Несмотря ни на что, Николай II узнал о бракосочетании. Кто мог донести, семья так и не установила. Но это уже не имело значения.

Император велел уволить великого князя Кирилла со службы и запретить ему въезд в Россию. «Отвергнутые» большую часть времени проводили в Кобурге. Чтобы молодые не скучали, герцогиня частенько приглашала к себе офицеров-немцев, служивших в Кобурге, устраивала для них вечера. Они великой княгине очень симпатизировали и ласково называли Tante Mari.

Мать наслаждалась счастьем своей дочери, принцессы Великобританской, Ирландской и Саксен-Кобургской. Спустя несколько месяцев у нее появилась внучка Мария. Два года спустя неожиданно Николай II сменил гнев на милость. Российский император признал брак и повелел именовать дочь кобургской герцогини Марии Александровны великой княгиней Викторией Федоровной.

В мае 1910 года великокняжеская чета с детьми (в 1909 году Виктория родила еще одну девочку) переехала в Россию. Семья поселилась в Петербурге. Виктория-Мелита стала активно заниматься благотворительностью. Во время войны, когда мать и дочь оказались по разные стороны русской границы, за помощь

инвалидам-фронтовикам дочь была награждена Георгиевскими крестами всех степеней.

После большевистского переворота семье с большим трудом удалось перебраться в Финляндию. Там у великой княгини Виктории Федоровны родился сын Владимир, который в дальнейшем будет тесно связан с Россией.

Сама же Мария Александровна, покинув после замужества свою родину, в Россию приезжала редко. Помимо двух-трех летних визитов она в феврале 1905 года прибыла вместе со своей младшей дочерью Беатрисой в Москву на похороны брата, великого князя Сергея Александровича. Спустя четырнадцать лет после злодейского убийства отца-императора его постигла такая же участь: бомба, брошенная террористом в карету, на которой он выезжал из Кремля, буквально разорвала его на куски.

Для сестры это было большой утратой: брата Сергея она очень любила. Он отвечал ей взаимностью, относился к ней с большим уважением, прислушивался к ее советам. Когда Мария Александровна узнала о возможном браке Сергея с принцессой Гессенской, внучкой английской королевы Виктории, она написала своему старшему брату, императору Александру III: *«Сергей будет просто дурак, коли не женится на ней. Красивее и милее принцессы он никого не найдет»*. К совету прислушались. Великий князь Сергей Александрович вступил в брак с Эллой, и теперь Елизавета Федоровна (такое имя она получила в России) стала вдовой. Ее горю золовка искренне сопереживала, а смерть любимого брата долго оплакивала. Она была ему особенно благодарна за нежную любовь и внимание к матери. Глубоко религиозный человек, великий князь Сергей после ее смерти уехал в Иерусалим и основал на горе Елеонской русскую православную цер-

ковь, посвятив многострадальной императрице-матери, принцессе из Дармштадта.

Знавшие Марию Александровну вспоминали, что, несмотря на крутой нрав, из-за которого ее побаивались некоторые из приближенных, герцогиня была сердечной женщиной. Отличаясь прямоотой и умом, она никогда не скрывала того, что думает, и высказывала вслух свое мнение.

Последние годы жизни герцогиня Саксен-Кобург-Готская прожила в Цюрихе. В Швейцарию переехала из Финляндии и ее дочь Виктория с семьей. Но вновь быть вместе им пришлось совсем недолго. 24 октября 1920 года русская великая княгиня Мария Александровна, дочь императора Александра II, скончалась. Ее похоронили в Кобурге, в фамильном склепе герцогов Кобургских.

* * *

Герцогиня Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская оставила после себя четырех дочерей. Старшая, Мария, известная в Европе своей яркой красотой, в супружестве с принцем Гогенцоллернским Фердинандом, занявшим в 1914 году румынский престол, стала матерью четверых детей – сына и трех дочерей. В 1927 году она овдовела и спустя одиннадцать лет умерла. Прах ее покоится в монастыре города Куртя-де-Арден рядом с мужем.

Сын румынской королевы Кароль находился у власти десять лет, затем был вынужден отказаться от престола в пользу своего сына Михая. Последние годы внук Марии Александровны жил в Португалии, где и скончался. Две ее внучки, Елизавета и Александра, тоже имели королевский титул: старшая была за-

мужем за греческим королем Георгом II, вторая стала женой короля Югославии Александра I, который покинул ее вдовой с тремя сыновьями. Долгую жизнь прожила младшая внучка русской великой княгини от дочери Марии, Ильяна. Она оставила после себя мемуары, которые были опубликованы в 1952 году.

Виктория с мужем большую часть времени до 1928 года проживала в Кобурге на вилле «Эдинбург». Затем супруги переехали на север Франции в свой дом в Бретани. После того как великий князь Кирилл Владимирович в августе 1924 года объявил себя императором в эмиграции, Виктория-Мелита выполняла «монаршие обязанности». Она даже продавала свои художественные работы, чтобы собрать деньги для помощи обездоленным русским эмигрантам.

В ноябре того же года Виктория совершила поездку в Соединенные Штаты, надеясь получить американскую поддержку, чтобы восстановить монархию. Однако ее попытка не увенчалась успехом – в газете «Нью-Йорк таймс» появилась очень негативная статья о Кирилле Владимировиче и его «императорских» амбициях.

В 1936 году Виктория неожиданно скончалась от осложнения после гриппа, не дожив одного года до своего шестидесятилетия. У постели умирающей были ее сестры: инфанта Беатриса, которой предстояла долгая жизнь, и принцесса Гогенлоэ Александра (она умерла в Германии спустя шесть лет). С сестрами Виктория поддерживала хорошие отношения до последних дней своей жизни, особенно с Марией, королевой Румынской. С ней она все годы вела интенсивную переписку.

Через два года после смерти жены ушел из жизни и ее муж Кирилл. Похоронили его рядом с любимой супругой в Кобурге. (Спустя пятьдесят семь лет прах

Кирилла и Виктории будет перенесен в Петербург, в великокняжескую усыпальницу Петропавловского собора.)

В Кобурге много времени проводила третья дочь русской великой княгини, Александра, княгиня Гогенлоэ-Лангенбург. Этот город продолжал оставаться резиденцией герцога Карла Эдуарда, племянника мужа Марии Александровны, наследовавшего престол после его смерти. Зимой он жил в старинной кобургской крепости, а в теплое время года в своей летней резиденции. Будучи по рождению великобританским принцем, а по воспитанию англичанином, внук королевы Виктории превратился в настоящего немца. Английские родственники его сторонились.

Такое богатое потомство оставила после себя дочь российского императора Александра II, волей судьбы оказавшаяся за пределами своей родины. Ее вторым домом стала Германия. В семье Романовых великую княгиню Марию Александровну, герцогиню Саксен-Кобург-Готскую, считали зарубежным центром объединения родственников. Оставшись вдовой, она, как истинная мать, жила счастьем своих дочерей, которые разъехались по всей Европе.

Ольга Константиновна

Великая княжна, королева Греческая, дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны.

Ольга родилась 22 августа 1851 года. Она была старшей дочерью в семье второго сына императора Николая I, великого князя Константина, в браке, заключенном им по любви с немецкой принцессой Александрой. Мать Ольги слыла первой придворной красавицей, правда, образованием и интеллектом не блистала, хотя и пользовалась большим уважением окружающих.

Немецкая принцесса родила шестерых детей: четырех сыновей и двух дочерей (младшую, Веру, удочерила великая княгиня Ольга Николаевна, когда той исполнилось десять лет, и она уехала в Штутгарт). Ольга и Николай были старшими.

Большую часть времени семья проживала в своем Мраморном дворце – роскошном доме из серого мрамора, подаренном некогда Екатериной II фавориту, графу Орлову. Однако родители часто бывали в отъезде, и детьми занимались воспитатели и учителя. Последние были исключительно немцами. Как писал

впоследствии внук великой княгини Ольги Константиновны, князь Михаил Греческий, «*Никí* (так в семье называли старшего сына) с *Ольгой* учатся, да так, что ни минуты отдыха. А ежели поведут их гулять, и тут заставляют делать экзерсисы. *Ольга* плохо учится, зато всегда веселая. А *Никí* – блестящий ученик. Но вот он – не всегда веселый». Учебные занятия не прекращались даже в летнее время.

Мать была по отношению к детям очень строга. Она не возмущалась даже тогда, когда узнавала, что учитель старшего сына наказывал его розгами, полагая, что это именно та мера, которая необходима для воспитания. Отца же, хотя тот казался суровым и не терпел никаких возражений, дети считали своим другом и товарищем. Однако виделись они с ним нечасто, так что родительского внимания и ласки явно не хватало. Недостаточно было и тех простых маленьких радостей, которые делают детство счастливым. Но зато между самими детьми великого князя Константина Николаевича были большая дружба и сплоченность, которые в некотором роде компенсировали недостаток родительского тепла.

Ольге было одиннадцать лет, когда император Александр II назначил ее отца наместником Царства Польского. В 1862 году семья переехала в Варшаву. Устроились в старом и неуютном дворце. В Польше наместник и его семья прожили почти четыре года. В Петербург они возвратились, когда была получена информация, что на великого князя Константина Николаевича готовилось покушение. Но в назначенный день бомбу не бросили лишь потому, что в карете вместе с ним были его двое детей: Ольга и Николай.

Спустя некоторое время после возвращения из Варшавы характер великой княгини Александры Иосифовны переменился. Она стала раздражаться по пу-

стякам, перестала вообще интересоваться детьми, а затем и вовсе переехала в Павловск. О причине такого поведения матери детям стало известно значительно позже. В супружеской жизни родителей случилось непредсказуемое: великий князь Константин Николаевич пришел к брату-императору и попросил его согласия на развод с женой и повторный брак с балериной Анной Кузнецовой, с которой у него была связь. Государь отказал. Тогда Константин Николаевич стал жить с любовницей открыто. Купил ей дом в Крыму, построил другой вблизи дворца в парке Павловска. Балерина ждала от него ребенка. Так у великого князя, по сути, появилась другая семья и другие дети (со временем их стало четверо). Этот позор и должна была пережить его супруга, мать шестерых детей.

Таким образом, радужным и беспечным детство великой княжны Ольги назвать нельзя, да оно скоро и закончилось. В шестнадцать лет Ольгу выдали замуж за греческого короля Георга I, который был старше ее на шесть лет. Как показала дальнейшая жизнь, в браке с греческим королем Ольга оказалась счастлива. Король Георг I греком не был. Он родился в Копенгагене и был вторым сыном датского короля Христиана IX. В Греции же принц Датский – а точнее принц Шлезвиг-Гольштейн-Зондентбург-Глюксбургский – оказался в связи с политическими событиями в Европе.

* * *

С XV века Греция находилась под властью турок и лишь в 1830 году стала независимым государством. Это оказалось возможным как в результате борьбы греков за свою свободу, так и вследствие поражения Турции в войне с Россией в 1829 году.

В 1862 году в Греции произошла буржуазная революция. Однако Россия, Англия и Франция вмешались и приняли совместное решение сохранить там монархию. Эти страны подыскали и подходящую кандидатуру на греческий престол: выбор пал на второго сына датского короля Христиана IX. 30 октября 1862 года принц Георг (ему не было и восемнадцати лет) прибыл в греческий порт Пирей и на следующий же день принял присягу на верность конституции совершенно незнакомой ему страны.

Лютеранин начал правление в стране православия. Оно было сопряжено с немалыми трудностями: греческого языка король не знал, страна в экономическом отношении была крайне отсталой. Наиболее развитые ее территории находились под властью турок. Георг начал искать поддержки у других государств и прежде всего у России.

Спустя четыре года правители Англии, Франции и России выбрали молодому королю супругу. Ею стала юная племянница императора Александра II, великая княжна Ольга Константиновна...

Бракосочетание состоялось 15 октября 1867 года в Царском Селе. Замужество русской великой княжны с греческим королем должно было способствовать укреплению связей между Россией и Грецией, а также положить начало сближению санкт-петербургского и афинского владетельных домов.

Свадьба была поистине королевской: с орудийными залпами, фейерверками и конечно же с многодневными балами. Присутствовали представители едва ли не всех монархий Европы. Жених на торжествах был в русском генеральском мундире, что особенно привлекало внимание присутствующих.

Спустя несколько недель после свадьбы юная королева из заснеженной России перенеслась под яркое

солнце страны, где отныне ей предстояло жить. Она оказалась в городе, который значительно уступал великолепию и блеску ее родного Петербурга. В те годы столица Греции кроме своих античных руин больше ничем не привлекала. Там не было ни современных домов, ни архитектурных памятников нового времени, ни парков, в зелени которых можно было укрыться от жары. У подножия Акрополя было пастбище, где паслись козы и овцы, а вблизи королевского дворца стояли крытые черепицей бедные хижины, в которых жили простые греки. Сам же дворец был далек от той роскоши, среди которой провела свое детство Ольга: пустой и убогий.

Нетрудно представить, какие чувства испытала новоиспеченная греческая королева, оказавшись в непривычной для себя обстановке, вдали от родного дома и близких. Ее настроение можно понять, но чувство долга победило.

Чтобы не терять связь с Россией, Ольга регулярно обменивалась письмами со своими родными, интересовалась новинками русской литературы. Как свидетельствуют современники, она и сама пробовала писать. Сохранилась составленная и изданная ею уникальная хрестоматия *«Изо дня в день. Извлечения из сочинений г-на Лермонтова на каждый день»*. В книге 365 страниц – по числу дней в году. В ней собраны отрывки из стихотворений и прозаических произведений поэта. На каждой странице – две-четыре строчки «с особым смыслом», взятые в цветную рамку.

Мысли дочери русского великого князя, находившейся вдали от родины, частенько обращались к братьям, оставшимся в Петербурге. Больше всего ее беспокоил старший брат. Ей сообщали о его любовных похождениях, о связи с некоей Фанни Лир, американкой. На расстоянии все это казалось особенно ужас-

ным. Правда, когда великий князь Николай, путешествуя по Европе, неожиданно прибыл на остров Корфу, сестра встретила его с распростертыми объятиями. На своего Никí она всегда смотрела с обожанием. Не смутило королеву и то, что брата сопровождала пресловутая американка, о которой Ольга была наслышана. Она была первая из всей семьи, кому Николай представил свою возлюбленную.

В книге «Биография великого князя Николая Константиновича» князь Михаил Греческий так описывает сцену свидания: *«Королева Ольга обращалась с ней как с ровней... Она расспросила ее о путешествии, давала кучу советов, куда пойти и что посмотреть здесь, на острове. Говорили они по-английски. Ольга изъяснялась легко и правильно, как, впрочем, и еще на пяти языках... Не было в королеве ни намека, ни тени высокомерия. Фанни чутко следила. Ведь она для Ольги – недостойное, погибшее создание. Но нет, Ольга была с ней не просто ласкова, а искренна, открыта, сердечна...»*

С братом Ольга расставалась с грустью, хотя предвидеть его трагическую судьбу тогда не могла.

* * *

Связь Николая с американкой, тщеславной красавицей, приехавшей в Россию, чтобы, как она говорила, покорить ее, длилась несколько лет. Своего молодого любовника она буквально обворовывала, что вызывало его ссоры с родителями. Он же ради своей возлюбленной готов был на все, даже стал красть ценные вещи из дворца, чтобы покупать для нее богатые украшения. Когда из оклада иконы, подаренной великой княгине Александре Иосифовне императором Ни-

колаем I в день ее свадьбы, пропали бриллианты, виновным был признан великий князь Николай Константинович. Чтобы избежать скандала в императорском семействе и оправдать позорный поступок великого князя, в семье Романовых было принято решение объявить его невменяемым.

Американку Гетти Блэкфорд (это ее настоящее имя) немедленно выслали из России (десять лет спустя она умерла от чахотки в нищете и забвении в Ницце), а брата Ольги, объявив нездоровым, увезли из Петербурга.

Сначала великого князя Николая Константиновича отправили в Крым, якобы для лечения, затем выслали за пределы европейской части России – в Оренбург. Там в 1877 году, несмотря на строгий надзор, он тайно, под другим именем, обвенчался с дочерью местного полицмейстера Надеждой фон Дрейер. Тайное вскоре стало явным. Высочайшим указом великий князь Николай Константинович был лишен всех привилегий и воинских званий (он был первым из семейства Романовых выпускником Военной академии) и отправлен на вечное поселение в недавно завоеванный Ташкент – самую отдаленную точку Российской империи. Венчание Синод признал недействительным.

Лишь спустя четыре года, когда на престол вступил император Александр III, брак «ташкентского князя» был восстановлен и Надежде разрешили приехать к мужу. Сначала они устроились в расположенной рядом с городом деревушке, в небольшом глинобитном домике, затем переселились в дом, построенный Николаем Константиновичем в русской части Ташкента, просторный и обставленный с великокняжеской роскошью. В семье родилось двое сыновей.

В 1903 году прибывшие в Ташкент для нового ос-

видетельствования великого князя врачи сочли необходимым отправить его для лечения в Крым. Там супругов поместили в доме жандармского начальника. Условия содержания были отнюдь не княжеские. Надзор – сторожайший. Но спустя некоторое время Никí ждал приятный сюрприз – визит любимой сестры Ольги.

Князь Михаил Греческий пишет:

«...К дому подкатилась и остановилась карета. Открылась дверца, показалась дама в дорожном платье. Никí глянул и замер. Это была Ольга, родная сестра его, королева Греции!»

Они бросились друг другу в объятия, целовались, потом отстранились и долго молча разглядывали друг друга. Говорить брат и сестра были неспособны. Никí не видел родных тридцать лет. И вот первый из их семьи, кто приехал к нему, – она, Оленька! Стройная, изящная, одета просто, но со вкусом. Правда, лицо немного округлилось, и у глаз морщинки. Но глаза, смотревшие на Никí, остались голубыми и лучистыми, как в юности. Никí прочел в них все ту же любовь».

В Крым Ольга Константиновна приехала на королевской яхте, узнав, что там находится ее всеми отверженный брат. Сестра и на расстоянии заботилась о нем. Она никогда не верила, что Никí, ее родной брат и друг детства, совершил преступление, в котором его обвинили. Даже когда на вопрос: «Ты и правда украл матушкины бриллианты из киота?» – брат ответил утвердительно, считая, что это уже не имеет никакого значения, Ольга не поверила ему. Слишком она его любила.

На прощание королева-сестра сказала: «Помни только, что я люблю тебя». Больше они никогда не делились...

Греческая королева выхлопотала у императора Николая II разрешение брату вернуться в Ташкент. Поскольку в проживании в Петербурге великому князю было категорически отказано, его местом жительства стал Ташкент, для благоустройства которого Николай Константинович приложил немалый труд. Супруги опять начали жить в своем особняке.

* * *

Королева Греции еще до этой встречи проявила заботу о сыновьях великого князя: лично попросила императора Николая II, чтобы ее племянники могли учиться в Петербурге. И когда жена ее брата-изгнанника, Надежда Александровна, в 1900 году вместе с сыновьями приехала в столицу, Артемий и Александр, получившие фамилию Искандер (по названию деревни вблизи плантации отца), по особому разрешению государя смогли продолжить образование в Петербурге. Сначала они проживали в доме своего дяди, великого князя Константина Константиновича. По ходатайству тетушки-королевы младший племянник через три года был зачислен в кадетское училище.

После завершения образования Александр жил в Петербурге, женился, имел двух детей. Во время Первой мировой войны он ушел на фронт. Когда к власти пришли большевики, младший сын великого князя Николая Константиновича сражался в Крыму в армии Врангеля, после разгрома которой в 1919 году перебрался во Францию.

Спустя год Александр навестил сестру отца, королеву Греции. Ольга Константиновна сердечно приняла сына своего любимого брата, предложила ему по-

мощь деньгами. Тот отказался от помощи, хотя был очень благодарен тетушке-королеве. Александр гордо заявил, что уже научился сам зарабатывать на жизнь: потрудился за это время и шофером, и ночным сторожем, и даже поваром.

Несколько позже Ольга Константиновна узнала, что ее племянник, устроившись репортером в небольшой французской газете, много разъезжал по Европе, но ни с кем из своих родственников больше не общался.

Скончался Александр Николаевич в 1957 году в Ницце накануне своего семидесятилетия. О судьбе детей, оставленных им в России, ни ему, ни кому-либо из родных не было известно. Лишь в девяностые годы просочились сведения, что в Москве проживает всеми забытая внучка великого князя Романова. Имя ее – согласно указу главы императорского Дома в изгнании – Наталья Александровна Романовская-Искандер. Потомки великого князя Николая Константиновича в 1925 году были им удостоены княжеского титула.

В своей книге о родном брате бабушки-королевы Михаил Греческий описал сцену знакомства со своей родственницей. Состоялось оно в июле 1998 года в холле петербургской гостиницы «Астория», где собрались Романовы – представители более трех поколений, – чтобы отправиться в Петропавловский собор и присутствовать на перезахоронении останков императора Николая II и его семьи. Михаила пригласили на эту церемонию, потому что он был внуком великой княгини Ольги, тоже Романовой. На сбор родственников прибыла и никому не известная внучатая племянница Ольги Константиновны.

Высокая дородная старуха с седыми волосами и морщинистым лицом, как описывает ее князь Ми-

хаил, медленно вошла на костылях в холл. Одетая она была в простое платье, но смотрелась благородно.

«Князь Николай сделал шаг вперед. Он старший Романов, глава Дома. Он высок и властен. Когда говорит – все умолкают. Князь подошел к старухе, поклонился. Значит, эта старая женщина тоже член семьи и ей подобают почести.

Но чувствовать ее никто не спешит.

Романовы нутром чувствуют, что она им не своя... Чужакам тут ходу нет. Вот и эту барыню хоть и не гонят, но привечать не собираются».

Князя Михаила заинтересовала судьба восьмидесятидвухлетней «старухи Тали», как звали ее близкие, которая оказалась его кузиной. Через своего русского друга он договорился с ней о встрече и узнал об удивительной судьбе дочери племянника своей всеми почитаемой бабушки.

В 1929 году двенадцатилетняя девочка вместе с матерью, так и не узнавшей о судьбе мужа, и братом (связь с ним потом потерялась) приехала в Москву. Ей предстояло прожить очень трудную жизнь. Закончив школу, поступить в институт она не смогла – потому что была «из бывших», – пошла работать. Освоила многие профессии (от сапожницы до циркачки – мотоциклистки-виртуоза), впоследствии став инвалидом, проживала всеми забытая в маленькой московской квартирке. Семейой обзавестись ей не довелось.

Она умерла, как жила, – одна, вскоре после встречи с «братом Мишей», словно ждала своего настоящего «династического родственника, чтобы открыть ему все и сказать то главное, что таила в себе всю жизнь... Я понял это. И написал книгу, жизнеописание забытого всеми великого князя Николая Константиновича» – так писал Михаил Греческий.

Артемий, старший сын великого князя Николая Константиновича, окончил Николаевское кавалерийское училище. Во время Первой мировой войны он был на фронте, а после октябрьского переворота 1917 года переехал к матери в Ташкент. Там он скончался от тифа спустя год после смерти отца, не дожив и до сорока лет. (По другой версии Артемий погиб во время Гражданской войны.) Потомства после него не осталось.

Любимый брат Ольги Константиновны, с которым только она одна из всей романовской семьи поддерживала близкие отношения, умер в Ташкенте в феврале 1918 года. Тайну о краже семейных бриллиантов великий князь унес с собой в могилу.

За несколько месяцев до смерти Временное правительство сняло с великого князя арест, наложенный в 1874 году. Он стал свободным. Николай Константинович приезжал в Петербург, чтобы встретиться с сестрой. Но встреча не состоялась, так как королева Ольга Греческая уже покинула Россию. Николай Константинович с невесткой и двумя детьми сына Александра возвратился в Ташкент. Он никогда так и не узнал, что еще в январе 1917 года император Николай II – не без вмешательства сестры-королевы дал согласие на пожалование *«супруге великого князя Николая Константиновича Надежде Александровне Дрееер (так в тексте) и их детям Артемию и Александру, ранее получившим потомственное дворянство с фамилией Искандер, титулов графов Искандер»*. Но это решение уже не успели оформить указом. 3 марта император подписал акт о своем отречении от престола.

По официальным сведениям великий князь был расстрелян захватившими власть большевиками.

Но есть и другая версия: Николай Константинович умер от воспаления легких, и большевики устроили ему пышные похороны, считая, что он был отправлен в ссылку за мятеж против царя. Могила великого князя Николая Константиновича, старшего брата королевы Ольги, неизвестна. Но его дворец в Ташкенте уцелел. Вдову большевики из дворца выгнали, и Надежда Александровна несколько лет жила в сторожке как нищенка. Не могли ей помочь и сыновья: старшего уже не было в живых, а младший покинул Россию с остатками белой армии.

* * *

Мать Ольги Греческой скончалась в 1911 году, за семь лет до смерти старшего сына. После его изгнания из российской столицы она больше с ним никогда не виделась, хотя Ники много раз писал ей с просьбой о встрече. Отец умер в 1892 году, так и не получив от жены прощения за свою измену.

Всякий раз, бывая в Павловске, греческая королева подолгу стояла у «Памятника родителям», с которыми разлучилась, когда ей было всего шестнадцать лет. Ей было о чем задуматься....

Покинув родину, великая княгиня Ольга Константиновна стремилась использовать любую возможность, чтобы поддерживать связь с Россией. Каждый раз, когда в Грецию приходили русские военные корабли или торговые суда, она стояла на берегу и встречала дорогих соотечественников в надежде увидеть среди офицеров кого-нибудь из родственников. Греческая королева регулярно посещала эти суда, присутствовала на их праздниках и самодеятельных концертах, обедала вместе с судовой командой.

Нередко королева Ольга приглашала моряков к себе во дворец, устраивала для них чаепития и елки. Кстати, как говорят, обычай наряжать рождественские елки появился в Греции с приездом русской великой княгини.

Из подарков от моряков королева создала в своем дворце Морскую комнату, нечто вроде небольшого Русского музея, где бережно хранила фотографии кораблей, бескозырки, сувениры, изготовленные для нее матросами. А иконы, полученные Ольгой Константиновной в дар от экипажей русских судов, и поныне висят в церкви, переданной ею посольству России в Греции. Эту церковь, расположенную в центре Афин, называют «русской». Там и сейчас идут службы на русском языке.

Русские моряки с судов, постоянно курсировавших в Средиземном море, называли великую княгиню Ольгу Константиновну не иначе как «наша матушка-королева». Когда однажды во дворце случился пожар и пламя увидели на рейде порта Пирей, матросы бросились в Афины спасать королеву. Им удалось вынести из горевшего дворца все имущество и потушить пожар.

По приказу русской великой княгини возле королевского дворца в Афинах был разбит небольшой парк. Некоторые деревья для него (и даже землю в мешках) привозили на кораблях из России. Сейчас это большой и тенистый Национальный парк возле бывшего королевского дворца.

На личные средства внучки императора Николая I в Пирее, древнейшем порту на Средиземном море, расположенном в десяти километрах от Афин, был построен русский госпиталь для больных моряков с российских кораблей, заходивших в этот порт. Там же по ее инициативе было заложено кладбище, где хорони-

ли погибших в сражениях или умерших от болезней моряков с кораблей русской эскадры.

После октябрьского переворота в России на этом кладбище нашли последний приют многие эмигранты. Об этом напоминает огромный валун с морским якорем и крестом, под которым начертано: *«Русское кладбище Союза русских эмигрантов в Греции, основанное Е. В. королевой эллинов Ольгой Константиновной»*. (С недавнего времени могилы, за которые эмигранты не могли больше платить, стали безжалостно сносить. Чтобы хоть что-то спасти, был найден оригинальный выход: на кладбище построили часовенку, стены которой сложены из кусков плит, снятых с русских могил.)

* * *

Великий князь Константин, поэт К. Р., родной брат Ольги Константиновны в августе 1884 года написал следующее стихотворение:

Посвящаю Ольге

Больной матрос. В чужом порту, в больнице
Он слег. Немного дней еще болеть ему.

Ох, не легко и жить-то за границей,
А умирать – не дай-то, Боже, никому.

Убогая палата. Стены голы,
Пол клейкий, крашеный и низкий потолок;
Хоть бы один лампады луч веселый,
Хоть бы один в углу невзрачный образок.

Все сестры милосердья да больные,

Все речи на чужом, невнятном языке,
Все лица незнакомые, чужие,
И одинок меж всех в предсмертной он тоске.

Но вот неслышно, легкою стопою
Подходит женщина к кровати бедняка.
То русская, и русскою душою
Так и влечет ее проведать земляка.

Слова участия на родном наречье
Так нежно, ласково звучат его ушам,
И на короткий миг свое увечье
Позабывает он, внимая тем словам.

В ее глазах так много состраданья,
Она заботливо так на него глядит,
Она ему внушает упованье
И образок святой забытому дарит.

Он умер, никого не проклиная.
Есть хоть единая душа в краю чуждом,
Ему не близкая, но все ж родная,
Она помолится и погрустит о нем.

С великим князем Константином Константиновичем, обладающим редким поэтическим даром, Ольгу связывала нежная дружба. *«Поэт, композитор, переводчик, президент императорской Академии наук, создатель первых в России комиссий помощи нуждающимся литераторам, ученым, музыкантам»* – таков был этот талантливый внук императора Николая I. Как и сестра, он дорожил хорошими отношениями между Россией и Грецией. Королева Ольга была крестной матерью его первенца, сына Иоанна, рожденного в браке с принцессой Саксен-Альтенбургской, наре-

ченной в России великой княгиней Елизаветой Маврикиевной. В своих «Дневниках», изданных под названием «Возвышение души», великий князь с большой теплотой пишет о каждой встрече с любимой сестрой.

«Вчера утром приехала Оля с сыновьями Георгием и Николаем... Незаметно, чтобы она была больна. Но тем не менее ей надо очень беречься...» – записал он в «Дневнике» 3 мая 1893 года.

Вот запись тремя неделями позже: *«Ольга с сыновьями уезжала обратно в Грецию, покидала Петербург. Я не мог сдержать слез. Прощание с Олей имело на меня такое действие. Она для меня самое любимое существо. При ней я могу думать вслух. И вот она уехала».*

Своей сестре, греческой королеве, К. Р. (великий князь Константин Романов) посвятил не только лирические стихи, но и одно из самых значительных своих произведений – драму «Севастьян-мученик».

Теплые, дружеские отношения у Ольги Константиновны всегда были и с двоюродным братом Сергеем, сыном императора Александра II. Сложились они еще в юные годы королевы, но сохранились до самой смерти Сергея в 1905 году. И хотя она виделась с ним редко, но всегда оставалась его доверенным лицом. Узнав о женитьбе кузена на гессенской принцессе Элле, незамедлительно написала, что выбор его одобряет. А ведь когда-то в ранней юности Сергей был к ней явно неравнодушен. Ходили разговоры, что младший сын царя испытывает большую привязанность к великой княжне, которая была старше его на шесть лет. Но жизнь их развела...

Ольга Константиновна очень переживала, узнав о трагической смерти своего «детского воздыхателя», которое произошло в феврале 1905 года. Узнав подроб-

ности злодейского убийства великого князя Сергея Александровича, она написала брату Константину в Петербург: *«Элла! Как я за нее страдаю, я и сказать не могу. Это чудная, святая женщина – она, видно, достойна тяжелого креста, поднимающего ее выше».*

Весной того же года греческая королева приехала со своим младшим сыном Христофером в «Ильинское», поместье великого князя Сергея под Москвой, чтобы провести несколько недель среди его близких и пообщаться со своими внуками. (Дети ее дочери, скончавшейся при родах второго ребенка, воспитывались в доме Сергея Александровича.) *«Она была очаровательной пожилой дамой, которая сразу же располагала к себе. Подкупала ее душевная мягкость и чисто детская непосредственность. Казалось, ничто не способно вывести ее из равновесия, она умела во всем видеть хорошие стороны»* – так писала в своих «Воспоминаниях» великая княгиня Мария Павловна, внучка королевы Ольги.

Была близка королева Греции и с семьей императора Александра III. Великая княжна Ольга Александровна вспоминала: *«Самые интересные гости приезжали из Греции. Их называли «греческой компанией». Компанию эту возглавляла королева эллинов Ольга Константиновна, любимая кузина Александра III. Она обычно приезжала к матери, у которой в Стрельне был загородный дворец, но некоторые из ее сыновей ехали в Александрию, где их присутствие способствовало веселому летнему времяпрепровождению. Ольга Константиновна привозила с собой множество изысканных вышивок с целью продать их в России и вырученные деньги употребить на благотворительные нужды в Греции».*

В 1891 году, узнав о болезни Георгия, старшего сына императора Александра III, греческая королева

предложила свою виллу «Монрепо» на острове Корфу. Великий князь Георгий Александрович в двадцать лет заболел туберкулезом легких и по рекомендации врачей должен был срочно сменить климат. Однако самым подходящим для молодого великого князя врачи посчитали высокогорное местечко Абастуман на Кавказе, где он и жил до своей смерти в 1899 году. Это была страшная драма для его матери, к тому времени уже вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Отец-император скончался за пять лет до смерти сына.

Удивительно добрая и отзывчивая душа Ольги Константиновны моментально реагировала на горести других – будь то родные и близкие или же люди незнакомые, по воле судьбы оказавшиеся в поле ее зрения.

* * *

Много полезного русская великая княгиня сделала и для греков. Призвание благотворительницы она нашла и в чуждой стране. По воспоминаниям современников, королева покорила своих подданных доброжелательностью, легким нравом, умением относиться к простым людям с большим вниманием и тактом. Неслучайно очень скоро греки признали в ней «Василиссу тон эллинон», то есть «королеву всех эллинов».

Внук королевы Ольги, князь Михаил Греческий, писал потом об этом такие строки: *«Греки ее обожали, а она их. Делала она кучу добрых дел – строила больницы, богадельни, детские дома, к тому же сама в них работала. В политику никогда не лезла. Из царских привилегий оставила себе одну: была всей Греции матерью и помощницей».*

По личной инициативе королевы в Афинах во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов были открыты медицинские курсы для женщин, которые решили стать сестрами милосердия. Ольга Константиновна и сама посещала эти курсы. Она покровительствовала Обществу любителей образования и сиротскому приюту для девочек, основала в Афинах больницу «Эвангелизмос» («Благовещение»), за это греки ей были особенно благодарны. А ведь прибыла она в неведомую ей страну в возрасте шестнадцати лет. И, несмотря на молодость и определенные трудности, русская великая княжна проявила себя как очень мудрая, проникательная и, что особенно полюбилось грекам, сердечная королева.

Как и ее муж, она старательно изучала греческий язык, чтобы общаться с гражданами страны, которой ей предстояло править, на их родном языке. Управлять страной супругам выпало в непростое время. Но, несмотря ни на что, король и королева запомнились грекам как милосердные и доброжелательные правители. И хотя их брак был заключен по политическим соображениям, они всю жизнь относились друг к другу с большой любовью.

Семейная жизнь Ольги Константиновны сложилась благополучно. Русская великая княгиня родила мужу семерых детей (пятерых мальчиков и двух девочек).

Супруг русской великой княгини, греческий король Георг, правил пятьдесят лет. Во время балканской войны 1912–1913 годов, в которую оказалась втянутой Греция, он был убит: на улице в Салониках 18 марта 1913 года. Греческий престол занял старший сын Константин, женатый на прусской принцессе Софии, сестре германского кайзера Вильгельма. Ольга Константиновна уехала в Петербург. Таким образом,

когда началась Первая мировая война, вдовствующая королева находилась в России.

После смерти мужа она поблекла, утратила былую веселость, постоянно ходила в трауре. В Павловске, где великая княгиня проживала, она устроила госпиталь. Там, в Павловском дворце 15 июня 1915 года скоропостижно скончался ее любимый брат Константин. Еще одна большая потеря для бедного сердца Ольги Константиновны. Отвлекала от горьких дум лишь работа в госпитале. Ей она отдавала все свои силы. Раненые ее любили и относились как к матери. В Павловске греческую королеву, племянницу русского царя, и застала Февральская революция. Но уезжать из России она не хотела.

С приходом к власти большевиков жизнь в Павловском дворце стала невозможной: все было разломано и разграблено. Картины, ценности, даже мебель были растащены. Ольга Константиновна и ее свояченица (вдова брата Константина, великая княгиня Елизавета Маврикиевна) ютились в комнатках для прислуги. С едой было плохо, но Ольга Константиновна старалась держаться бодро и, по воспоминаниям очевидцев, от голода и скудости, казалось, не очень страдала. Из дворца вдовствующую королеву и вдову великого князя постоянно грозились выгнать.

Покинула Ольга Константиновна свою родину лишь в 1918 году, когда ее сын Константин, живший в то время в Швейцарии, заболел. Год назад прогермански настроенный король Греции вынужден был отречься от престола в пользу своего второго сына, Александра, в обход наследного принца Георга, который, как и его отец, считался германофилом.

В 1920 году внезапно скончался Александр, внук Ольги Константиновны, и ее сын Константин, в то время находившийся за пределами страны, вновь был

провозглашен королем. До возвращения короля в Грецию его мать, вдовствующая королева, являлась регентшей.

Сын Константин был во главе греческой армии в военных действиях против Турции, начавшихся в мае 1919 года. После поражения греков в этой войне Константин в сентябре 1922 года вторично отрекся от престола, на этот раз в пользу своего старшего сына Георга. Он покинул страну и уехал в Италию, но прожил там лишь один год. В январе 1923 года он умер в Палермо в возрасте пятидесяти пяти лет.

Правление Георга II было непродолжительным. В марте 1924 года Греция была объявлена республикой, и король был вынужден покинуть страну. Он проживал в Лондоне, скончался в 1947 году. Потомства в браке с дочерью румынского короля Георг не оставил.

После смерти старшего сына Ольга Константиновна оставила Грецию навсегда. Она жила во Франции и Англии, а затем поселилась в Риме у своего младшего сына Христофера. Там и скончалась 15 июня 1926 года в возрасте восьмидесяти пяти лет.

Позже прах королевы был перевезен в Афины и погребен в местечке Татой неподалеку от загородного дворца на небольшом кладбище для членов греческой королевской семьи. На простом мраморном надгробии надпись, выгравированная русскими буквами, в старинной орфографии: *«Ольга Константиновна. Российского императорского Дома великая княжна»*. Под нею по-гречески написано: *«Ольга, королева эллинов. 22 августа 1851 года – Павловск. 15 июня 1926 года – Рим»*.

Незадолго до смерти греческая королева посетила в Дании вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Все знали, что покинувшая Россию супруга

императора Александра III, упорно не желая смотреть правде в глаза, не могла, а может, просто не хотела верить, что ее сына, императора Николая II, и его семью большевики расстреляли. В то время бывшая императрица жила во дворце Видере под Копенгагеном. Родственники относились к ней с почтением, часто навещали. Нанесла визит и греческая королева Ольга, которая сама находилась в изгнании и проживала в Италии. Она приехала к матери последнего русского царя вместе со своим шестилетним внуком, принцем Филиппом.

«Я помню принца Филиппа мальчуганом с большими, смеющимися, озорными глазами. Даже в юном возрасте он обладал независимым умом, хотя в присутствии бабушки и выглядел присмирившим. Я угощала его чаем и печеньем, с которым он расправлялся в считанные секунды. Могла ли я тогда предположить, что этот милый мальчик однажды станет супругом английской королевы!» Так вспоминала об этом визите дочь Марии Федоровны, великая княгиня Ольга Александровна, в своих мемуарах.

* * *

Греческая королева оставила большое потомство. Она была доброй матерью и заботливой бабушкой.

Старший сын, принц Константин, получивший образование в Германии, сменил погибшего от руки анархиста отца на греческом престоле.

Другой сын, принц Георг, был близким другом будущего императора Николая II. Вместе с ним, тогда еще цесаревичем-наследником, он совершил длительное заграничное путешествие и даже спас его во время покушения в Японии.

Третий сын, принц Николай, женился в 1902 году на великой княжне Елене Владимировне, стал отцом трех дочерей. Сын дочери Марины, Майк Кентский, является правнуком великой княгини Ольги Константиновны. (О семье Николая Греческого будет рассказано в отдельной главе.)

Четвертый сын, принц Андрей, и был отцом Филиппа, навестившего вместе со своей бабушкой императрицу Марию Федоровну. Он стал военным, проживал в Лондоне, был женат на леди Маунтбэттеен, матери внука русской великой княгини. Так что Ольга Константиновна является прабабушкой принца Уэльского Чарльза, старшего сына английской королевы Елизаветы II.

И, наконец, пятый сын, принц Христофер, был неразлучным спутником матери во время ее поездок в Россию. Своего младшего сына, появившегося на свет на двадцать втором году ее супружества, королева воспитала в истинно русском духе. Она обучила мальчика родному языку, всегда брала его с собой в Россию, чтобы он мог общаться там с детьми родственников. Когда Христоферу было двадцать восемь лет, он решил жениться на американке. Чтобы получить на это согласие матери, в 1914 году приехал в Петербург. Ольга Константиновна работала в то время в госпитале, устроенном в Павловске в казармах лейб-гвардии сводно-казачьего полка. По всей вероятности, мать не дала согласия на брак своего младшего сына с американкой. Впоследствии он дважды будет женат, но лишь за год до смерти станет отцом единственного сына. Христофер скончался в возрасте пятидесяти двух лет в Париже. Его сын Михаил будет всю жизнь интересоваться Россией, напишет несколько книг про императорские дворцы Петербурга и биографию великого князя Николая Константиновича, любимого брата своей бабушки-королевы.

Двух дочерей Ольга Константиновна выдала замуж за своих родственников Романовых. Летом 1889 года она привезла в Россию юную дочь Александру, которая вышла замуж за кузена, великого князя Павла Александровича, младшего сына императора Александра II. Вскоре родилась внучка Мария. Но годом позже во время родов второго ребенка – сына Дмитрия – Александра Георгиевна скончалась. Ее безвременную кончину оплакивали все. Двое маленьких детей остались без матери. Страшное горе для Ольги Константиновны было еще более страшным потому, что дети вскоре остались практически круглыми сиротами: их отец спустя три года вступил в морганатический брак с графиней Палей и по высочайшему велению был лишен родительских прав. Внуки Ольги Константиновны воспитывались в доме кузена, великого князя Сергея Александровича. Но об этом будет отдельный рассказ.

Вторая дочь, Мария, в двадцать четыре года стала супругой великого князя Георгия Михайловича, который был старше ее на тринадцать лет. Этот брак счастливым не был.

Династия, основу которой вместе с принцем Датским Георгом I заложила русская великая княжна Ольга Константиновна, была возрождена в 1947 году, когда королем стал их внук Павел. После кончины Павла в 1964 году в течение трех лет греческий трон занимал его сын Константин.

В 1967 году власть в Греции захватили так называемые «Черные полковники». Константин II с семьей вынужден был покинуть страну. А в июне 1973 года в Афинах было объявлено решение правительства о провозглашении Греции президентской парламентской республикой. Свергнутый король – правнук русской великой княгини Ольги Константиновны – в на-

стоящее время проживает в Англии. Его родная сестра София стала королевой Испании.

Таким образом, потомки внучки императора Николая I соединили своим родством три страны: Россию, Грецию и Испанию. В Греции же до сих пор почитают память русской «королевы всех эллинов». Именем королевы Ольги назван один из центральных проспектов в Афинах, а ее портрет вывешен в здании местного исторического музея.

Анастасия Михайловна

Великая княжна, герцогиня Мекленбург-Шверинская, дочь великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны.

Анастасия родилась 16 июля 1860 года в Петербурге в семье младшего сына императора Николая I, великого князя Михаила Николаевича. Ее мать, дочь великого герцога Баденского, в православии великая княгиня Ольга Федоровна, подарила ранее мужу сына Николая. Теперь на радость родителям родилась девочка. Старший брат отца Анастасии, великий князь Константин Николаевич, сразу после ее рождения записал в своем дневнике: *«Видел Настю – редкой красоты ребенок»*.

Назначенный наместником на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич вместе с женой и тремя маленькими детьми – великая княгиня родила спустя год еще одного сына, Михаила, – жил в Грузии. Там прошли детство и юность Анастасии. В великокняжеской семье родилось еще четыре сына, так что она была единственной дочерью и, соответственно, занимала особое положение. Братья ее обожали и считали любимицей отца.

Почти двадцать лет семья прожила на Кавказе, лишь изредка наезжая в российскую столицу. Во время визитов в Петербург все чувствовали себя неудобно, своим домом считая Грузию. А жилось там привольно. У великого князя-наместника были богатая резиденция в Тифлисе и большое поместье в живописном Боржоме, уже в те времена славившемся своими минеральными источниками. Брак родителей считался счастливым. Большим семейством руководила мать, великая княгиня Ольга Федоровна. Она строго следила за воспитанием и образованием детей, требуя от них беспрекословного послушания.

В Петербург возвратились, когда Анастасии было восемнадцать лет. Там у ее отца был дворец, а неподалеку от столицы – большой летний дом на берегу Финского залива. Но жизнь великой княжны в России была недолгой. Уже в мае 1878 года она была помолвлена с наследным принцем Мекленбург-Шверин, сыном великого герцога Фридриха Франца II, и должна была вскоре покинуть родину.

* * *

Владетельный Дом мекленбургский неоднократно вступал в родственные связи с российским императорским Домом. Начало было положено еще царем Петром I, выдавшим свою племянницу, царевну Екатерину, замуж за герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверин.

Прошло немногим более семидесяти лет, и вновь Романовы породнились с немецким герцогством: дочь императора Павла I, великая княжна Елена, бракосочеталась с наследным принцем Фридрихом Людвигом. Именно ее потомки правили в великом герцогст-

ве Мекленбург-Шверин до ноября 1918 года – времени государственного переворота и свержения монархии в Германии.

Как уже упоминалось, династия герцогов Мекленбург-Шверин восходит к князю славянского рода ободритов Никлоту (середина XII века), защищавшему свою землю от немецких завоевателей. Во время войны с саксонским герцогом Генрихом Львом князь был убит. Сын Никлота Пребыслав согласился креститься и получил за это обратно свои владения, но уже в качестве вассала. Его потомки быстро онемечились. Династия, разделившись на несколько ветвей, в основном через брачные союзы приобрела Росток, графства Шверин и Старгард, а к концу XV века объединила под своей властью весь Мекленбург. Еще за сто лет до этого она получила герцогский титул.

В начале XVIII века герцогство Мекленбург разделилось на Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Стрелиц. По решению Венского конгресса владельцы обеих земель получили великогерцогское достоинство.

В 1851 году внучка императора Павла I, великая княжна Екатерина Михайловна, вступила в брак с герцогом Мекленбург-Стрелиц Георгом Августом. Затем новая родственная нить: сын императора Александра II, великий князь Владимир, женился на дочери великого герцога Мекленбург-Шверин Фридриха Франца II, принявшей в России титул великой княгини с именем Мария Павловна.

Вот так и сплелись узы родства Романовых с владетельной мекленбургской семьей.

Год спустя после замужества Марии ее родной брат, наследный принц Фридрих, возвращаясь из путешествия по городам Малой Азии, посетил Одессу и Москву, а затем сделал остановку в Петербурге, чтобы провести некоторое время со своей сестрой. На од-

ном из приемов при дворе герцог обратил внимание на великую княжну Анастасию, дочь младшего брата императора Александра II, великого князя Михаила Николаевича. В то время пятнадцатилетняя княжна вместе с родителями ненадолго приехала в столицу с далекого Кавказа. Темноволосая хрупкая девушка понравилась сыну великого герцога Мекленбург-Шверинского, о чем он сказал своей сестре, великой княгине Марии Павловне, а по возвращении на родину и отцу. Не прошло и трех лет, как великий герцог лично приехал в Петербург просить руки Анастасии для своего сына.

Император Александр II одобрительно отнесся к возможному союзу своей племянницы с наследным принцем Мекленбург-Шверина. Волей судьбы у сына великого герцога и его избранницы были одни и те же корни: Фридрих через прабабушку, великую княгиню Елену Павловну, был праправнуком российского императора Павла I. Анастасия через отца являлась его правнучкой. Сочли, что из династических соображений этот брак выгоден. Благодаря ему родственные отношения двух династий станут еще крепче.

Бракосочетание было назначено на начало следующего года. Для отца невесты, великого князя Михаила Николаевича, воля брата была законом. Желание самой Анастасии в расчет не принималось. Не помогли слезы юной княжны, не были приняты во внимание и слова, что родителям перечить она не смеет, но ее смущают слабое здоровье жениха и сыпь из-за экземы на лице.

В январе 1879 года состоялась свадьба. По этому случаю в российскую столицу прибыла великогерцогская чета в сопровождении большой свиты.

По воспоминаниям современников, Анастасия *«высокая, стройная и темноволосая, в тяжелом пла-*

тье из серебряной парчи (традиционном для великих княгинь), была изумительно хороша, когда император Александр II повел ее во главе свадебного шествия, в котором приняли участие представители всех царствующих Домов Европы, через залы Зимнего дворца в дворцовую церковь...» Вслед за первым венчанием по православному обряду состоялось второе – по протестантскому. После брачной церемонии и завтрака в семейном кругу был дан большой торжественный обед. Следующее утро посвятили приему иностранных дипломатов, придворных и представителей духовенства. Только к концу второго дня жених и невеста смогли сесть в специальный поезд, который должен был доставить их в Шверин, старинный живописный город, расположенный на севере Германии. О его красоте Анастасия слышала немало: озера, холмы, леса, древний дворец. Но как же грустно было внучке русского императора покидать столицу России, а главное, своих близких и родных!

«Прозвучал сигнал к отходу поезда, – вспоминал потом младший брат невесты, великий князь Александр Михайлович, – и мы потеряли нашу Анастасию из вида. Моя мать разрыдалась, отец нервно перебирал в руках свои перчатки... Бессердечный закон, вынуждавший членов российского императорского Дома вступать в брак с представителями иностранных владетельных домов, забрал из нашей семьи свою первую жертву».

* * *

Встреча молодых в Шверине была торжественной: на празднично украшенном вокзале их приветствовал почетный караул, на домах улиц, ведущих ко дворцу,

были вывешены венки из еловых веток, вдоль дороги стояли военные и жители города. У дворцовых ворот новобрачных встречали девушки в красивых белых платьях.

Для молодых супругов приготовили заново отделанные апартаменты. Все было красиво и аккуратно, но это не радовало сердце наследной принцессы. Ей было некомфортно. Устроиться согласно собственному вкусу русской великой княгине разрешено не было, да и шверинский двор она нашла слишком строгим и старомодным.

К счастью, в Шверине пробыли лишь несколько дней. Плохое здоровье мужа было для Анастасии прекрасным предлогом, чтобы поскорее покинуть северный немецкий город.

Сначала молодые выехали в Берлин, чтобы предстать перед императорской четой, затем отправились на юг. Для наследника герцогского престола необходим был теплый климат, поэтому большую часть времени супруги решили проводить за границей. Тем более что к делам государства отец своего старшего сына не привлекал из-за его здоровья.

Супруг Анастасии был старше ее на девять лет. Он родился в марте 1851 года в Людвигслусте и был первым ребенком в семье великого герцога Фридриха Франца II, внука русской великой княгини Елены Павловны. Появление на свет первенца сопровождалось большими торжествами. Крестным отцом мальчика был прусский король Фридрих Вильгельм IV, а на крестинах присутствовал император Николай I.

Уже в раннем детстве у наследника великого герцога была обнаружена бронхиальная недостаточность. По рекомендации придворного врача его вывезли на юг Франции. С ним вместе отправились и учите-

ля, которым было поручено подготовить мальчика к поступлению в дрезденскую гимназию.

После окончания этого учебного заведения Фридрих совершил для расширения своего кругозора путешествие по Италии. Предполагалось, что он поступит в Боннский университет для изучения права, политической экономии и философии. Проучившись некоторое время в Бонне, наследник великогерцогского престола Мекленбург-Шверина продолжил курс в Ростоке, чтобы быть ближе к родительскому дому. Однако участвовавшие приступы астмы заставили его вновь отправиться в теплые края, на этот раз в Малую Азию. Визит в Петербург по окончании этого путешествия и решил судьбу молодого герцога.

К концу года Анастасия родила первую дочь. Назвали ее в честь всеми почитаемой бабушки, вдовствующей великой герцогини, Александриной. Прошло два года, и Анастасия вновь стала матерью. В Палермо, где она проживала вместе с мужем и малышкой на вилле «Бельмонте», она родила сына – наследника, крепкого здорового ребенка. Радость отца и свекра была безграничной. Фридрих Франц II пожелал лично присутствовать на крестинах своего внука и в сопровождении немецкого пастора, который должен был совершить обряд крещения ребенка, прибыл на Сицилию.

Обряд прошел 26 мая 1882 года прямо на вилле. У стены столовой комнаты соорудили нечто вроде алтаря с распятием Христа и свечами и поставили овальную купель, украшенную розами. Когда собрались домашние и гости, в комнату вошла семья с ребенком. Церемония крестин была очень торжественной. Затем подали напитки. Матери мальчика, которому дали имя Фридрих Франц Михаил, великой

княгине Анастасии Михайловне, вручили подарки. Свою русскую невестку великий герцог просто боготворил.

В 1886 году супруга наследного принца родила еще одну дочь, Цецилию, будущую кронпринцессу германского рейха. Имя девочка получила в честь своей бабушки, принцессы Баденской, матери великой княгини Анастасии Михайловны. Но на крестинах своей внучки великому герцогу не суждено было присутствовать. 15 апреля 1883 года в возрасте шестидесяти лет Фридрих Франц II неожиданно скончался. Это случилось накануне его визита в Ментон, небольшой курортный городок на берегу Средиземного моря, куда в феврале того года переехала семья его старшего сына.

Смерть отца вынудила супруга Анастасии вернуться в Шверин. Отныне он, Фридрих Франц III, был правящий великий герцог, а внучка русского царя – великая герцогиня Мекленбург-Шверинская. Своим новым положением Анастасия сначала наслаждалась и даже обосновалась в роскошном шверинском замке. Однако с приближением осени ей вновь захотелось оказаться на юге.

Шестнадцатилетнее правление Фридриха Франца III ничего значительного Мекленбургу не принесло. Да великогерцогская чета практически и не жила в Шверине, месяцами пребывая на французской Ривьере. Немало времени супруги проводили в Каннах. Там поселился брат Анастасии, великий князь Михаил, вступивший в мorganатический брак с девушкой, не принадлежавшей к какому-либо владетельному дому и нарушивший тем самым (первым в императорской семье) кодекс Дома Романовых.

В феврале 1891 года, будучи за границей, Михаил Михайлович обвенчался с графиней Софьей Меренберг, морганатической дочерью герцога Нассау, внучкой Александра Сергеевича Пушкина. Разрешения у родителей и императора на свое бракосочетание он не спросил. Лишь отправил в Россию телеграмму, извещавшую о женитьбе, которая была вручена его матери, великой княгине Ольге Федоровне, на железнодорожной станции в Харькове, где сделал короткую остановку поезд, следовавший в Крым. Там великая княгиня обычно проводила первые весенние месяцы. Сообщение о браке сына так потрясло мать, что у нее произошел сердечный приступ, стоивший ей жизни.

Узнав о женитьбе великого князя, император Александр III расценил это как непростительный бунт. Он был полон негодования. Единая и сплоченная императорская семья была для него одной из могучих опор трона. И вдруг такое своеволие. Возмущенный царь запретил великому князю Михаилу возвращаться в Россию и лишил его всех воинских регалий и титулов. Ему даже не разрешено было приехать на похороны матери.

Особенно тяжело пережил все случившееся отец, великий князь Михаил Николаевич. Приверженец самодержавия, он никогда не возражал своему племяннику-царю. И вдруг собственный сын переступает через закон императорской фамилии. Да еще потеря любимой жены, с которой было прожито более тридцати лет.

Брат великой герцогини Анастасии Михайловны купил в Каннах виллу, ставшую вскоре известной под именем «Казбек», и поселился там со своей красави-

цей женой, со временем родившей ему троих детей. Там его навещали многочисленные друзья, близкие и дальние родственники, богатые русские аристократы – вилла «Казбек» славилась своим гостеприимством и радушием. Часто бывала там и великогерцогская семья из Мекленбурга. Общение с соотечественниками и спорт всегда привлекали Анастасию. Она прекрасно играла в теннис и даже принимала участие в соревнованиях. Супруг ее увлекался парусным спортом. Много лет у него была собственная яхта, и, если позволяло здоровье, он участвовал в регатах, иногда одерживая победы.

Через некоторое время и великогерцогская чета приобрела на Ривьере собственный дом. Там они жили месяцами со своими тремя детьми. Анастасия воспитывала их не так строго, как это делала ее мать, стараясь создавать в семье атмосферу дружбы и взаимопонимания. К супругу она относилась с большой сердечностью, заботилась о нем, старалась быть полезной. Во время частых приступов своим присутствием облегчала его страдания.

Анастасия охотно принимала в своем доме гостей. Она была воплощением жизнерадостности и гостеприимства, прекрасно играла на пианино. Дочь Цецилия писала в своих воспоминаниях: *«Мои родители любили общество, но предпочитали узкий круг людей, собиравшихся за обедом или ужином. Гости они принимали одинаково радушно, несмотря на их чин и положение. За это их любили и чувствовали себя у них в доме комфортно».*

Зимой мекленбургскую семью в Каннах навещали отец и братья Анастасии. Чаще других в доме бывал дядя Николай, старший брат матери, который так и не женился. Личность очень эксцентричная, большой выдумщик, любимец племянников.

Он развлекал их рассказами о природе и истории, часто делал подарки, стараясь исполнить желание каждого.

Великий князь Николай Михайлович уже в молодые годы отличался большим трудолюбием и интересом к окружающему миру, мог часами наблюдать за природой. По традиции семьи Романовых он получил военное образование, но со временем в нем развился ученый. Великий князь собрал уникальную коллекцию бабочек, которую передал в дар Зоологическому музею императорской Академии наук. Увлекся он и изысканиями в области отечественной истории, опубликовал несколько книг, которые имели большой успех у читающей публики. Материалы для своих работ великий князь собирал в библиотеках и архивах не только в России, но и за границей. Незадолго до трагического конца своей жизни он стал членом французской академии и получил ученую степень доктора истории.

В январе 1919 года по приказу правительства большевиков великий князь Николай Михайлович вместе с другими Романовыми был расстрелян в Петербурге, во дворе Петропавловской крепости. *«Революции не нужны историки!»* – был ответ на ходатайство о сохранении жизни известному ученому. Казнили вместе с ним и его младшего брата, великого князя Георгия Михайловича. Никакого обвинения Романовым предъявлено не было. Их похоронили в общей могиле.

За полгода до этой казни был убит и брат Сергей. Он был арестован большевиками в Петербурге еще в начале «сезона охоты за Романовыми» и сослан в небольшой городок Алапаевск на Урале. Вместе с пятью другими членами романовской семьи великого князя привезли к старой, заброшенной шахте.

Брат Анастасии, оказавший сопротивление, выстрелом в голову был убит, а затем сброшен в шахту. Остальных бросили туда живыми и закидали гранатами.

Избежать жестокой участи удалось лишь двум сыновьям великого князя Михаила Николаевича: Михаил проживал в то время далеко за пределами родины, а Александр, написавший впоследствии воспоминания о том времени, смог покинуть Петербург. Этот брат Анастасии Михайловны был женат на великой княгине Ксении, родной сестре Николая II. После прихода к власти большевиков его семье вместе с матерью низвергнутого императора удалось выехать из России.

За двадцать лет до всех этих ужасных событий Анастасия Михайловна с детьми и мужем почти постоянно жила в Каннах. Южный климат благотворно действовал на главу семейства, этому в немалой степени способствовала и самоотверженная забота о нем его русской супруги. Но к концу 1896 года состояние здоровья великого герцога стало ухудшаться, дышать ему становилось все труднее. Семья переехала в Грасс, небольшое селение неподалеку от Канн, известное парфюмерным производством. Смена климата подействовала на больного положительно. Настроение его улучшилось, и после визита датского кронпринца, будущего короля Христиана X, обратившегося к великогерцогской чете с просьбой о руке их старшей дочери Александрины, родители дали свое благословение. Состоялась помолвка.

Однако эта радость не смогла остановить процесс постепенного угасания отца семейства. Врачи уже не в силах были ему помочь.

В начале апреля семья возвратилась в свой дом в Канны, где 19 апреля 1897 года Фридрих Франц III

скончался. Накануне ему исполнилось сорок шесть лет.

Принцесса Цецилия написала в своих воспоминаниях об отце следующие строки: *«...Добрейшей души человек: высокий, статный, с искрящимися красивыми глазами, отражающими теплоту его сердца, он должен был много страдать, но никогда с его губ не срывались слова жалобы...»*

За два года до рокового дня Фридрих Франц как-то сказал жене, что хотел бы быть похороненным в Людвигслюсте в мавзолее своей российской прабабушки, великой княгини Елены Павловны. Это желание было выполнено. Гроб с телом великого герцога Мекленбург-Шверина из Франции перевезли на поезде на его родину. Анастасия Михайловна сопровождала траурную процессию.

Вернувшись после похорон к детям, вдова великого герцога лишь несколько недель провела в Каннах. В Шверин тем летом она уже не поехала – без мужа, ставшего ей очень дорогим человеком, быть там не хотелось. А поехала она к себе домой – в Россию.

Великогерцогский престол после смерти Фридриха Франца перешел к сыну-наследнику. Но ему было в то время лишь пятнадцать лет, поэтому к управлению герцогством он приступил несколько позже.

Окончив, как и его покойный отец, дрезденскую гимназию, Фридрих поступил в Боннский университет, где успешно завершил учебу. Вот только его дальнейшая судьба как правителя не сложилась. 14 ноября 1918 года сын русской великой княгини и великого герцога Мекленбург-Шверина Фридрих Франц IV вынужден был подписать акт о своем отречении. С этим документом и закончилось правление мекленбургского Дома.

Год спустя после смерти великого герцога в Каннах в скромной евангелической церкви старшая дочь Анастасии Михайловны обвенчалась с датским кронпринцем. Отныне она должна была жить в Дании, вдали от своей матери, которая осталась во Франции. В Шверин герцогиня приезжала очень редко, лишь иногда на несколько дней в охотничий домик на Балтийском побережье, как когда-то вместе с супругом, память о котором ей была дорога. В свое время она отдавала много сил, чтобы поддержать его здоровье, чем заслужила уважение среди немцев. «Сиделка при муже» – так ее называли.

В 1898 году в Шверине была издана книга о великом герцоге Фридрихе Франце III. Ее автор, профессор Карл Шредер, в течение многих лет руководивший научным отделом правительственной библиотеки Мекленбург-Шверина и лично знавший великого герцога, посвятил свое произведение его вдове, русской великой княгине. Перед выходом книги в свет он прислал Анастасии Михайловне письмо следующего содержания: *«Ваше Высочество оказали мне милость, дав согласие на посвящение моей книги Вам. Кто мог бы иметь на это большее право, как не Вы, спутник жизни благословенного господина, верная сиделка в течение многих лет его болезни!»*

В ответ вдова великого герцога написала: *«Дорогой профессор Шредер! Посвящение мне Вашей книги о моем супруге я приняла с благодарностью. Мне очень дорого, что через это посвящение мое имя будет связано с человеком, от которого я получила все счастливое и доброе, что имела в жизни. Преданная Вам Анастасия».*

После смерти мужа вдовствующая великая герцогиня стала замкнутой и, как свидетельствовали очевидцы, величественно-строгой. Сказывались не только годы постоянного ухода за больным мужем, но и ощущение вдруг возникшей ненужности. В сердце Анастасии Михайловны стало вторгаться чувство одиночества. Лишь поездки на родину меняли ее облик. В кругу близких и родных к ней возвращались свойственные ей живость и общительность. В России с 1898 по 1904 год она проводила каждое лето.

«Какой счастливой и довольной могла она быть, — писала позже дочь Цецилия о матери, — когда мы уезжали в Россию. И она замечала, какую радость доставляла эта поездка мне и с каким удовольствием я проводила там время».

Останавливались обычно в летнем дворце великого князя Михаила Николаевича, отца Анастасии. Дедушка обучал свою немецкую внучку русскому языку, рассказывал ей об истории России и Дома Романовых. Мекленбургские родственники часто общались с царской семьей, принимали участие во всех семейных торжествах, знакомились с достопримечательностями Петербурга. Подружилась Анастасия Михайловна с великой княгиней Еленой Георгиевной, дочерью герцога Мекленбург-Стрелиц, проживающей в Петербурге. Обе женщины были примерно одного возраста, обе — вдовы, связаны с Мекленбургом, обе имели музыкальное образование: Анастасия великолепно играла на пианино, а Елена славилась своими певческими способностями.

Цецилия восторженно отзывалась о поездках на родину матери: *«Россия со всем тем, что для меня,*

молодого человека, имело значение, представляла собой нечто великое и прекрасное, нечто единственное в своем роде, самобытное и значимое... Воспоминание о всем том добром, что сделали для меня дорогие мне люди, навсегда останется в моем сердце».

Во время последнего летнего пребывания в России Анастасия Михайловна получила через курьера письмо от германского императора Вильгельма II, в котором тот просил руки ее младшей дочери для своего сына – наследника престола. Согласие было дано. Через год в Берлине состоялась свадьба. На торжествах присутствовали помимо мекленбургских родственников гости из России: великий князь Николай Михайлович, любимый дядя невесты, сестра ее отца великая княгиня Мария Павловна и великий князь Михаил Александрович.

За год до этого радостного события у отца Анастасии Михайловны, пребывавшей в то время в российской столице, случился инсульт. Это было большим горем для дочери и внуков. Вдовствующая великая герцогиня Мекленбургская срочно покинула Петербург и выехала в Канны, чтобы подготовить все для переезда туда парализованного отца. (До конца своей жизни он был уже прикован к инвалидному креслу.) Разместили его на вилле неподалеку от дома дочери. В 1909 году сын императора Николая I скончался на руках своего «непутевого» Михаила. На русском военном корабле останки великого князя перевезли в Петербург, откуда Михаил вскоре после смерти отца переехал с семьей в Англию. В Лондоне он прожил около двадцати лет, там же скончался и был похоронен на Хэмстедском кладбище рядом со своей любимой женой, ушедшей из жизни за два года до его смерти. Но это произошло спустя семь лет после смерти его единственной сестры.

На Средиземноморском побережье в Езе – неподалеку от Ниццы – Анастасия Михайловна приобрела небольшую виллу под названием «Фантазия». Жила она вместе со своей старой преданной горничной Ольгой, имела личного секретаря. Все трое детей обзавелись своими семьями и были от нее далеко, правда, мать не забывали, приезжали ее навестить – чаще других это делала старшая дочь Александрина, королева Датская. Наведывались и родственники. Постепенно Анастасия Михайловна окунулась в светскую жизнь. Время проводила в окружении русской аристократии, собиравшейся в холодное время года на юге Франции, восхищая своим появлением общество. *«Было ей давно за сорок, но оставалась она горяча и порывиста и притом добра и ласкова... хотя отличалась своенравием и властным характером»,* – отмечали современники.

Русская великая княгиня частенько посещала казино в Монте-Карло, испытывая судьбу и удивляя своим азартом других игроков. В русские праздники ходила в православный храм в Каннах, рождественский сочельник в своем доме, как это было при жизни отца семейства, уже не проводила.

* * *

С началом Первой мировой войны Анастасия Михайловна, как немецкая герцогиня, не могла оставаться во Франции, поскольку эта страна находилась в состоянии войны с Германией. Не пожелала она вернуться и в Шверин, ставший врагом ее родной России. Поэтому и решила перебраться в нейтральную Швейцарию. Это позволяло сохранить не только свободу, но и состояние. А еще, что было для русской великой

княгини особенно важно, она не предавала родное отечество. (Как это сделали – вынужденно или по злему умыслу – некоторые немецкие владетельные князья, породнившиеся с Домом Романовых, в том числе и ее единственный сын, великий герцог Фридрих Франц IV. Во время войны он сражался в рядах прусской армии и даже был награжден Железным крестом за отвагу.)

Свобода передвижения и защита на территории Швейцарии уберегли русскую великую княгиню от многих страданий, которым подверглись в годы войны некоторые ее родственники Романовы.

Когда война закончилась, Анастасия Михайловна возвратилась во Францию и вновь поселилась в Езе на своей вилле «Фантазия». Ей было уже за шестьдесят лет. *«Это была самая очаровательная женщина, которую я когда-либо встречала, с замечательно добрым сердцем. Она любила жить и умела наслаждаться жизнью, была всегда милой и доброжелательной»*, – писала в своих «Воспоминаниях» знаменитая русская балерина Матильда Кшесинская, породнившаяся с Романовыми через свой брак с внуком императора Александра II. Именно такой великую княгиню Анастасию Михайловну и запомнили современники.

С Кшесинской, проживавшей в Каннах со своим мужем, великим князем Андреем Владимировичем, и сыном Володей, великая княгиня сошлась ближе, чем с другими русскими. Они часто навещали друг друга, вместе проводили время.

«Мы очень любили принимать у себя великую княгиню Анастасию Михайловну, которая была воплощением жизнерадостности. Мы подбирали гостей, которые ей нравились и любили потанцевать поле обеда».

11 марта 1922 года Анастасия Михайловна внезапно скончалась на своей вилле. *«Никто не ожидал, что она умрет так скоропостижно. За два дня до смерти мы видели ее веселой и жизнерадостной...»* – писала Кшесинская.

Месяц назад великая княгиня вместе с ней присутствовала на церемонии погребения на кладбище в Ницце светлейшей княгини Екатерины Михайловны Юрьевской, морганатической супруги императора Александра II, урожденной Долгорукой. Она умерла в возрасте семидесяти четырех лет после непродолжительной болезни. (За границу Екатерина Юрьевская выехала сразу после трагической гибели отца ее детей. Поселилась на юге Франции, *«хранила у себя на вилле немало памятных вещей своего возлюбленного императора, а также множество безделушек, которые, к сожалению, потом были проданы на аукционе ее наследниками»*).

Анастасия Михайловна незадолго до смерти, как вспоминает Кшесинская, была в полном здравии, говорила о своей предстоящей поездке к дочери в Данию и ничто не предвещало скорый конец. Но жизнь непредсказуема...

Узнав о смерти великой княгини, в Езе срочно приехала ее племянница, княжна Ксения (дочь брата Георгия), вместе со своим мужем, американцем Лидзом. Они недавно поженились и жили в Каннах. На своем автомобиле они привезли священника из православной церкви, отца Остроумова. Гроб с телом усопшей перевезли в Канны и выставили в церкви для прощания родных и близких.

На следующий день из Парижа приехал брат умершей, великий князь Александр Михайлович. (Он жил отдельно от своей супруги Ольги Александровны, которая находилась в Лондоне.) Прибыла и дочь Алек-

сандрина, ей следовало разобрать вещи матери и сделать необходимые распоряжения.

Прощаться с русской великой княгиней пришло много людей. После отпевания и панихиды гроб в сопровождении родных перевезли в Шверин. В фамильном склепе мекленбургских герцогов Анастасия Михайловна нашла свой вечный покой.

* * *

В 1945 году в немецком городе Фленсбург вдали от родных мест своих отца и матери скончался Фридрих Франц, бывший великий герцог, который вплоть до конца Второй мировой войны проживал в Людвигслюсте. Он женился в двадцать два года на принцессе Брауншвейгской, имел двух дочерей и двух сыновей. Оба внука Анастасии Михайловны умерли в преклонном возрасте, потомства не оставили. Младший внук, Христиан Людвиг, во время войны был в русском плену. Возвратившись в Германию, долгие годы был шефом Дома Мекленбург. С его смертью в 1996 году мекленбургская линия великих герцогов Мекленбург-Шверина после восьмисот лет прекратила свое существование.

Старшая дочь Анастасии Михайловны, датская королева Александрина, умерла в 1952 году в возрасте семидесяти трех лет. Всю жизнь она прожила в Дании. Пять лет до смерти она была вдовой. На датский престол с именем Фредерик IX вступил ее сын, родившийся спустя год после свадьбы матери с будущим королем.

Младшая дочь Цецилия оставалась всю жизнь приверженной к родине своей матери, хотя и связала судьбу с прусской династией Гогенцоллернов.

Во время войны и позже, вплоть до своей смерти в 1954 году, кронпринцесса германского рейха жила на западе Германии в фамильном замке. Когда в 1940 году погиб на фронте ее старший сын, принц Вильгельм, десятки тысяч людей пришли на его похороны. Это вызвало недовольство Гитлера. Чтобы избежать подобных монархических проявлений, фюрер издал указ об увольнении всех принцев из армии.

Второй сын Цецилии, Луи Фердинанд, женился незадолго до начала Второй мировой войны на русской княжне Кире Кирилловне, внучке великой княгини Марии Александровны. Он возглавлял несколько лет Дом Гогенцоллернов. Его жена активно занималась благотворительной деятельностью, являлась почетной попечительницей французского отделения Зарубежного союза русских инвалидов, посещала дома для них.

Кронпринцесса Цецилия оставила после себя книгу воспоминаний, которая была опубликована в Лейпциге в 1930 году. В ней много страниц посвящены полюбившейся ей России. Эта любовь досталась ей по наследству от матери, великой княгини Анастасии Михайловны, внучки императора Николая I.

* * *

Итак, девятнадцатый век подходил к концу. Начался век двадцатый. На российском престоле находились два последних царя из династии Романовых: Александр III и его сын, Николай II.

Александр III отличался своей любовью ко всему русскому – этим он не был похож на предыдущих пра-

вивших Романовых. Не питал он в отличие от своих предков и никаких родственных чувств к германскому Дому. (Сам был женат на принцессе из Дании.) Да и судьбой своих двух дочерей распорядился иначе, чем его предки-цари.

Старшей, Ксении, он не воспрепятствовал выйти замуж по выбору сердца. Первой и единственной любовью девушки стал великий князь Александр Михайлович, Сандро, который дружил с ее братьями и часто бывал в Гатчине, где проживал Александр III с семьей. Свою любовь великая княжна Ксения хранила в тайне, поведав о ней лишь старшему брату, будущему императору Николаю II. В душе она очень боялась, что ее чувство останется без внимания родителей. Ведь по традиции принцесс выдавали замуж только за иностранных принцев. Но отец-император дал согласие на брак с великим князем, и в июне 1894 года Ксения встала с ним под венец.

Великая княгиня Ксения Александровна была очень счастлива, мужа любила беззаветно. Родила ему семерых детей. Революционные события в России вынудили великокняжескую семью покинуть родину. Но жизнь за пределами России не благоприятствовала семейному счастью. Супружеская жизнь постепенно разладилась, и брак, заключенный по любви, фактически распался. Ксения стала жить в Лондоне отдельно от неверного мужа, но его предложение о разводе принять не пожелала.

Однако до конца своих дней память о первой и единственной любви великая княгиня Ксения хранила, несмотря ни на что. Смерть мужа в 1933 году переживала всем сердцем. Скончалась старшая дочь императора Александра III в Лондоне спустя двадцать семь лет после смерти великого князя Александра Михайловича. Согласно последней воле погребена она

во Франции, в местечке Рокбрюлле, рядом с любимым мужем, отцом ее детей.

Такова была судьба дочери императора, которая хоть и не стала заложницей политических интересов страны, но в супружеской жизни счастья не нашла.

Младшая дочь, великая княжна Ольга, любовь обрела, но спустя много лет после навязанного ей брака с принцем Петром Ольденбургским, который родился и жил в Петербурге, дослужившись до чина генерал-майора. Принц был старше на четырнадцать лет и женился не по любви, а лишь по желанию императрицы Марии Федоровны. Это произошло уже после смерти императора Александра III, скончавшегося в 1894 году.

К своей молодой жене принц Ольденбургский кроме равнодушия не испытывал никаких чувств. Что же тогда это было? Плата за возможность не покидать Россию? Уделом молодой женщины стали тоска и одиночество...

Но счастье все же к ней пришло. Познакомившись во время военного парада с капитаном гвардейских кирасиров Куликовским, Ольга почувствовала себя влюбленной, и, как оказалось, это была любовь на всю жизнь. Но ждать супружеского счастья пришлось долго. Лишь в 1915 году брак с принцем Ольденбургским, оказавшимся к тому же, как говорится, человеком не той ориентации, был расторгнут. С высочайшего разрешения брата-императора спустя несколько месяцев Ольга смогла обвенчаться со своим возлюбленным. Николай Куликовский стал ее мужем.

Однако супругам Россию вскоре пришлось покинуть, и тоже в связи с политическими событиями. Монархия была свергнута, к власти пришли большеви-

ки, целью которых было покончить со всеми Романовыми.

Ольга Александровна с мужем и двумя детьми почти тридцать лет прожила в Дании. Ее морганатического супруга Романовы-эмигранты в свой круг не приняли. Последнее десятилетие своей жизни супруги жили в Канаде, занимались сельским хозяйством, порой испытывая большие материальные трудности, с родственниками не общались. Однако сожаления о потерянных богатствах, привилегиях, титулах великой княгине Ольге Александровне были чужды. В жизни она получила значительно большее: любовь и возможность соединить свою судьбу с милым сердцу человеком.

«Только тот союз, который создан на личной симпатии и доверии, может подходить для меня и... не положение, а человеческие достоинства могли завоевать мое сердце» – так объясняла великая княгиня свой выбор, вспоминая о прошлом.

Своего мужа Ольга Александровна пережила лишь на два года. Оба супруга скончались в Канаде. Там же жили и закончили свои дни два их сына.

После смерти старшего сына Куликовских, внука императора Александра III в газете «Известия» от 10 апреля 1993 года под заголовком *«Скончался очередной претендент на российский трон»* было опубликовано следующее сообщение агентства «Рейтер»: *«В Торонто в возрасте 75 лет от инфаркта скончался последний прямой потомок русских царей Тихон Куликовский-Романов. Он был племянником Николая II и двоюродным братом королевы Великобритании Елизаветы».*

Такова судьба дочерей Александра III.

Дочери его сына, императора Николая II, Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Россию не покинули и

невестами не стали . Вместе с отцом и матерью они приняли мученическую смерть и навсегда остались в русской земле.

Двум невестам из дома Романовых предстояло покинуть Россию и отправиться в европейские просторы уже к концу третьего столетия правления династии. Это были внучки императора Александра II: Елена Владимировна и Мария Павловна. О них и пойдет дальнейший рассказ.

**Внучки императора
Александра II**

Елена Владимировна

Великая княжна, принцесса Греческая и Датская, дочь великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны.

Елена была единственной дочерью в семье Владимира, сына императора Александра II. До ее появления на свет в 1882 году супруга великого князя Мария Павловна родила четверых сыновей (первый мальчик умер, не достигнув и двух лет). Поэтому появление в семье девочки было воспринято с особой радостью.

Дети великокняжеской четы имели счастливое детство, росли окруженные заботой и любовью родителей. Им с ранних лет прививались хорошие манеры и взаимоуважение. Воспитывали их в строгости, но без муштры и чрезмерного спартанства.

Отец Елены любил жить за городом, и до начала Нового года семья обычно находилась в Царском Селе. Там все размещались в сравнительно небольшом, но уютном дворце, который был частью дворцового комплекса времен Екатерины II. Здание окружал сад с прудом, и, когда дети были совсем маленькими, их катали на этом пруду на парусной лодке. Став постарше, мальчики сами садились на весла и всегда брали

с собой маленькую сестренку. Братья обожали ее и были с ней неразлучны.

Рождество чаще всего проводили в Гатчине в семье императора Александра III, проживавшей там постоянно. Елена навсегда запомнила замечательные праздники рождественской елки, которые устраивались в гатчинском дворце. Все проходило очень красиво и торжественно: сочельнику предшествовала церковная служба, после которой дети собирались в какой-нибудь затемненной комнате, а император, дядя Саша, как его называли, уходил в зал, где стояла наряженная елка, чтобы узнать, все ли готово. Все томились ожиданием, страшно волнуясь. Когда дядя Саша, наконец, звонил в колокольчик и дверь широко распахивалась, дети вбегали в зал. Там вокруг елки стояли столики с подарками для каждого. Восторг был полный.

В Царском Селе семья великого князя Владимира Александровича оставалась вплоть до Нового года, затем переезжала в Петербург, где жила до конца апреля. Проживали в роскошном дворце, который так и назывался – Владимирский, но с первыми весенними днями вновь перебирались в Царское Село.

Великий князь привозил детей к брату-императору и весной, но чаще всего летом. Вместе со своими кузенами они любили плавать на лодках по озерам гатчинского парка, кататься на велосипедах по его аллеям. 4 августа в один день с императрицей Марией Федоровной отмечала день именин и мать Елены, великая княгиня Мария Павловна. По этому случаю все собирались в Петергофе, где обычно устраивался большой праздник с фейерверками и иллюминацией.

Раз в два-три года – обычно осенью – семейство великого князя Владимира Александровича в полном составе отправлялось погостить к мекленбургским

родственникам в Шверин. Великий герцог Фридрих Франц III, родной брат Марии Павловны, оказывал сердечное гостеприимство. Наносили визит и вдовствующей великой герцогине Александрине, которая приходилась детям Марии Павловны прабабушкой. Как вспоминал потом старший брат Елены, великий князь Кирилл, прабабушка всегда была мила и говорила с ними не по-немецки, а «на изысканном французском языке восемнадцатого столетия». Это особенно нравилось российским детям, так как в семье немецкий язык был непопулярен, как, впрочем, и вообще среди всех Романовых. Первым языком, на котором заговорили Елена и ее братья, был английский – благодаря няне мисс Миллисент Крофтс. Русский язык в семье использовался редко.

С удовольствием приезжал на родину своей супруги и сам великий князь. Окрестные леса были идеальным местом для охоты на оленей, а он был страстным охотником.

Помимо охоты отец Елены был известен своей любовью к изящным искусствам, сам занимался живописью, собирал картины. Некоторое время он даже занимал пост президента Императорской Академии художеств. Так что атмосфера, в которой проходило детство великой княжны, не могла не способствовать развитию ее художественного вкуса и любви к искусству.

Обожая своих детей, их воспитанием великий князь почти не интересовался. Все заботы взяла на себя мать. Владимир Александрович не скрывал, что первую скрипку в его семье играет супруга, умная, образованная женщина. Она любила окружать себя выдающимися людьми и во Владимирском дворце была полной хозяйкой. Петербургский двор Марии Павловны, урожденной герцогини северогерманского

княжества, был известным кружком, где обсуждались многие проблемы общественной и политической жизни, формировалось, так сказать, общественное мнение. С годами она превратила его в один из блестящих светских центров столицы.

В силу своего достаточно высокого самомнения мекленбургская герцогиня Мария Павловна очень основательно готовилась к устройству семейного будущего своих детей. Она непременно хотела, чтобы они соединили семейные узы лишь с европейскими принцессами и принцами только «первого круга». Могла ли она тогда предположить, сколь непредсказуемыми будут их судьбы!

Между тем единственная дочь великокняжеской четы перешагнула уже свой восемнадцатилетний рубеж. Появились и первые претенденты на ее руку. Однако по причине «недостаточной родовитости» мать их отвергла. Для великой княжны она сама подыскала жениха – принца Максимилиана Баденского. Мнение дочери традиционно в расчет не принималось. Помолвка с принцем состоялась даже без личного знакомства. Казалось, судьба Елены определена. Но неожиданно помолвка была расторгнута – и, что всех удивило, по инициативе жениха-принца.

Однако крайне амбициозная великая княгиня Мария Павловна от своего желания видеть дочь на каком-либо европейском престоле не отказалась. Вполне подошел бы, по ее мнению, наследник греческой короны, принц Константин. Но он уже был женат. Мать-герцогиня была в раздумье.

Великая княжна Елена в это время с удовольствием проводила время с гостившим в России принцем Николаем, младшим братом греческого престолонаследника. В «Дневнике» великого князя Константина

Константиновича, родного дяди Николая, имеется такая запись от 7 августа 1900 года: *«Ники долго ехал верхом с Еленой, которая ему нравится, как и он ей, но Мария Павловна сделала дочери за это выговор и сказала Георгию (второй сын греческой королевы Ольги), что Ники, как не будущий король и не имеющий состояния, не может рассчитывать жениться на Елене. И она, и Ники ходят как в воду опущенные».*

Николай, сын великой княгини Ольги Константиновны, не раз приезжал в Россию. С детства он был дружен со своим двоюродным братом, будущим императором Николаем II. А с великой княжной Еленой принц впервые познакомился шесть лет назад, когда вместе с кузеном несколько недель провел на крымском побережье в Ливадии. Там в то же время останавливался и великий князь Владимир Александрович с дочерью. Прошло два года, и Николай вновь увидел великую княжну – на этот раз в Москве во время коронации нового императора. Тогда-то греческий принц и обратил особое внимание на юную кузину царя. Красавицей ее нельзя было назвать, но большие лучистые глаза и теплота, которую они излучали, не могли не тронуть сердце юноши. Спустя четыре года принц и княжна вновь встретились. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, стали поговаривать об их романе.

Реакция матери Елены на это была, конечно же, негативной. Но в итоге, перешагнув через свои амбиции, великая княгиня Мария Павловна все же дала согласие на брак с сыном греческой королевской четы, не скрывая, однако, сожаления, что единственная дочь выходит замуж за принца не «первого круга».

В 1902 году с благословения государя и родителей в Царском Селе в присутствии членов императорской

фамилии и многочисленных гостей состоялась свадьба. Через этот брак Романовы вновь породнились с греческим правящим Домом.

* * *

Принц Николай, которому минуло почти тридцать лет, был третьим сыном короля Греции и великой княгини Ольги Константиновны. Через отца, датского принца Вильгельма, ставшего волей политических торгов королем Греции под именем Георга I, он приходился родным племянником вдовствующей императрице Марии Федоровне. Не было секретом, что его брак с русской великой княжной был заключен по взаимному влечению. Елена, отныне принцесса Греческая, охваченная первой любовью, покидала родительский дом без слез.

Большую часть времени семья жила в Греции. За первые четыре года супружества Елена родила трех дочерей. Своих девочек она старалась воспитать в лучших традициях романовской семьи: хорошие светские манеры, музыка, рисование и конечно же иностранные языки. Русский язык в семье практически не изучался.

В Россию великая княгиня Елена Владимировна приезжала крайне редко, хотя связь с родными поддерживала. Семья Николая и Елены имела родственные связи и с большинством европейских королевских семей. Но с заграничными родственниками принц встречался значительно чаще, чем его молодая жена, ставшая матерью троих детей. В Европе его называли «греческий Никí», чтобы не путать с русским кузеном, Николаем II, и считали талантливым художником и хорошим спортсменом. Еще до своей же-

нитьбы Николай вместе со старшими братьями участвовал в организации Летних Олимпийских игр в Афинах.

Нелегкие времена наступили для греческой королевской семьи в годы Первой мировой войны. Король Константин, старший брат Николая, вступивший на престол в 1913 году после убийства отца, короля Георга, придерживался дружественного нейтралитета в отношении Германии. Будучи женатым на прусской принцессе Софии, сестре кайзера Вильгельма II, он вопреки настроениям в стране всячески препятствовал действиям Англии и Франции. Свекровь Елены, вдовствующая королева Ольга Константиновна, находилась в те годы в России.

Летом 1916 года с определенной дипломатической миссией в сопровождении адъютанта греческого короля в Царское Село прибыл принц Николай. Он ехал в Россию с поручением к императору Николаю II, в то время как его младший брат, Андрей, направился в Лондон с поручением к английскому королю. Все это было связано с нежеланием Греции вступить в войну с Германией.

Как повествует в своих мемуарах великий князь Гавриил Константинович, *«из Царского Села Ники переехал в Павловский дворец, чтобы быть вместе со своей матерью, тетей Олей. Мне кажется, что он не любил Павловска и очень в нем скучал. Конечно, ему гораздо приятнее жить в Царском, у Марии Павловны, жизнь при дворе которой была веселее, чем в Павловске. Матушка, тетя Оля, и Елена Петровна (вдова великого князя Константина) вели очень однообразную жизнь в своем тесном кругу, и у них почти никто не бывал...»*

Ники написал письмо государю в Ставку. Адрес он написал по-русски, хотя по-русски говорить не

умел. Он ездил в Ставку к государю. Почему-то ему пришлось долго пробыть в России. Когда он, наконец, мог выехать и уже доехал до Выборга, он получил телеграмму от греческого короля и был принужден вернуться в Петроград, что было ему весьма неприятно».

События действительно развивались самым неприятным образом: в России произошла революция, Николай II и его семья были арестованы. Многих Романовых заключили под стражу. В Греции от престола отрекся король Константин, после чего Елена Владимировна с мужем и детьми покинула страну. Сначала семья переехала в Швейцарию, затем во Францию. Туда же спустя два года прибыла и великая княгиня Мария Павловна. Путь ее был очень трудным, полным неожиданностей и длился почти два года.

В 1917 году, когда в России произошла Февральская революция, шестидесятитрехлетняя вдова русского великого князя Владимира Александровича, скончавшегося в 1909 году, находилась в Кисловодске – ее младший сын Андрей проходил там курс лечения. В Петербург она уже больше не вернулась. Вскоре к ней присоединился и великий князь Борис. Старшему же брату Елены, великому князю Кириллу, вместе с женой и маленькими дочерьми удалось выехать в Финляндию, где у него вскоре родился еще один ребенок – сын Владимир.

Около двух лет великая княгиня Мария Павловна, герцогиня Мекленбургская, скиталась по югу России и лишь 13 февраля 1920 года на итальянском пароходе «Семирамида», прибывшем в Новороссийский порт, навсегда покинула русскую землю, ставшую ей второй родиной.

Несколько месяцев она прожила во французском курортном городке Контрексевиль, где когда-то люби-

ла отдыхать. Но трудности последних лет сильно повлияли на ее здоровье, и в декабре того же года вдова сына императора Александра II скончалась.

Чтобы попрощаться с матерью, в Контрексевиль приехали все ее дети. Похоронили великую княгиню-герцогиню там же, в маленькой православной церкви, построенной на ее средства (после того как она в 1908 году приняла православие).

Своим трем сыновьям и дочери великая княгиня Мария Павловна оставила богатое наследство. Находясь в Петербурге, она собрала такую коллекцию алмазов, изумрудов, жемчуга и рубинов, что ее можно было сравнить разве что с драгоценностями, принадлежавшими царской семье. Хранившиеся в сейфе в Петрограде (так именовали в то время Петербург) украшения с риском для жизни были вывезены англичанином Альбертом Стоппардом за пределы России. Большая часть их перешла после смерти матери принцессе Елене Греческой. Ей же досталась несравненная по своей красоте и убранству диадема из алмазов с жемчужными подвесками, изготовленная самим Картье. (Когда французский ювелир открывал свой магазин в российской столице, в числе его «спонсоров» была и супруга великого князя Владимира Александровича. В знак благодарности он изготовил для нее этот редкий по красоте женский головной убор.)

Диадема впоследствии была продана британской королеве Марии. Она находится в настоящее время в коллекции английской королевской семьи и по торжественным случаям украшает голову королевы Елизаветы II. По мнению историков, *«общее количество драгоценных изделий русского происхождения, находящихся сейчас в собственности членов королевской семьи, исчисляется многими десятками предметов...»*.

Богатое наследство, полученное от матери, было для греческой принцессы очень кстати. Годы были не легкие. Чтобы прокормить семью, ее супруг вынужден был даже давать уроки рисунка и живописи. Дочери тем временем подросли, и родители стали подумывать об их замужестве.

В 1923 году старшая дочь Ольга вышла замуж за югославского принца Павла Карагеоргиевича, ставшего спустя десять лет регентом Югославии. Вскоре появились первые внуки. Две младшие дочери великой княгини и греческого принца вступили в брачные союзы лишь десять лет спустя: Елизавета стала женой графа Карла (Чарльза) Черринг-Этенбаза (брак был бездетным), а Марина, сделав блестящую партию, вышла замуж за младшего сына английского короля Георга V, герцога Кентского Георга. Этот титул он получил незадолго до свадьбы, которая со всей торжественностью, присущей британской правящей династии, состоялась в ноябре 1934 года в Вестминстерском аббатстве.

На свадьбу Георга и Марины съехалось много именитых гостей. Приглашен был и дядя невесты, Кирилл Владимирович, с супругой Викторией, по рождению британской принцессой. Остановились они в Букингемском дворце. Своим английским родственникам дочь русской великой княгини Марии Александровны и герцога Эдинбургского Альфреда представила свою прибывшую в Лондон семью. С их дочерью, великой княжной Кирой, Марина была очень дружна.

Супруга английского герцога получила титул ее королевского высочества герцогини Кентской. Столь блестящей партией внучки покойная бабушка, вели-

кая княгиня Мария Павловна, была бы очень довольна, довольны таким высоким взлетом своей дочери были и родители.

Марина считалась одной из первых красавиц своего времени. Ее называли «жемчужиной греческого семейства». Яркая внешность и художественный вкус принцессы дополнялись унаследованными от матери мягким характером и талантом к рисованию от отца.

Пройдет немного времени, и герцогиня Марина Кентская будет играть видную роль в лондонском свете и при английском дворе. Положение еще более укрепитя, когда молодая наследница британского престола, будущая королева Елизавета II, станет женой племянника ее отца, принца Филиппа Греческого.

В браке Марина Николаевна родила троих детей. В первые три года супружества сына и дочь и в 1942 году еще одного сына – Майкла, появившегося на свет спустя несколько недель после гибели ее мужа, герцога Георга Кентского, в авиакатастрофе в Шотландии.

О причинах аварии самолета выдвигались разные версии: технические проблемы на борту – самолет не смог набрать высоту и зацепил скалы – или даже участие британской разведки, так как герцог Кентский, возможно, знал некоторые нежелательные сведения. Так или иначе, но истинная причина крушения самолета так и осталась невыясненной. Дочь русской великой княгини Елены Владимировны, принцессы Греческой, осталась вдовой с тремя маленькими детьми. Цивильный лист принца на содержание семьи был аннулирован. Герцогине выделили лишь скромную дотацию от королевской семьи. Спустя пять лет после гибели мужа она даже вынуждена была выставить его имущество на торги Christie's, включая произведения

искусства и изделия из фарфора. Суммарная выручка от аукциона, как сообщалось в прессе, составила около 90 тысяч фунтов.

Вдова герцога Кентского добровольно вступила в ряды женской вспомогательной службы ВМС и всю оставшуюся жизнь оставалась примером для подражания. Титул герцога Кентского перешел к ее старшему сыну, принцу Эдварду.

Бывая в Лондоне, великая княгиня Елена Владимировна охотно пользовалась гостеприимством своей младшей дочери, оставаясь порой у нее надолго. Ее младший внук Майкл усиленно изучал русский язык. Закончив Военную академию, он получил диплом военного переводчика и уже после смерти своей русской бабушки не раз посещал Россию.

В 1995 году Майкл Кентский приезжал в Санкт-Петербург с благотворительными целями. Благотворительностью он занимался и в последующие годы: через проект «Друзья детей России» английский принц помогал московскому госпиталю имени Сперанского, в котором лечат детей, получивших ожоги. Финансировал он и программу обмена студентами между Плехановской академией и школой бизнеса в Оксфордском университете.

Не лишенный некоторой амбициозности, возможно унаследованной от своей прабабушки, великой княгини Марии Павловны, принц Майкл Кентский с гордостью заявлял, что является внучатым племянником последнего русского царя. В некоторых кругах даже считается, что теоретически именно он имеет право на русский престол (несуществующей монархии) – при условии перехода в православие.

Елена Владимировна с супругом после замужества дочерей обосновалась во Франции. (В Афины они вернулись лишь в 1936 году.) Там же проживали ее братья: Кирилл (с женой Викторией), Борис и Андрей.

Великий князь Борис Владимирович женился на дворянке Зинаиде Рашевской, состоявшей в разводе с первым мужем. Романовыми она принята не была. Со своей женой Борис жил под Парижем в собственном доме, который купил, получив наследство от матери. Не имея детей и особых обязанностей, супруги жили на широкую ногу. В доме устраивались большие приемы, на которые приглашались в основном иностранцы и преуспевающие русские эмигранты – с обедневшей аристократией внук русского царя не поддерживал отношений. Елена Владимировна с ними не общалась.

Другой брат, великий князь Андрей Владимирович, спустя несколько месяцев после смерти матери обвенчался с балериной Матильдой Кшесинской, связь с которой у него длилась много лет.

У Матильды от него был сын Владимир, вместе с которым они и поселились в Париже. Среди русских эмигрантов Андрей пользовался большим уважением. Он был в тесном контакте со старшим братом Кириллом, написал мемуары, которые были опубликованы во Франции, но с сестрой и своими племянницами общался крайне редко.

Далека была Елена Владимировна и от амбиций своего старшего брата Кирилла, который в 1922 году провозгласил себя местоблюстителем престола, а спустя два года российским императором. Таким образом, появился новый монарх – Кирилл I. Все это происходило несмотря на то, что монархической России

уже не существовало, да и престола в наличии не было. Как писали некоторые очевидцы: *«Державы своей он не имел, но в некоторых французских ресторанах имел свой столик»*. А ведь была еще жива настоящая императрица, мать Николая II. До последних дней своей жизни (она умерла в 1928 году) Мария Федоровна, вдова Александра III, не хотела верить, что ее Никí больше нет в живых...

Большинство членов Дома Романовых поддержали Кирилла. Мария Федоровна написала племяннику своего мужа письмо со следующими словами: *«Подумай о фальшивом положении, в которое ты ставишь себя и всех остальных, об ужасной смуте, которую ты посеял в стольких умах и сердцах»*.

Действительно, принятие великим князем Кириллом Владимировичем царского титула и объявление себя (а после своей смерти сына Владимира как наследника) главой российского престола вызвало разлад среди семейства Романовых. Не угас он и по сей день...

В 1936 году скончалась супруга новоявленного императора Виктория, а двумя годами позже и сам Кирилл. Елена Владимировна была далека и от всех интриг, и от «игры в царя» своего старшего брата. На его похороны в Кобург она приезжала, но связи с племянниками не поддерживала. Своих братьев, перешагнувших через революцию целыми и невредимыми, Елена Владимировна пережила...

В 1938 году в Афинах умер принц Николай Греческий. Похоронили его на небольшом кладбище для членов греческой королевской семьи в местечке Татой в окрестностях Афин. По мнению современников, все тридцать пять лет замужества его жена прожила счастливо.

После смерти любимого мужа вдова-принцесса, великая княгиня Елена Владимировна, оставшиеся де-

вятнадцать лет жила в тесном контакте со своими дочерьми. В апреле 1941 года в Афины вошли немцы. Король и правительство эвакуировались сначала на остров Крит, а затем нашли убежище в Египте. В конце войны король и его близкие перебрались в Англию.

Только в ноябре 1944 года территория Греции была очищена от немецких оккупантов, а два года спустя проведенный в стране плебисцит дал победу сторонникам монархии. Королевская семья возвратилась в Афины.

* * *

Великая княгиня Елена Владимировна скончалась в марте 1957 года на семьдесят шестом году жизни. Похоронили ее рядом с супругом на кладбище в Та-той. Находится оно на лесистом холме среди высоких пихт. Там же стоит и скромная церковка. Могилы всей греческой королевской семьи под открытым небом. На них кресты, как у простых людей. Имеется лишь несколько красивых надгробий из белого мрамора с узорчатыми барельефами. Такое же надгробие на могиле Елены Владимировны, имя которой написано по-русски славянской вязью. Вечный покой она нашла неподалеку от своей свекрови-труженицы, русской великой княгини-королевы.

Сейчас на кладбище, по свидетельству посещавших его туристов из России, царит полное запустение. Некоторые надгробные плиты сровнялись с землей. Наклонившиеся кресты покрыты зеленым мхом. Удивляет неухоженность могил. Как-то все не по-королевски на королевском кладбище...

Внучка российского императора прожила за пределами своей родины почти шестьдесят лет. Но особой

известности в Европе эта великая княжна Романова не приобрела, разве что через свою младшую дочь Марину, герцогиню Кентскую, да внука Майкла, который, приезжая на родину предков, с гордостью рассказывает о своей царской родословной.

Старшая дочь Ольга прожила очень долгую жизнь – девяносто четыре года, имела трех детей. Вторая дочь, Елизавета, скончалась за три года до смерти матери, не оставив после себя потомства. Привязанности к родине предков по материнской линии они не имели.

Невольно в этой связи вспоминаются слова их бабушки, немецкой герцогини Марии Павловны, которая, по утверждению современников, часто говорила, что поскольку исконное население ее родного Мекленбурга раньше было славянским, то в ней, немецкой герцогине, больше славянской крови, чем в ком-либо из российских Романовых.

Мария Павловна

Большая княжна, экс-принцесса Шведская, дочь великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны.

Мария была последней невестой из дома Романовых, вынужденной по высочайшей воле последовать с избранным для нее супругом за пределы своей родной земли. Она родилась в 1890 году в семье младшего сына императора Александра II, великого князя Павла, женатого на дочери короля Греции Георга в браке с русской великой княжной Ольгой Константиновной. У Марии было очень непростое детство. Мать ее, принцесса Греческая Александра, скончалась во время родов второго ребенка, когда девочке было всего лишь полтора года. Незадолго до этого рокового дня Александра, находясь в гостях у брата мужа, великого князя Сергея Александровича, в его имении «Ильинское» под Москвой, внезапно почувствовала себя плохо. Через шесть дней наступили преждевременные роды, и молодая женщина, несмотря на все усилия врачей, умерла, оставив двух маленьких детей сиротами.

Смерть молодой красивой жизнерадостной женщины была для всех неожиданной. В романовской се-

мье супруга великого князя Павла Александровича пользовалась общей любовью. Ее безвременную кончину оплакивали все родные и близкие. Муж был безутешен.

После смерти матери Мария и ее брат Дмитрий в летние месяцы находились большую часть времени в «Ильинском» у своего дяди великого князя Сергея Александровича, а иногда в Царском Селе в семье императора Николая II. Зимой дети жили с отцом в Петербурге, в его дворце на берегу Невы.

Своего отца они очень любили. С нежностью и любовью относился к своим осиротевшим детям и великий князь – вдовец.

«Мы жили с отцом в Петербурге... – вспоминала Мария. – Я обожала его. Самым радостным событием в детстве было Рождество. Мы с Дмитрием к нему тщательно готовились: месяцами занимались рукоделием, создавая с огромными стараниями лишние всякого изящества подушечки, перочистки, вырезанные салфетки и обложки для книг ему в подарок».

Со своим младшим братом Мария была дружна с раннего детства, несмотря на несхожесть характеров. Дочь великого князя Павла Александровича была здоровым и не по годам умным ребенком. Она любила слушать сказки, которые по вечерам читал отец, в пять лет уже знала грамоту, рано стала проявлять интерес к игре на пианино. Близкие считали ее веселой и жизнерадостной. Полагали, что это было наследство матери, греческой принцессы. А вот своенравие и капризность ею «приобретены» были самостоятельно, эгоизм и трудность в общении родня объясняла сиротским детством.

Брат Дмитрий, хрупкий мальчик с большими грустными глазами, был проще и рос всеобщим любим-

цем и баловнем. В своей сестре он видел нечто материнское и просто души в ней не чаял. Все свободное время Мария и Дмитрий проводили вместе, занимались рукоделием или играли в оловянных солдатиков, устраивая целые баталии. Кукол великая княжна не признавала, не интересовалась она и другими игрушками для девочек, а любовь к солдатикам сохранила чуть ли не до замужества.

До шести лет великая княжна Мария не знала почти ни слова по-русски. В семье с детьми говорили по-английски, няни были англичанками – соответственно происходило и общение.

В 1897 году семилетняя Мария совершила свое первое путешествие за границу. Все было обставлено по-царски: собственный железнодорожный вагон, соответствующее сопровождение – гувернантка, три няни, врач, горничные, камердинеры, слуги.

Как только дочь великого князя Павла Александровича возвратилась в Петербург, к ней приставили учительницу русского языка. Воспитанию же как таковому придавалось мало значения: главным, по мнению наставников великой княжны, было «обучение началам православной веры и внушение норм нравственности». Воспитывали великокняжеских детей конечно же прежде всего в сознании, что они Романовы, хотя и требовали, чтобы те относились с уважением ко всем людям без различия сословий.

«О моем образовании не заботились и давали мне весьма поверхностные знания. Меня часто перевозили с места на место, и потому учителя и наставники постоянно менялись», – вспоминала Мария.

Отец не проявлял особого интереса ко всем этим вопросам. После смерти жены великий князь часто уходил в себя, иногда впадал в депрессию. Но вскоре после возвращения из длительной поездки в Европу

Мария заметила, что настроение отца улучшилось, он повеселел.

О причине такой перемены юная великая княжна узнала позже...

* * *

Жизнь великого князя Павла Александровича резко переменилась после встречи с красавицей Ольгой, женой адъютанта брата Владимира, полковника фон Пистолькорс. Он влюбился в эту женщину, а она в свою очередь окружила вдовца теплом, лаской и заботой.

В декабре 1896 года Ольга Пистолькорс родила от великого князя сына, которого назвали Владимир. У шестилетней Марии появился сводный брат, но этого она, естественно, тогда не знала, хотя в семье Романовых уже стали судачить.

Павел Александрович добился от племянника, императора Николая II, разрешения на развод Ольги, пообещав, что никогда не позволит себе «пойти дальше полагающегося».

Лишь осенью 1901 года мать незаконнорожденного сына великого князя стала свободной, и через год в Италии отец Марии тайно с ней обвенчался.

Венчание состоялось в небольшой греческой церкви в Вероне в 1902 году. И хотя обряд был совершен втайне, весть об этом событии дошла до Петербурга. Возмущению при дворе не было границ. Наказание было суровым. Павел Александрович получил из России уведомление, что он лишается всех титулов и должностей и теряет права на воспитание своих детей. Мария и Дмитрий, таким образом, поступили в распоряжение тети Эллы, родной сестры императри-

цы, и дяди Сергея, старшего брата отца. Великому князю Павлу Александровичу въезд в Россию, для свидания с детьми, был запрещен.

При получении письма от отца, где он сообщал о своей женитьбе, первой реакцией двенадцатилетней Марии было: *«Как я ее ненавижу!»* Вспоминая позже о своих чувствах, испытываемых ею при этом известии, она пишет: *«Я впервые переживала настоящее горе. То была первая рана, которую жизнь нанесла мне».*

О высылке отца из России дочь узнала позже. Дворец в Петербурге был закрыт, и дети перебрались в Москву. Их опекуном был назначен великий князь Сергей Александрович. *«Отныне я ваш отец, и вы мои дети»*, – сказал он.

Поселились в «Ильинском», в доме, где скончалась греческая принцесса Александра Георгиевна. В ее комнате сохранилось все так, как было при жизни, дядя, приводя иногда туда своих осиротевших племянников, рассказывал им об их матери. Постепенно Сергей Александрович привязался к детям, как к своим собственным. (В его супружестве с внучкой королевы Виктории детей не было.)

«Детство мы, по сути, провели рядом с дядей: тетя Элла не проявляла никакого интереса ни к нам, ни к тому, что нас касалось. Казалось, ее раздражает наше присутствие в доме и то, что дядя к нам так привязан».

К опекунству великой княгини Елизаветы Федоровны детям привыкнуть было нелегко. Она держалась с ними строго и порой бывала неприветлива. 1902 год Мария считала последним годом своего детства, а годы юности, проведенные в «Ильинском», считала «безмятежными» и вспоминала о них часто.

Встреча с отцом состоялась лишь в 1904 году – в Баварии, в Тегернзее, на вилле Марии Александров-

ны, герцогини Саксен-Кобургской, куда Марию и Дмитрия привезли их опекуны. Сначала чувствовалось некоторое напряжение, но *«когда я спросила его про жену, – написала потом Мария в своих «Воспоминаниях», – отец вскочил, бросился ко мне, крепко обнял меня. Этот маленький эпизод связал нас на всю жизнь...»*

Незабываемыми в памяти великой княжны Марии навсегда остались события 1904 года: стачки и беспорядки на улицах Москвы. Город находился «в возбужденном состоянии». Семья из «Ильинского» переехала в Кремль – там дяде Сергею казалось безопаснее. Став московским губернатором, он приобрел немало врагов, его считали жестким и крайне высокомерным правителем. Поговаривали, что на великого князя готовится покушение. Так что за ворота Кремля выезжали редко.

Но трагедия все же свершилась. В полдень 14 февраля 1905 года при выезде из Кремля великий князь Сергей Александрович был убит: в карету московского генерал-губернатора была брошена бомба, разорвавшая его буквально на куски. Убийца, эсер Каляев, был арестован и приговорен к смертной казни. Как потом стало известно, великого князя предполагали убить еще двумя днями раньше, когда он покидал территорию Кремля, чтобы сопровождать Марию и Дмитрия в Большой театр на благотворительный спектакль. Но террорист, как сообщали потом в прессе, не посмел поднять руку на ни в чем не повинных детей.

Гибель дяди Сергея для Марии и ее брата была огромной потерей – этот человек дарил им свою искреннюю любовь. Он был для двух осиротевших детей как заботливая мать, несмотря на свою внешнюю холодность и твердость.

Великого князя Сергея Александровича похоронили в одном из старинных храмов Кремля. На похороны приехал отец Марии – ему было позволено попрощаться с братом. Тогда же Павел Александрович обратился к императору с просьбой взять детей в Париж, где он проживал со своей женой графиней Гогенфельзен (этот титул Ольга, урожденная Карнович, получила от баварского короля) и тремя детьми, рожденными ею. (В изгнании Ольга родила еще двух дочерей – Ирину и Наталью.) Однако великий князь получил решительный отказ.

* * *

Оставшиеся три года до замужества Марии она и Дмитрий проживали с тетей Эллой в Москве. Гибель мужа сделала вдову дяди Сергея, великую княгиню Елизавету Федоровну, добрее к племянникам. После длительного траура она распустила свой двор, а громадное состояние разделила на три части. Одну передала в казну, вторую завещала воспитываемым в ее семье Марии и Дмитрию, а на третью купила в Москве, на Ордынке, усадьбу, куда и переехала год спустя после свадьбы великой княжны Марии. Созданная там обитель стала смыслом жизни овдовевшей тети Эллы.

Для ее юных племянников настало хорошее беззаботное время. Науками их не обременяли, они росли каждый со своими интересами. Какая-либо последовательность в системе их образования отсутствовала, методы обучения, со слов Марии, были поверхностными и не приносили пользы. Мария увлекалась рукоделием, Дмитрий – конным спортом...

Летом 1907 года Ирена, жена прусского принца, прислала своей сестре, русской великой княгине Ели-

завете Федоровне письмо, в котором сообщила, что шведская кронпринцесса просит выслать в Стокгольм последние фотографии ее воспитанницы великой княжны Марии. Это письмо, как бы забытое тетей Эллой на видном месте, «случайно» попало на глаза племяннице. Мария поняла, что планируется ее брак.

«...В сущности, здесь не было ничего удивительного, – написала потом Мария. – Я знала, что наступит день и мне придется выйти замуж за иностранца, и только невероятное везение даст мне возможность сделать выбор по велению сердца... Во все времена великокняжеские браки заранее планировались. И я была воспитана так, что принимала это за неизбежность».

Спустя некоторое время тетю Эллу навестил сын шведской кронпринцессы Виктории, кстати ее подруги детства, принц Вильгельм – высокий молодой человек двадцати лет с правильными, но словно застывшими чертами лица, выдававшими его робость. Он приехал в Москву инкогнито, якобы для знакомства с Россией. Великая княгиня Елизавета Федоровна устроила обед, после которого объявила Марии истинную причину визита шведского принца: *«Принц приехал, чтобы познакомиться с тобой. Ты ему понравилась, и он хочет знать, согласилась бы ты выйти за него замуж...»*

Для девушки это было как гром среди ясного неба. *«Я испытала состояние шока, – вспоминала она. – Хотя я была воспитана с представлением о том, что вынуждена буду выйти замуж из соображений политических, я никак не ожидала такого внезапно натиска тети. Ее поспешность выдать меня замуж и полное отсутствие всякой мысли о чувствах, лежавших в основе брака, вызвали во мне возмущение, казались мне чудовищными».*

С ответом торопили, поскольку принц должен был возвращаться в Швецию, уже зная ответ – «в той или иной форме». Между тетей Эллой и ее шестнадцатилетней племянницей состоялся следующий диалог:

— Я согласна, но при одном условии: я не хочу выходить замуж, пока мне не исполнится восемнадцать лет. Вы сообщили моему отцу об этом предложении? Каково его мнение?

— У меня есть одобрение императора, поскольку ты под его покровительством. Твой отец за границей.

На следующий день шведский принц вновь явился с визитом к великой княгине Елизавете Федоровне.

На его вопрос: «Вы хотите поехать в Швецию... со мной?» — Мария ответила согласием. Помолвка состоялась.

Тетя Элла и прочие родственницы убеждали княжну, что это ее счастливая судьба.

Великий князь Павел Александрович, получив письмо дочери о помолвке – кстати, написанное под диктовку тети Эллы, — был возмущен поспешностью, с которой распорядились судьбой Марии. Своим протест высказал и дед, король Греции Георг. Он написал императору Николаю II резкое письмо против столь раннего и скоропалительного брака его внучки. Смирило его лишь то, что венчаться Мария будет только по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Официальное объявление о помолвке состоялось летом в Петергофе. Для участия в церемониале приехал и принц Вильгельм. Затем, чтобы будущие супруги могли поближе узнать друг друга, они отправились в «Ильинское».

Вскоре суженый уехал к себе на родину. Мария стала учить шведский язык, а на острове Юргорден в Центральном Стокгольме, на покрытом дубами, живописном холме, приступили к строительству замка

в английском стиле на приданое российской великой княжны из царской казны.

Бракосочетание назначили на весну 1908 года. Для Марии оставались еще месяцы раздумий. Любви к своему жениху она, конечно, не испытывала, но сказать «нет» не решалась. Может быть, ответив на вопрос принца согласием, юная княжна просто хотела, наконец, избавиться от опеки докучливой тети Эллы?

Но сейчас, когда вопрос о замужестве был решен, имелись ли сомнения у Марии относительно ее брака? Да, имелись. Она даже отправила письмо принцу с извинениями и предложением расторгнуть помолвку, но это было уже невозможно. Мария очень скоро поняла, что они с принцем лишь маленькие винтики в государственно-политической машине, которая уже закрутилась и обратного хода не даст. Шведский и русский двор объединились в твердом намерении заключить этот брак, пусть даже и против воли молодых.

Настроение великой княжны Марии заметно улучшилось, когда она узнала о подарке, приготовленном ей императором по случаю свадьбы: ее отец прощен и получил высочайшее позволение вернуться в Россию со своей новой семьей. Так что на свою свадьбу дочь великого князя Павла Александровича пришла в хорошем расположении духа.

Отец приехал в Петербург в апреле 1908 года, чтобы участвовать в свадебных торжествах, которые должны были состояться в Царском Селе. Вместе с сыном-женихом туда прибыл и король Густав V в сопровождении всего шведского двора.

Свадьба вылилась в грандиозное государственное мероприятие. Невеста была обворожительна. Необыкновенной красоты наряд: свадебное платье с длинным шлейфом, расшитым лилиями и розами из серебра-

ной нити и драгоценности из императорской сокровищницы, насчитывающие несколько веков. Причем их было так много, что Мария с трудом выдерживала тяжесть.

Принц Вильгельм ждал невесту, когда сам российский государь ввел ее в церковь. После венчания по православному обряду обручальные кольца с пальцев молодоженов были сняты и надеты вновь уже шведским епископом, повторившим обряд на лютеранский лад.

Венчания завершились роскошным балом.

* * *

Итак, двоюродная сестра русского императора Николая II, великая княжна Мария Павловна, стала невесткой короля Густава V, недавно вступившего на шведский престол.

Как все считали, с политической точки зрения для России это был блестящий ход — наконец-то породниться с королевским Домом Швеции, страны, хоть и небольшой, но расположенной близко к российским границам и обладающей сравнительно сильной армией. Это было немаловажным фактором на политической арене.

Не задерживаясь в Петербурге, молодожены собрались в свадебное путешествие. Сначала они направились в Германию, где должно было состояться знакомство русской великой княжны с матерью мужа королевой Викторией, урожденной принцессой Баденской. В то время она находилась в Карлсруэ и на свадьбе сына по семейным обстоятельствам присутствовать не могла. Молодых ожидал официальный прием. К своей юной невестке королева и ее родственники отнеслись с большим уважением.

Новобрачные не миновали и Франции и конечно же посетили Париж, где их встречал брат Марии Дмитрий. Радостной была встреча и с отцом в его парижском доме, где состоялось знакомство с его тремя детьми: сводными братом Владимиром и сестричками Ириной и Натальей. Глядя на новую семью отца, Мария поняла, что ее недоброжелательство, которое она раньше питала к мачехе, исчезло. Отец с женой и детьми был по-настоящему счастлив.

В Париже молодожены пробыли несколько недель, затем направились в Швецию. Прибытие в Стокгольм было обставлено с поистине королевской пышностью. Город ликовал. Улицы пестрели русскими и шведскими флагами. Для встречи военного корабля, на котором кронпринц Вильгельм привез свою молодую жену, на набережную вышли огромные толпы людей. В королевский дворец новобрачных сопровождал торжественный кортеж.

Уставшая от долгих свадебных церемоний и длительной поездки, молодая герцогиня, как называли отныне русскую великую княжну, оказалась в совершенно новой для себя обстановке: иные традиции в семье, другие отношения между людьми.

Придворные дамы долго не могли привыкнуть к звонкому смеху за столом невестки короля, к ее непосредственности. В чопорной королевской семье она не скрывала присущие ей в ее восемнадцать лет темперамент и жизнерадостность. Ведь в России этикета придерживались лишь в торжественных случаях.

Производили большое впечатление и бешеные скачки молодой герцогини по шведской столице в сопровождении несущихся сзади гвардейцев. К лошадям у Марии была особая страсть. А быстрая езда была под стать ее темпераменту. Жителям как-то довелось стать свидетелями того, как седовласый король в паре

с юной невесткой мчался на всем скаку по городу, натягивая поводья и безуспешно стараясь остановиться. Как говорили свидетели, Мария, решив опробовать купленного рысака, пригласила свекра покататься, не сказав, однако, что нрав у лошади оставляет желать лучшего. И Густаву пришлось убедиться в этом лично.

И что же Мария? Получила ли она за этот поступок выговор от его величества? Вовсе нет! К супруге своего сына Густав V с самого начала отнесся с большой симпатией. Она частенько сопровождала короля в его железнодорожном вагоне на оленью охоту, нередко играла с ним в теннис. Поэтому, несмотря ни на что — а это «что» в будущем случится, — на протяжении многих лет король Швеции оставался верным другом русской великой княгини Марии Павловны.

«Мой свекор баловал меня... мы были добрыми друзьями. Он вполне терпимо относился к моим выходкам...» — вспоминала она позже, не раз повторяя, что в России жизнь была легкой, но людей понимать было трудно, в Швеции же люди были простыми, зато жизнь сложной.

Свободная пресса, существовавшая в Швеции, частенько писала о проказах юной принцессы, шокируя местную знать. Ведь это была не Россия, где о царской семье писать не полагалось. Живой темперамент русской супруги кронпринца не позволял ей долго выдерживать принятый в стране этикет. Она была молода, самоуверенна, ее тянуло к разнообразию. А супруг, морской офицер, подолгу отсутствовал: служба в генеральном штабе военно-морских сил, уходы в длительное плавание... Как она потом написала, отлучки мужа в первое время были для нее тяжелым испытанием, но в то же время пошли на пользу, поскольку ставили перед необходимостью самой организовывать свою жизнь.

Но время принцесса Мария проводила не только в забавах. К всеобщему удивлению, она стала учиться в стокгольмской Академии прикладных искусств. Там готовили художников по тканям, модельеров, декораторов. Уроки приносили ей истинную радость: великая княжна с детства имела склонность к шитью и вышиванию. Кстати, она и не предполагала, как пригодятся ей потом полученные в академии знания. Ведь о своем будущем принцесса-атаманша, как называли ее при дворе, тогда даже не подозревала...

С наступлением первых холодов Мария одно время принимала участие в игре в хоккей с мячом в команде кронпринцессы Маргарет, но, почувствовав, что ждет ребенка, стала вести спокойный образ жизни. Жила она в это время во дворце Оук Хилл, специально построенный для молодой четы.

«Праздность и одиночество угнетали меня, — вспоминала Мария. — Я занималась вышиванием, пыталась читать, но, поскольку образование мое было весьма поверхностное, из чтения ничего не извлекала... Я страстно желала присутствия рядом кого-нибудь из близких, горько сожалела, что у меня нет матери».

Год спустя после свадьбы принцесса Мария родила сына. Вся Швеция праздновала это событие. Внук короля Густава V получил имя Леннарт. По случаю рождения племянника в Стокгольм приехал брат Марии, великий князь Дмитрий. Наносили визиты и другие русские родственники шведской королевской семьи. В честь молодой матери новорожденного принца устраивались частые балы.

Летом Мария впервые после замужества приехала в Россию с сыном, которому было всего лишь несколько месяцев. Ей хотелось как можно скорее познако-

мить родных со своим малышом. Визит на родину был коротким. И вновь – в Стокгольм...

Принц Вильгельм, как и прежде, был постоянно занят службой, часто отсутствовал. Но Марию это уже не очень волновало. Настоящей супружеской душевности и близости так и не возникло. В флегматичном шведе не оказалось ровным счетом ничего, что привлекает женщину к мужчине. Но внешне все обстояло хорошо. Супруги появлялись вместе на приемах и праздниках и даже веселились, но счастливыми их уже не считали.

Осенью 1911 года король отправил сына с невесткой в длительное путешествие на восток, надеясь, что их прохладные отношения станут более сердечными. Зимой должна была состояться коронация молодого короля Сиама, приглашение на которую разослали во все европейские дворы, и Вильгельму с Марией поручили представлять Швецию на этой торжественной церемонии. Путешествие продлилось шесть месяцев, но супругов это не сблизило. Мария, которая сумела уже убедиться, что привлекает внимание других мужчин, все более понимала, каким безнадежно пустым является ее брак.

По возвращении в Стокгольм великая княгиня-герцогиня должна была вновь погрузиться в рутину шведских этикетов и обычаев. Несмотря на искреннее желание приспособиться к обстоятельствам, она чувствовала, что привыкнуть к жизни в Швеции ей вряд ли удастся. Все, что ее окружало, казалось чужим. *«К мужу я испытывала почти неприязненное отношение, будущее представлялось безрадостным».*

В 1913 году великая княгиня Мария Павловна приехала с маленьким сыном в Москву на торжества, приуроченные к 300-летию Дома Романовых. Тем временем в Швеции решили, что принцесса должна поселиться на

Капри, где по состоянию здоровья почти безвыездно жила ее свекровь, королева Виктория, урожденная принцесса Баденская, женщина крайне строгая. Она была нездорова и во избежание холодов зимние месяцы проводила в Италии, где чувствовала себя комфортно.

В шведских газетах появилось сообщение, что у королевской невестки нашли почечную болезнь и ей врачами предписано пребывание в южном климате. (Это «предписание» явно не обошлось без рекомендации свекрови-королевы.) На Капри для принцессы Марии сняли отдельную виллу, где все приготовили для ее приезда. Хочет того она сама или нет, никого не интересовало.

Вскоре вместе с мужем, который должен был сопровождать свою жену в Италию, русская великая княгиня покинула Стокгольм. Как оказалось, навсегда...

В Берлине, где супруги сделали остановку, их встретил великий князь Дмитрий. Тут Мария проявила свойственную ей решительность: она заявила принцу Вильгельму, что ехать на Капри не желает, распрощалась с ним и вместе с братом отправилась в Париж к отцу.

После безуспешных попыток примирения супругов стало ясно, что развод неизбежен. Правда, великий князь Павел Александрович был против, считая, что его дочь не готова к самостоятельной жизни. Но она ему прямо заявила, что привыкнуть к жизни на чужбине, да еще с нелюбимым супругом, не может.

«Чем больше я узнавала Швецию, тем больше мечтала о России, такой географически близкой, но столь отставшей от современной жизни; я сознавала с некоторым чувством вины, что шведская принцесса я только по титулу... Поэтому хочу отныне сама распоряжаться своей судьбой и своего решения изменить не могу...»

В декабре 1913 года шведский двор официально объявил о расторжении брака. Как скажет впоследствии сын Марии, *«вероятно, оба двора испытывали угрызения совести»*. Королевская семья потребовала, однако, оставить Леннарта в Швеции. Молодая мать не учла, что он принадлежал шведской династии и считался «королевской кровью».

От отчаяния и беспокойства у великой княгини случился нервный стресс, вызвавший острый бронхит, перешедший в воспаление легких. Она слегла. Лучшие врачи Парижа тщательно обследовали Марию и нашли, что кроме пневмонии и депрессии никаких других проблем со здоровьем у молодой женщины нет.

Поскольку решение проблемы с легкими и нервами затянулось, Мария уехала в Италию и, пробыв там некоторое время, отправилась в Грецию. Там она впервые посетила остров Корфу, где родилась ее мать, греческая принцесса Александра. Затем великая княгиня выехала в Россию. Там уже находился ее отец — на службе великий князь был восстановлен, звания ему возвратили, в Царском Селе он построил собственный дом, где и проживал вместе с женой и детьми. (В 1915 году Ольга и дети царским указом получают княжеский титул и фамилию Палей.)

Когда Мария вернулась на родину, в воздухе уже пахло грозой и катастрофой. И вскоре она пришла. Началась Первая мировая война...

* * *

Закончив медицинские курсы, великая княгиня отправилась на работу в прифронтовой лазарет, расположенный в Восточной Пруссии. Сделала она это по зову своего сердца. Почти год Мария Павловна уха-

живала за ранеными, выполняя подчас самую грязную работу. Она воочию увидела, что значат человеческие страдания. Родившись в «золотой клетке» и проведя некоторое время в «позолоченной тюрьме», великая княгиня внезапно оказалась в самой гуще русского народа. Но именно работа в госпитале стала отличной подготовкой к предстоявшей ей нелегкой жизни в эмиграции.

Когда положение на фронте стало угрожающим, Марию Павловну перевели в псковский госпиталь «Красного Креста», где она уже работала старшей медсестрой. Там ей приходилось даже выполнять самостоятельно несложные операции.

В декабре 1916 года великая княгиня узнала, что в Петрограде убит Григорий Распутин, пресловутый друг царской семьи. Ей довелось увидеть, с какой радостью это известие было встречено в провинции. Но когда до Марии Павловны дошел слух, что в убийстве замешан ее брат, великий князь Дмитрий Павлович, она немедленно выехала в столицу.

Брат был уже арестован. По высочайшему повелению он должен был покинуть столицу и отправиться на Южный фронт к границе с Персией. Не помогло и письмо государю, на котором стояло шестнадцать подписей находившихся в Петрограде Романовых, в том числе и бабушки Марии и Дмитрия, греческой королевы Ольги.

Сестра успела приехать на вокзал, когда под усиленной охраной поздно ночью брат покидал столицу. Тогда она еще не могла знать, что именно эта ссылка на персидский фронт спасет ему жизнь.

В то время, когда после большевистского переворота в октябре 1917 года не успевшие покинуть Россию Романовы подвергались физическому уничтожению, Дмитрий Павлович оставался еще на фронте. Но ког-

да настроение в войсках стало угрожающим, он перешел границу и отправился в Тегеран, где поселился в семье английского посла Марлинга. Там великий князь прожил около двух лет, а затем вместе с семьей посла уехал в Англию.

После долгой разлуки брат и сестра наконец встретились. Это случилось в Лондоне. Мария Павловна поведала о всех своих мытарствах за эти два года. Она уже знала о трагической смерти отца.

Великий князь Павел Александрович, когда началась война, был назначен войсковым командиром гвардейского корпуса. Однако пребывание на фронте плохо подействовало на его здоровье. У него начались проблемы с легкими.

Отречение своего племянника от престола в марте 1917 года великий князь не приветствовал, хотя придерживался демократических взглядов и даже разработывал проект конституции. Из всех сыновей императора Александра II во время революции в живых оставался только он, младший, никогда не стремившийся занимать высокие посты и довольствовавшийся скромной офицерской должностью.

Отца Марии Павловны арестовали весной 1918 года вместе с еще четырьмя великими князьями. Никакого обвинения им предъявлено не было, они были взяты под стражу лишь как родственники императора. Сначала арестованных отправили в Вологду, затем перевели в Петроград и заключили в Петропавловскую крепость. Не помогли и ходатайства княгини Палей о переводе ее мужа в больницу – в то время Павел Александрович был тяжело болен. 27 января 1919 года всех арестованных расстреляли во дворе крепости. Отец Марии Павловны был убит лежащим на носилках, идти к месту казни самостоятельно он не мог.

1 февраля в «Известиях» была опубликована маленькая заметка о том, что *«четыре бывшие Романовы расстреляны на основании приказа о великокняжеском деле»*. Что это было за «дело», в газете не упоминалось...

Рассказала Мария Павловна и о зверской расправе с их сводным братом Владимиром и с тетей Эллой. Молодой князь Палей так же, как и его отец, был арестован большевиками, но, поскольку он носил фамилию матери, ему предложили отречься от отца, великого князя, пообещав отпустить. Владимир с возмущением отказался.

Под охраной солдат его вместе с другими членами семьи Романовых, в том числе с родной сестрой императрицы Александры Федоровны игуменьей Елизаветой, отправили на Урал и в ночь на 18 июля 1918 года по распоряжению большевистских властей подвергли жестокой казни под Алапаевском. Узников привели к глубокой заброшенной угольной шахте и столкнули вниз, где они приняли мученическую смерть. Это случилось спустя день после расстрела царской семьи в Екатеринбурге, о чем пока никто не знал.

Когда в Алапаевск три месяца спустя вошли белые войска, тела казненных были извлечены из шахты, вывезены в Китай и погребены в Пекине возле церкви православной миссии.

Останки великой княгини Елизаветы Федоровны несколько позже будут захоронены в Иерусалиме, в храме Марии Магдалины, который в 1881 году основал ее супруг, сын Александра II, в память о своей матери-императрице. Тем самым исполнили волю матушки Елизаветы, игуменьи Марфо-Мариинской обители, которую она основала в Москве в 1911 году. А спустя восемьдесят лет в Москве на улице Большая Ордынка будет установлен памятник. На нем начерта-

но: *«Великой княгине Елизавете Федоровне с покаянием»*.

Русская православная церковь в 1992 году причислила великую княгиню Елизавету Федоровну к лику православных святых. Созданная ею обитель существует и поныне...

С братом Владимиром Мария Павловна подружилась, когда жила в царскосельском доме отца. Молодой князь Владимир Палей, принадлежавший к высшему слою аристократии, был известен в свете своими талантами, в том числе замечательными стихами, к сожалению не востребованными отечественной культурой. Прославился он и как переводчик, когда перевел на французский язык, которым владел наравне с родным русским, драму великого князя Константина Романова *«Царь Иудейский»*, получившую известность и в Европе.

По желанию отца, который хотел, чтобы сын обязательно стал офицером, Владимир после возвращения с родителями в 1913 году в Петербург учился в Пажеском корпусе. После окончания ускоренных классов военного времени он был произведен в прапорщики и зачислен в полк. Но в душе Владимир никогда не был военным. Он был поэтом.

Именно благодаря брату Мария Павловна сблизилась со своим будущим мужем, князем Сергеем Путятиным, с которым и прибыла в Лондон. Великая княгиня знала Сергея еще до своего отъезда в Швецию. Он был сыном дворцового коменданта в Царском Селе, представителя одного из старейших в России аристократических родов, и им приходилось встречаться.

Сергей Михайлович Путятин был старше великой княжны на семь лет, поэтому дружба между ними не завязалась. Увидев князя вновь, Мария с трудом его

узнала. Это был мужчина, прошедший фронт и получивший ранения. Ему было о чем рассказать и чем вызвать интерес двадцатилетней женщины. Нравились ей и стихи князя, которыми он, по его словам, иногда баловался.

Возникшая взаимная симпатия переросла в любовь. Сергей и Мария решили пожениться. Великий князь не возражал.

Венчались молодые в Павловском дворце. Скромный ужин в доме Павла Александровича в кругу самых близких людей завершил церемонию. Это произошло незадолго до Февральской революции.

Когда же монархия была свергнута и в начале осени пошли упорные слухи о национализации частной собственности, великая княгиня Мария Павловна с мужем срочно выехала в Москву, чтобы получить свои драгоценности, хранившиеся в банке. Ей это удалось сделать буквально накануне прихода к власти большевиков. Возвратившись в Петроград, Мария Павловна, опасаясь обыска, сложила бриллианты в бутылку с этикеткой «Чернила» и залила их парафином. Некоторые украшения она припрятала в толстых церковных свечах, которые были полыми внутри, но все же могли гореть. Несколько позже Марии Павловне удалось с большим трудом переправить драгоценности в Швецию.

После октябрьского переворота начались обыски и аресты. Возникли трудности с питанием. Марии Павловне, ожидавшей ребенка, было особенно сложно. Жили тогда уже в небольшом доме в Павловске, испытывая все невзгоды послереволюционного времени. И вдруг неожиданно получили от шведского королевского дома посылку с продуктами – там узнали о тяжелом положении бывшей родни и решили прийти на помощь.

Вскоре в семье Путятиных родился сын. Назвали его Роман – вероятно, как производное от фамилии Романов. Начались еще большие трудности, да еще возникли опасения, что молодую мать, великую княгиню Марию Павловну, внучку Александра II, постигнет участь членов царской семьи – ее могут арестовать.

Опасаясь преследования властей, супруги Путятины, оставив маленького сына на попечение родителей Сергея, буквально бежали из России. Перед отъездом Мария Павловна попрощалась с отцом, пока еще не зная, что свидеться им уже не придется.

* * *

Для великой княгини началась новая жизнь, ничем не схожая с жизнью других невест романовского гнезда, отправленных в европейские просторы – прочих героинь этого повествования. Ей предстояло прожить сорок лет на чужбине и никогда больше не увидеть родного дома. Нужно было все начинать сначала, не имея ничего, кроме высокого титула.

Проделав мучительный путь сквозь хаос Гражданской войны, супруги через Киев добрались до Румынии. В Бухаресте их приютила румынская королева Мария, которая отнеслась к ним очень тепло, по-родственному. Королева была дочерью великой княгини Марии Александровны, сестры отца Марии Павловны. До Первой мировой войны она часто приезжала в Петербург и славилась добрым отношением к родственникам.

В Бухаресте Мария получила весть, что ее брат Дмитрий жив и из Персии добрался до Лондона. Эта была большая радость, ведь со времени разлуки в январе 1917 года она ничего о нем не знала.

Погостив некоторое время у своей кузины в Румынии, Мария Павловна с мужем через Париж отправилась в Лондон, где и состоялась ее встреча с братом. Здесь к ней вернулась и бутылка с «чернилами», что было очень кстати. Однако с украшениями пришлось расстаться и, к сожалению, за небольшую цену – рынок был наводнен драгоценностями бежавших от революции эмигрантов.

В Лондоне великая княгиня Мария Павловна получила известие, что ее годовалый сын Роман умер от кишечного заболевания. Это было большое горе... Выбраться из депрессивного состояния могло помочь только одно: надо было начинать что-то делать.

Вместе с мужем и братом Мария Павловна покинула Лондон и уехала в Париж. Ей было уже двадцать восемь лет, а о жизни как таковой она и понятия не имела: как покупать хлеб, масло и молоко, сколько платить за проезд на метро, где приобретать одежду. А главное, как заработать деньги на все это и обеспечить себе жизнь, пусть не роскошную, но хотя бы сносную. Было о чем задуматься.

Ни муж Сергей, ни брат Дмитрий всерьез об этом не думали. Они, впрочем, как и остальные эмигранты, были уверены, что скоро Советы падут и тогда все будет как прежде.

Большинство русских относились к кузену свергнутого царя, великому князю Дмитрию Павловичу, как к герою – ведь он был причастен к расправе над Распутиным. Но он сам не скрывал своего сожаления, что был замешан в это преступление, считая, что никакие высокие идеи не могут оправдать убийства.

В Париже Дмитрий вначале стал жить явно не по средствам: роскошные апартаменты в самом дорогом отеле «Ритц», красивые женщины, поездки по Европе на мотоциклах и автомобилях. Он тратил деньги,

не задумываясь о завтрашнем дне. Сначала это были деньги, которые Временное правительство Керенского, не забыв Распутина, разрешило ему перевести в Персию за дом, проданный в Петрограде. Но им при такой жизни вскоре пришел конец, Дмитрий оказался на мели.

Муж Марии Павловны, князь Путятин, хотя и получил место в банке, но далеко вперед не смотрел, надеясь, что все скоро кончится. И только великая княгиня проявила дальновидность: навсегда отбросив все мысли о реставрации монархии, а следовательно о возврате родовых привилегий, она купила машинку для вышивания и под вымышленным именем стала посещать мастерскую, где обучали вышивке.

Спустя месяц она открыла собственное ателье под названием «Китмир», взяв на работу трех русских девушек-вышивальщиц. Вышивки были великолепны. Возникло сотрудничество с королевой французской моды Коко Шанель, которую заинтересовали изысканные работы русских вышивальщиц. Появились заказы и соответственно заработки. На первые вырученные деньги Мария сняла помещение, где проводила почти все время. Вскоре великокняжеское ателье насчитывало уже пятьдесят работниц.

Летом 1921 года Мария Павловна с согласия шведского короля Густава V впервые встретилась с сыном Леннартом. Произошло это в столице Дании Копенгагене, так сказать на нейтральной территории, как того пожелала королевская семья. Второй раз мать встретилась с сыном через пять лет в немецком Висбадене. Они вместе навестили брата тети Эллы, великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнста Людвига, который очень радушно принял воспитанницу своей сестры и проявил большое внимание к ее сыну.

Следующая встреча произошла в Брюсселе, когда Леннарту было уже семнадцать лет. Воспитанием и образованием сына мать осталась довольна. Внук шведского короля прошел обучение в привилегированной школе, а во дворце у него были еще и собственные учителя. Среди них, кстати, был и месье Жильяр, воспитатель сына Николая II, царевича Алексея. К своей матери Леннарт относился с должным почтением и искренне сожалел, что не может встретиться с ней в Швеции, где они могли бы видеться чаще. Мария Павловна чувствовала, что с сыном у нее установилось полное взаимопонимание. Когда спустя два года к ней обратились из Голландии с предложением заключить брак между Леннартом и дочерью принца-консорта, русская великая княгиня, имея печальный опыт брака по расчету, сказала свое решительное «нет». В согласии сына с ее мнением она не сомневалась.

Дальнейшая судьба шведского принца, правнука императора Александра II, сложилась весьма неординарно. Вопреки желанию и надеждам королевской семьи, двадцатидвухлетний принц в январе 1931 года вдруг заявил деду-королю, что женится только по велению своего сердца. Избранницей принца стала герцогиня Карин Свен-Нисванди, которая по своему происхождению не могла стать членом королевской семьи. С одобрения матери Леннарт заключил с ней в Лондоне гражданский брак, лишившись тем самым права на шведский престол. Гены вольнолюбивой матери проявились в полной мере.

Вместе с женой господин Леннарт Бернадот – теперь его называли именно так – поселился на юге Германии в городке Майнау неподалеку от Констанца. Там находился замок с обширными угодьями, принадлежавший его отцу, принцу Вильгельму. Огром-

ное имение находилось в полном запустении. Спустя некоторое время благодаря энергии и инициативной предприимчивости нового собственника (по воле шведской родни имение было передано Леннарту) оно превратилось в образцовое хозяйство. К поместью примыкал удивительной красоты большой сад с редкими растениями, полученными в наследство от бабушки, королевы Виктории, который впоследствии будет привлекать туристов. Они называли его «*Остров цветов посреди Боденского озера*».

Таким образом, для встреч матери с сыном преград уже не было. Мария Павловна продолжала жить в Париже, однако ее ателье, прежде заваленное заказами, постепенно становилось убыточным – мода менялась, прервалась и связь с Коко Шанель. Одновременно разладилась и личная жизнь: прежние чувства к мужу, привыкшему жить за счет ее трудов и энергии, угасли. Обеспечивать княжеские привычки Сергея Путятин и оплачивать его карточные долги Марии Павловне надоело. А он ничем серьезным заняться не хотел. Развод...

Расстались супруги мирно. Каждый пошел своей дорогой. Пройдет немного времени, и князь Путятин женится на американке и переедет в США, где и закончит свои дни. Но это случится уже после смерти его бывшей жены, внучки императора Александра II.

После развода Мария Павловна купила дом, куда переехал и Дмитрий, до того времени живший отдельно. Теперь он полностью находился на ее иждивении, и сестра прощала ему все его похождения. Дмитрий для нее всегда был большим ребенком, который, как она видела, никогда не приспособится к жизни. Но от этого она любила брата не меньше, не переставая думать, что бы еще предпринять и как еще заработать деньги.

Когда Мария Павловна узнала о романе брата с богатой американкой, двадцатидвухлетней Одри Эмери, то стала инициатором законного брака с ней. В ноябре 1926 года в православной церкви в Биаррице состоялось венчание.

В замужестве миллионерша из Америки стала носить фамилию Ильинская – по наименованию поместья, где родился ее муж. В 1928 году Одри родила сына, названного в честь русского деда Павел. Но семейная жизнь не сложилась. Американский менталитет Дмитрию был чужд, гармонии в браке не получилось. Как написал в своих мемуарах князь Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий, *«будучи уже отцом, продолжал прожигать жизнь и как бы замкнулся в себе, стал непроницаем ни для любви, ни для дружбы»*.

В 1937 году брак с американкой Одри, которая ради любви к русскому великому князю даже приняла православие, был формально расторгнут. Сын Дмитрий, Пол Р. Ильинский, как он будет себя называть (буква «Р» означает «Романов»), стал гражданином США, там и проживал. На стены своего дома в Палм-Бич он повесил портреты отца в военной форме разных лет и всю жизнь проявлял живой интерес к России.

Свою тетку сын великого князя Дмитрия помнил всегда. *«В ней оставалось много самодержавных черт. Она никому не давала забыть, что она великая княгиня, хотя всегда была исключительно приветлива»*, – вспоминал он.

Сын Пола, племянника Марии Павловны, князь Дмитрий, родившийся в его втором браке в 1954 году, вырос в православной вере и всегда проявлял большой интерес к истории Дома Романовых. (Внешне он очень похож на императора Александра III: такой же рослый, могучий, с окладистой светлой бородой – настоящий русский богатырь. Сейчас проживает в США.)

Налаженная парижская жизнь великой княгини Марии Павловны постепенно стала давать одну трещину за другой. Успех давался нелегкой ценой, что отражалось и на ее внешности. «*Короткая стрижка, дымящаяся сигарета*» – такой Марию Павловну помнят парижские знакомые того времени. В ней уже трудно было «увидеть» принцессу.

Чтобы заработать на хлеб, она не отказывалась ни от какой работы. А она появлялась не всегда и не всегда приводила к успеху. Парфюмерный магазин, который Мария Павловна открыла, давал мало прибыли. Не удалось наладить и торговлю шведскими изделиями из стекла, за которую она решила взяться. Положение действительно было не из легких, когда появилась новая идея.

Общаясь с французской интеллигенцией, Мария Павловна заметила, что ее рассказы о своей жизни привлекают внимание – ведь они являются частью исторических событий того времени. А почему бы не изложить их на бумаге? И русская великая княгиня начала писать (сначала по-французски), читая свои повествования, главу за главой, парижским друзьям. Так появились ее мемуары, которые были изданы в двух томах и имели успех. Но не только это порадовало автора. Издание воспоминаний поправило материальное положение бывшей владелицы обанкротившейся фирмы «Китмир», что было весьма кстати...

В октябре 1928 года Мария Павловна впервые за пятнадцать лет вновь оказалась среди романовских родственников, собравшихся в Копенгагене на похороны матери императора Николая II, Марии Федоровны, урожденной датской принцессы.

Родственники – дамы в черных вуалях, мужчины в черных костюмах, некоторые в парадной форме и при старых русских орденах и наградах – собрались на торжественной траурной церемонии. На ней присутствовала и великая княгиня Мария Павловна вместе с братом, великим князем Дмитрием Павловичем, и его молодой женой – американкой.

Отпевание усопшей происходило в православном храме Александра Невского в центре Копенгагена. Совершал ритуал прибывший из Парижа митрополит Евлогий – управляющий русскими приходами в Западной Европе. Гроб, установленный посередине храма на специальном возвышении и покрытый Андреевским и королевским датским флагами, утопал в цветах. Рядом лежали правительственные венки от Франции, Бельгии, Бразилии, Китая, Японии. *«Русские кавалергарды, следовавшие за государыней в ссылку, стояли вместе с датскими гвардейцами в почетном карауле»*. По свидетельству очевидцев, в течение трех дней тысячи людей шли попрощаться с бывшей русской императрицей. Чтобы попасть внутрь церкви, народ терпеливо ждал на улице.

Торжественная траурная церемония состоялась 19 октября, в день погребения. После отпевания гроб на специальном поезде доставили в город Роскилле, где в кафедральном соборе датских королей и состоялось погребение. Кончину бывшей российской императрицы Марии Федоровны люди искренне оплакивали. Она была символом ушедшей в прошлое России...

Русские князья разъехались в свое «бездомное изгнание» – так после похорон комментировали датские газеты все события. В прессе также появились статьи о «белой вороне» среди романовской знати, собравшейся в Копенгагене по столь печальному случаю, –

бизнесменке великой княгине Марии Павловне. Она стала предметом разнотолков среди высшего общества, газеты не сдерживались от шпилек в адрес ее занятий. Таким образом, интерес к мемуарам увеличился.

Для самой Марии Павловны не было секретом, что ее предпринимательская деятельность и вообще стиль жизни далеки от тех традиций, которых и в эмиграции старались придерживаться не только ее родственники Романовы, но и представители всей российской аристократии.

Однако ее высочество твердо держалась своих собственных, подсказанных опытом жизни взглядов. Не теряя энтузиазма, она упорно работала, чтобы обеспечить свое благополучие без помощи родственников, рассчитывая лишь на собственные силы.

С Романовыми Мария Павловна практически не общалась. Политические игры, затеянные ее кузеном, великим князем Кириллом Владимировичем, «деловую леди» не интересовали. Еще в 1922 году он назвался хранителем трона, а два года спустя провозгласил себя российским императором. Поддержали его немногие. Большинство русских эмигрантов, начиная с императрицы Марии Федоровны, осудили великого князя и будущим царем признать отказались.

Контактов с мачехой и сводными сестрами у Марии Павловны, основной жизненной целью которой было самой, без «подаяний» со стороны родственников, обеспечить себе достойную жизнь, также не было. Ольга Владимировна Палей после расправы над сыном и мужем, взяв дочерей и спрятав драгоценности в сумку, по льду Финского залива перебралась в Финляндию. Оттуда ей удалось переехать во Францию, где она и обосновалась. На первых порах безбедную жизнь ей обеспечили деньги счетов, оставленных великим князем Павлом Александровичем в Париже.

Она даже устраивала благотворительные вечера в пользу беженцев из большевистской России.

Скончалась вдова великого князя в 1929 году, когда ее дочерям, Ирине и Наталье, уже перевалило за тридцать лет. После смерти матери сестры пошли по жизни каждая своей дорогой.

Княжна Ирина, красивая и умная, внешне похожая на свою бабушку, императрицу Марию Александровну, вышла во Франции замуж за русского князя Федора Александровича, сына великой княгини Ксении Александровны, сестры Николая II. Она родила двух детей, но в 1936 году супруги расторгли брак. Сын Ирины, князь Михаил Федорович, летом 1990 года посетил Россию. Той же осенью скончалась его красавица мать, прожившая долгую жизнь.

Княжна Наталья, тоже очень красивая, прославилась на поприще моды. Поступив в одну из престижных французских фирм, она вышла замуж за кутюрье Люсьена Лелонга. Начиная с 1928 года портреты Натальи Палей, настоящей русской красавицы, регулярно печатались на страницах престижного журнала «Вог». Многие номера сейчас хранятся в парижском Музее моды и костюма.

Супружество с кутюрье продлилось лишь десять лет. Наталья вскоре начала сниматься в кино. Фотогеничность лица и роскошные туалеты сделали дочь русского великого князя заметной фигурой на экране. Но известной актрисой она тем не менее не стала. Второе замужество с американцем, преуспевающим театральным продюсером, счастья тоже не принесло. С модельным бизнесом Наталья рассталась, связь ни с родной, ни со сводной сестрой не поддерживала, приспособиться к американскому ритму жизни не сумела. Так что последние двадцать лет она жила в полном одиночестве.

Умерла Наталья Палей в 1981 году, не оставив потомства.

* * *

На американскую землю судьба привела и Марию Павловну. Когда ей исполнилось сорок лет, она, взяв с собой только пишущую машинку, села на пароход и отправилась в США. Она была приглашена на работу консультанта в фирме модной одежды «Бергдорф и Гудман», где и пробыла несколько лет. Чтобы подработать, неумная русская великая княгиня, шведская экс-принцесса, стала разъезжать по стране и выступать с лекциями. (Для США это было обычно.) У Марии Павловны получалось неплохо, она обратила на себя внимание.

Печатная корпорация Херста отправила новоявленную журналистку в качестве корреспондента в Германию. Начался новый этап трудовой деятельности великой княгини. У нее возникла очередная страсть – цветная фотография, это сочеталось с давнишней любовью к живописи. После развода она несколько месяцев брала уроки живописи в одной из парижских мастерских, и в ее новом увлечении приобретенные навыки оченьгодились. Иногда Мария Павловна писала для газет небольшие статьи об искусстве и дизайне. Появлялись деньги, которые, правда, долго у нее не задерживались.

Мария Павловна начала коллекционировать книги. С годами она стала обладательницей великолепного собрания, которое после ее смерти перешло к кафедре славянских языков Стокгольмского университета. (Сейчас оно хранится в библиотеке Королевского дворца в Стокгольме.) Таким образом бывшая швед-

ская принцесса отблагодарила родину своего незадачливого супруга. Шведская родня в течение всей жизни русской великой княгини оставалась по отношению к ней очень корректной. До конца своих дней благоволил к невестке и король Густав V. По высочайшему ходатайству Мария Павловна получила в 1937 году шведское подданство и дипломатический паспорт, что значительно облегчало ее путешествия по странам. А на месте предприимчивой великой княгини не сиделось. Да и где было ее место?

Россия осталась в далеком прошлом. Франция потеряла смысл, когда не стало любимого брата Дмитрия. Он заболел туберкулезом и, находясь в швейцарском санатории на излечении, в 1942 году скончался. Ему исполнилось лишь пятьдесят лет. Похоронили русского великого князя на горном кладбище в Давосе.

Ну а с другими родственниками, осевшими во французских городах, Мария Павловна, как уже говорилось, связи не поддерживала. Вот и разъезжала неутомимая вольная птица по белу свету. Время от времени журналисты брали у бывшей принцессы интервью.

Во время Второй мировой войны русская великая княгиня Мария Павловна покинула Европу и переехала в Аргентину. Поселилась она в Буэнос-Айресе, в небольшой квартире с садом. Большую часть времени посвящала живописи. Материальное положение было неблестящим, но, когда оно совсем ухудшилось, вновь пришла помощь из Швеции от свекра-короля.

В 1947 году в Аргентину приехал сын Леннарт. С матерью он провел несколько месяцев. Наконец внук шведского короля смог подробно ознакомиться со своей русской родословной – говорили мать и сын много...

Позже граф Леннарт Бернадот несколько раз будет приезжать в Петербург, чтобы своими глазами увидеть места, связанные с его русскими предками. Внешне он типичный Романов: высокий, около двух метров ростом, подтянутый, с умными светлыми глазами.

Со своей первой любовью сын Марии Павловны разошелся, женился вторично, имел от второй жены пятерых детей. К матери, которая к своим внукам любовью бабушки не очень прониклась, не перестал относиться с должным почтением.

После войны Мария Павловна переехала в Европу, проживала как почетная гостья у разных знакомых, навещала сына в Майнау. Появлялась она обычно без предупреждения на автомобиле, который научилась водить сама, с обычным багажом: швейной машинкой (вечной своей спутницей), пишущей машинкой, фотоаппаратом с принадлежностями, мольбертами и прочими мелочами. Оставалась всегда недолго. Однако взять на себя командование в доме сына великая княгиня, внучка русского царя, очень любила, что порой вызывало разногласия. Затем она вновь уезжала. Превратиться в смиренную приживалку в доме ей не хотелось.

Путешествуя по городам Европы, Мария Павловна писала очерки для парижских газет, делала художественные фотографии, получавшие иногда призы на различных конкурсах, рисовала. Ее мемуары, переведенные на несколько языков, по-прежнему пользовались читательским спросом. (В России «Воспоминания» великой княгини Марии Павловны появились лишь в 2003 году.)

В 1949 году Мария Павловна впервые после развода встретила со своим шведским мужем, принцем Вильгельмом. Произошло это в доме сына в Майнау

совершенно неожиданно для обоих. Со времени царскосельской свадьбы, когда юная красавица невеста сгибалась под тяжестью фамильных драгоценностей, прошло четыре десятилетия.

Через несколько минут бывшие супруги, поцеловав друг друга в щеку, уже общались как старые друзья.

Принц Вильгельм официально так и не женился. Несколько лет он жил с француженкой по имени Жанна Трамкур, имел от нее внебрачных детей. Выйдя в отставку, Вильгельм проявил себя как натура творческая, увлекся литературой, начал писать стихи, стал проявлять большой интерес к истории. С сыном Леннартом всегда поддерживал хорошие, добрые отношения, навещал его в Майнау. В стокгольмском доме, где он когда-то жил со своей молодой русской женой, разместилось итальянское посольство, залив перед домом продолжал называться Русским заливом.

Вскоре Мария и Вильгельм расстались, чтобы уже никогда больше не встретиться.

В последние годы жизни Мария Павловна чувствовала себя усталой. Умерла она в декабре 1958 года от воспаления легких в городе Констанце, пройдя весь свой жизненный путь с достоинством и отвагой, не сдаваясь даже в самые трудные дни. Похоронили великую княгиню в Майнау – в отдельном приделе крипты дворцовой церкви, рядом с прахом брата, перенесенного туда из Давоса. (Спустя некоторое время после смерти великого князя Дмитрия Павловича его останки по просьбе сестры перевезли в Майнау. После кремации урну поместили в дворцовой церкви.)

Когда Мария Павловна нашла свой вечный покой, ей было шестьдесят восемь лет.

Принц Вильгельм пережил свою бывшую супругу

на семь лет. Он скончался в июне 1965 года в своем шведском поместье Стенхамар в Зедемандланде.

Князь Путятин умер годом позже в Чарльстоне, штат Южная Каролина, в США.

Так закончилась жизнь внучки императора Александра II, женщины, которая ни при каких обстоятельствах не хотела сдаваться. Принцесса великокняжеской крови, сидевшая на шведском престоле, и вдруг такая судьба! Брошенная в суровую повседневную жизнь, она нашла нетрадиционный выход. Находчивость и негибаемость – так проявила себя великая княгиня, выросшая без матери и уехавшая не по велению своего сердца в Швецию с человеком, который не смог ей дать истинно женского счастья.

В «Воспоминаниях» великой княгини Марии Павловны есть такие строки:

«...Несмотря на отсутствие связей с родиной, я почему-то испытывала преданность и любовь к своей громадной таинственной стране. Не зная ее, я понимала ее инстинктивно, я чувствовала ее недостатки, ее безграничные возможности, ее безрассудство и ее мудрость. И в душе на протяжении всей своей жизни продолжала считать себя русской».

Послесловие

Правление династии Романовых завершилось жестокой расправой с семьей последнего императора Николая II. Кстати, до революции 1917 года у членов российского императорского Дома фамилии как бы не было. Романовых называли по имени и отчеству. Сейчас же об этой фамилии вспоминают часто, вписана она и в запутанный лабиринт родословных тех правителей западных монархий, которым из России более ста лет назад для супружества привозили русских великих княжон. Именно через этих невест, вылетевших как птицы из родного гнезда в европейские просторы, монархии и по сей день связаны родством друг с другом.

Известно, что почти каждой из этих невест выпала на долю нелегкая жизнь – и это была не только разлука со своими близкими, но и страдание женского сердца. Великая и прекрасная Россия, в которой они родились, оставалась лишь в воспоминаниях. Вдали от родины девушки с годами утрачивали красоту и молодость и находили вечный покой.

Любви было мало, но был долг, который дочери династических родителей должны были выполнять. Их не спрашивали, согласны ли они выйти замуж за

выбранного жениха, какие чувства питают к нему – им следовало лишь повиноваться.

Было ли страшно юной девушке уезжать от родителей с человеком, которого порой она раньше и не видела? Несомненно! Ведь кто знает, что тебя там, в чужой стране, ждет? Но тем не менее с приближением грозного натиска судьбы девушка покорно отправлялась с иллюзией любви в дальний путь, распрощавшись с родительским домом. Как говорится, с неизбежностью даже боги не спорят...

Женская судьба невест из Дома Романовых чаще всего оказывалась поломанной. Вознесенные судьбой на высшую ступень власти, они не переставали быть женщинами, нуждающимися в любви и нежности.

Давайте еще раз взглянем на их жизни.

Племянница императора Петра I, царевна Анна, стала вдовой, не доехав до места своего назначения и вынуждена была без мужа продолжить путь в неведомую ей страну. Провела она там почти двадцать лет, чувствуя себя как «инородное тело в общей массе людей». В Россию ее вернула царская корона, до которой Анна не доросла ни интеллектом, ни характером, существенно подпорченными долгим пребыванием на чужбине. Анна набрала себе помощников из немцев, что привело к дворцовому перевороту, искалечившему судьбы ее ближайших родственников.

Ее сестра, царевна Екатерина, покинув Мекленбург, так и осталась до конца жизни соломенной вдовой. Мекленбургскому герцогу, своему супругу, она была без надобности.

Дочь императора Петра I, царевна Анна, полностью разочаровавшись в супружеской жизни, даже не испытала счастья от рождения ребенка. «Бедный малютка, не на радость ты родился», – сказала она, когда ей показали ребенка, словно предчувствуя заранее

его трагическую судьбу. Последней волей фактически изгнанной из России герцогини Шлезвиг-Голштинской было лишь желание вернуться в родную землю.

По-разному сложились судьбы дочерей императора Павла I.

Дирижером первой судьбы была сама Екатерина II, исполненная честолюбивых стремлений. Жизнь ее старшей внучки, Александры, была буквально задавлена щупальцами интриг габсбургского Дома. Не защитило и то, что рядом с ней оказался «надежный супруг с отличным характером», как сказала об австрийском эрцгерцоге мать великой княжны. Не смог он уберечь свою прелестную русскую жену.

Елена совсем юной девочкой должна была покинуть родные царские апартаменты, чтобы отправиться неведомо куда. По словам матери, императрицы Марии Федоровны, *«дочь любила принца Мекленбургского, который был вовсе не любезен, но добрый»*. Ранняя смерть вырвала Елену из объятий мужа и его радужных родителей. Но именно Елена заложила основы добрых отношений между Россией и Мекленбургом на долгие-долгие годы.

Мария, истинная дочь России, пронесла любовь к своей родине через всю жизнь и оставила по себе добрую память в Германии, куда приехала невестой. Но женского счастья она не приобрела, любовь прошла мимо.

Яркой кометой пронеслась по европейскому небосклону великая княгиня Екатерина Павловна, сыгравшая немалую роль в истории начала XIX века. Она была самой желанной невестой для европейских принцев. И что в итоге? Трагически непредсказуемая ранняя смерть. К своим обоим мужьям она относилась с любовью, но предательства второго супруга гордая Екатерина снести не смогла.

Вряд ли можно говорить о большом женском счастье Анны Павловны, нидерландской королевы. Смерть любимого сына, сложные отношения с другим сыном – наследником престола, смерть мужа, внезапно обнаружившиеся огромные долги...

Пять дочерей императора Павла I, пять разных не очень счастливых судеб. Но во многом именно благодаря этим великим княжнам потомков Романовых с титулом или без него можно встретить сегодня почти во всех частях нашей планеты.

В следующем поколении невестам из Дома Романовых, которые должны были следовать в Европу, не выпала судьба продолжить род своих мужей. Младшая дочь императора Николая I Александра и его племянница Елизавета скончались при родах. Дочери Ольге посчастливилось долго оставаться у родительского очага. Но покинуть Россию ей все же пришлось. Спустя много лет она с горечью написала в своих «Воспоминаниях»: *«Молодые девушки, главным образом принцессы в возрасте, когда выходят замуж, достойны сожаления, бедные существа! В Готском альманахе* указывается год твоего рождения, тебя приезжают смотреть, как лошадь, которая продается. Если ты сразу же не даешь своего согласия, тебя обвиняют в холодности, кокетстве или же о тебе гадают, как о какой-то тайне».*

Великой княжне Ольге, последовавшей за мужем в Вюртемберг, тоже не суждено было стать матерью. Но она сотворила столько благих дел для родины своего супруга, что остаётся в памяти немцев по сей день.

* Самый престижный сборник дворянских родов, который начал выходить в Германии в 1762 г. Он дает подробную информацию о правящих фамилиях Европы.

Невесты из дома Романовых более младшего поколения прошли тот же путь замужества: не по своей воле. Им также всячески внушали, что человек рождается не для того, чтобы быть счастливым, а для выполнения своего долга. А счастье, ведь оно, как мозаичная картина, состоит из маленьких радостей. У одной невесты их было больше, у другой меньше. Но все эти юные царевны и княжны, каждая по-своему, помогли выстроить родственные связи России с другими странами и вплести свою, романовскую, нить в кружево европейских монархий.

«Императорская фамилия, – как пишет в своих мемуарах великая княгиня Ольга Александровна, младшая сестра последнего русского императора, – была связана кровными узами с несколькими владетельными германскими домами – Пруссией, Кобург-Готским, Баденским и Вюртембергским, с датской королевской фамилией, а через нее и с греческой. В 1874 году единственная сестра Александра III, великая княжна Мария Александровна, вышла замуж за герцога Эдинбургского. Короче говоря, единственными владетельными домами, не связанными узами с Романовыми, были Габсбурги, Бурбоны и дом Браганса, исповедовавшие католицизм, что являлось непреодолимой преградой для брака в глазах русских».

Книга истории судеб царских невест, изгнанниц с титулами и богатствами, представлена современному читателю как рассказ об утраченных женских надеждах. Она написана на основе подлинных документов, воспоминаний, свидетельств современников и построена на фактах, а не на домыслах. Тем, кто интересуется историей, она может помочь понять и сегодняшние отношения между Россией и европейскими странами.

И как бы ни развивались в дальнейшем события в России, переживающей ныне нелегкие времена, одно можно сказать с уверенностью: почти все сохранившиеся владетельные дома Европы так или иначе связаны между собой родством благодаря юным девам из романовской колыбели.

Содержание

Предисловие	5
Племянницы и дочь императора Петра I	
Анна Иоанновна	10
Екатерина Иоанновна	25
Анна Петровна	43
Дочери императора Павла I	
Александра Павловна	66
Елена Павловна	93
Мария Павловна	114
Екатерина Павловна	136
Анна Павловна	169
Внучки императора Павла I	
Александра Николаевна	200
Ольга Николаевна	212
Елизавета Михайловна	234
Дочь и племянницы императора Александра II	
Мария Александровна	250
Ольга Константиновна	272
Анастасия Михайловна	298
Внучки императора Александра II	
Елена Владимировна	324
Мария Павловна	340
Послесловие	377

Литературно-художественное издание

Валентина Григорьевна Григорян

**РУССКИЕ ЖЕНЫ
ЕВРОПЕЙСКИХ МОНАРХОВ**

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Л. Бондаревой*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Традиция строить отношения русского императорского Дома с Европой через судьбы девушек из царских семей была заложена еще в XI веке. Дочери князя Ярослава Мудрого, выданные замуж за иностранцев, положили начало родственным связям с европейскими Домами. Эту традицию продолжил император Петр I: его племянница Анна стала женой герцога Курляндского и покинула Родину. За ней последовали дочери императоров Павла I и Николая I, племянницы императора Александра II и многие другие. По-разному сложились их судьбы, но большинство сумели вплести собственную нить в кружево европейской истории XVIII–XX вв. Но что «досталось» венценосным невестам от потомков? Почти полное забвение на Родине и скудные заметки в зарубежной исторической литературе.

Автор ставит своей целью рассказать современным читателям о жизни и судьбах шестнадцати невест из романовского Дома. Написанная на основе документов, воспоминаний, свидетельств современников, книга помогает понять и сегодняшние отношения между Россией и европейскими странами.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-072096-5

9 785170 720965